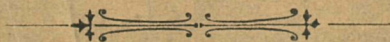

Л. 6.
КН. ЭСПЕРЪ УХТОМСКІЙ.

ОТЪ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ
ДО БУХАРЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Князя В. П. Мещерскаго Б. Итальянская д. № 37.

1891.

КН. ЭСПЕРЪ УХТОМСКІЙ.

✓ 148
6

ОТЪ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ
ДО БУХАРЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Князя В. П. Мещерскаго В. Итальянская д. № 37.

1891.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1889 г. мнѣ удалось побывать въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ, съ цѣлью собрать нѣкоторые поэтический матеріалъ. Единовременно я, по мѣрѣ возможности, занимался исторіей и этнографіей этихъ краевъ, составлялъ критико-библіографическій очеркъ о нихъ (преимущественно по иностраннымъ источникамъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на показанія писателей классической древности), наконецъ помышлялъ приготовить для печати цѣлый большой трудъ чисто-литературнаго характера о мѣстностяхъ, пересѣкаемыхъ Закаспійскою желѣзною дорогою. Когда обработка сочиненія замѣтно подвинулась впередъ, я былъ внезапно отозванъ въ далекое путешествіе на востокъ, и теперь еще не могу взяться за старое дѣло. Такъ какъ замѣтки, составляющія издаваемую нынѣ книгу, представляютъ общій интересъ, внѣ ихъ связи съ остальными частями задуманнаго произведенія, то я и рѣшаюсь предпослать ихъ неотдѣланному пока «описанію Бухары и Самарканда съ точки зрѣнія туриста-любителя старины».

I.

НА ДОРОГѢ ВЪ СРЕДНЮЮ АЗІЮ.

Удивительно странное чувство знать, что впереди—нѣсколько мѣсяцевъ скитальческой жизни! Отъ всего, съ чѣмъ тѣсно связанъ, отрываешься, привычки перестаютъ существовать, настоящее превращается въ какой то сонъ, — но сонъ, исполненный яркости и значенія. Когда изъ столицы ѣдешь отдыхать, забываться,—заграницу, на западъ,—тутъ заранѣе почти все взвѣшено, такъ или иначе извѣстно, знакомо, опредѣлено,—воображенію не хватаетъ полета, умъ не въ силахъ отрѣшиться отъ окружающей дѣйствительности: подобное душевное состояніе положительно лишено всякой животворной прелести и улады. Совсѣмъ не то, когда путь лежитъ куда нибудь въ глушь, въ полнѣйшее одиночество, временное отчужденіе отъ міра! Здѣсь нѣтъ мѣста обыденнымъ помысламъ и мелочнымъ заботамъ: точно

шире стало вокругъ, точно гнету меньше! Еще осязательнѣе это сознается, если отправляешься на далекую восточную окраину, ожидаешь столкнуться со множествомъ непредвидѣнныхъ случайностей и обогатить себя неисчислимыми, глубокими впечатлѣніями. Въ будущемъ, очевидно, предстоитъ встрѣчаться и жить съ новыми людьми, ежедневно задавать себѣ безконечные вопросы, напряженно думать и дѣйствовать: между тѣмъ, въ душѣ при этомъ, — чѣмъ лихорадочнѣе работа на ея поверхности, — невозмутимая тишина становится все сильнѣе и сильнѣе. Замолкаетъ самая острая сердечная боль, отпадаютъ тоскливѣйшія сомнѣнія, наступаетъ нѣчто неизъяснимое.

Кто хоть разъ испыталъ что либо подобное, тотъ уже всегда будетъ чувствовать потребность чаще отдаваться такого рода ощущеніямъ. Вѣроятно, тутъ то и таится разгадка, какъ могли складываться характеры величайшихъ путешественниковъ нашего вѣка, почему ихъ неодолимо притягивали малодоступные края. Каждый, безъ сомнѣнія, жаждалъ одного — очутиться по временамъ среди самой пестрой и любопытной во всѣхъ отношеніяхъ обстановки и сказать себѣ: у меня бездна матеріала для наблюденій и обобщенія, но я потому именно и могу осмысливать все

это, по мѣрѣ изученія, что въ сущности я далекъ отъ всего этого, выше стою, равнодушенъ, спокоенъ до крайняго предѣла. Въ маломъ видѣ переживать подобные моменты способенъ любой человѣкъ. Когда же горизонтъ раздвигается и энергія властиѣ,—передъ удивленными взорами образованной толпы проходятъ изслѣдователи странъ, которыя на половину замкнуты европейской цивилизаціи.

По дорогѣ къ Каспійскому морю, отъ Царицына Волгою внизъ, силясь и никакъ не можешь уловить, гдѣ собственно кончается Европа и начинается Азія: слишкомъ у насъ много общихъ съ нею чертъ, слишкомъ неизгладимый отпечатокъ наложенъ ею спеціально на Россію! Стоитъ только пріѣхать на пароходную пристань, и видишь закаспійскій востокъ въ лицѣ его торговыхъ представителей, — а такъ какъ присутствіе ихъ въ этихъ мѣстахъ издревле составляетъ обычное явленіе, такъ какъ, кромѣ того, здѣсь еще сравнительно недавно колыхались враждебныя намъ полудикія орды завоевателей и степь не хотѣла знать осѣдлости, то, очевидно, рано еще проводить грань между двумя смежными, противоположными по духу мірами. Краски

сливаются, переходъ изъ одной области въ другую незамѣтенъ.

Въ столовой и на палубѣ большого меркурьевскаго парохода «Александръ II» — оживленное общество. Мало-по-малу пассажиры знакомятся, разбиваются на группы, распространяются, кто, зачѣмъ, куда ѣдетъ. Вечерѣтъ. Рѣка словно зеркало. Сентябрь, но еще тепло. Путешествіе совершается при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Кто-то изъ проѣзжихъ выражаетъ свое недоумѣніе, почему такъ мало судовъ попадаетъ по изгибамъ широкаго воднаго пути, когда онъ связываетъ разнороднѣйшіе промышленные центры. «Случай, что сегодня именно нѣтъ. Движеніе громадное», поясняютъ присутствующіе. Какой-то пессимистически настроенный туристъ возражаетъ: «конечно, цыфры на первый взглядъ какъ-будто и внушительны, но если только представить себѣ, что необъятная Русь, находясь теперь въ наиболѣе чѣмъ когда-нибудь тѣсномъ общеніи со среднеазиатскимъ востокомъ, въ результатѣ очень слабо оттого богатѣетъ и развивается экономически, невольно задаешь себѣ вопросъ: способны ли мы взаправду что-либо путное создавать тамъ, за Каспійскимъ моремъ,

въ Туркестанѣ, послѣ тяжелыхъ жертвъ и матеріальныхъ затратъ? мы безспорно сильны пока на этой окраинѣ въ боевомъ отношеніи, наше внѣшнѣе могущество въ новоприсоединенномъ краю должно до извѣстной степени казаться загадочнымъ Европѣ,—но вѣдь это все лишь временно. Не пойдутъ туда теперь немедленно служить и безкорыстно работать лучшіе русскіе люди, не проявить купечество массу энергіи и соревнованія, — и плоды нашего долголѣтняго, какъ хотятъ увѣрить, исторически необходимаго наступленія на среднеазіатскій востокъ, станутъ равны нулю и даже, того и гляди, случится нѣчто худшее: непосредственная близость къ Афганистану и вѣра въ возможность легко проложить себѣ дорогу на Индію самымъ пагубнымъ образомъ отразится на нашемъ положеніи въ новыхъ владѣніяхъ, втянетъ насъ въ безконечную войну съ политическими соперниками, въ концѣ-концовъ все-таки больше повредитъ Россіи, чѣмъ англійскому народу. Кто же спорить, что мы умѣемъ покорять, что войска наши привыкли не останавливаться ни передъ какими преградами: дѣло не въ этомъ. Положимъ, мы захотимъ пройти до индійской границы, и несомнѣнно пройдемъ. Что же дальше? Передъ арміей очутятся двѣсти пятьдесятъ милліоновъ туземнаго населенія, съ

очень древней. своеобразнѣйшей интенсивной культурой. До европейцевъ всюду царили кровопролитныя неурядицы, бѣдствія такъ и сыпались на страну; безправіе, насиліе, не знали границъ. Сплоченнаго цѣлаго ни по крови, ни по языку, ни по религіи она нигдѣ не представляла. Всѣ элементы, входящіе въ составъ гигантскаго тѣла, называемаго Индіей, до того противоположны и подчасъ прямо враждебны другъ другу, что пришельцамъ весьма не трудно дѣйствовать по принципу «divide et impera». Когда же они еще, вдобавокъ, сознательно и многостороннимъ образомъ интересуются строемъ туземной жизни, значеніемъ обычаевъ, глубиною вѣрованій, то знаніе всего этого даетъ въ руки неотразимое оружіе. У насъ нѣтъ и сотой доли тѣхъ сложныхъ культурно-историческихъ вопросовъ, въ которые приходится вникать англо-индійскимъ администраторамъ и ученымъ, а между тѣмъ мы до сихъ поръ блуждаемъ въ этомъ отношеніи въ потьмахъ. Съ натуралистической точки зрѣнія Средняя Азія нами болѣе или менѣе изслѣдуется, съ духовной—мы какъ будто не въ состояніи освоиться: едва ли подобное явленіе зависитъ исключительно отъ нашего равнодушія. Причины должны глубже корениться. Мы сами пока не настолько цивилизованы, чтобы объек-

тивно относиться къ покоряемому востоку. Если идти южнѣе и южнѣе изъ Туркестана, русскіе не замедлятъ попасть въ такой страшный хаосъ, что и предвидѣть нельзя, какъ печально кончится наша политика на востокѣ».

Мой путь лежитъ именно туда, гдѣ будто-бы мало нами создано, гдѣ будто-бы подымается уже призракъ грядущихъ несчастій. Рѣчи, вродѣ той, которую я тутъ привожу въ видѣ примѣра, мнѣ давнымъ давно приходится слышать въ аналогичной, одинаково рѣзкой формѣ. Онѣ слишкомъ характерны, чтобы умалчивать о нихъ. При путешествіи за Каспійское море подобные взгляды неминуемо надо принимать въ соображеніе. Иначе сужденія о вещахъ будутъ чрезвычайно узки, пристрастны.

Въ теоріи, очень отвлеченно говоря, пессимистическій отзывъ о нашемъ движеніи въ глубь Азіи, быть можетъ, и справедливъ, но на практикѣ это голое отрицаніе невѣрно. Не будь у насъ крѣпкой цивилизующей мощи, развѣ въ два вѣка низовья Волги преобразились бы до неузнаваемости?

Ночь вполнѣ вступила въ свои права. Пароходъ подходитъ къ Черному Яру, и невольно при-

поминается, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича здѣсь основанъ городокъ среди пустынной мѣстности, для устрашенія разбойниковъ. Караваны судовъ (досчаниковъ и струговъ) ходили по теченію и противъ лишь дважды въ годъ, въ количествѣ пятисотъ, съ отрядами стрѣльцовъ, съ каменными пушками. Мудрено ли, если при такихъ условіяхъ, когда, даже при помощи правительства, вольница безъ стѣсненія нападала на охраняемыхъ стражею купцовъ, долгое время нечего было думать о какомъ нибудь правильномъ и тѣсномъ общеніи со среднеазиатскимъ востокомъ?

Въ нашей смѣшанной полуславянской, полунородческой натурѣ столько неуловимыхъ противорѣчій, такое изумительное богатство психическихъ свойствъ, точно нѣсколько совершенно особыхъ міровъ сочеталось въ ней для возсозданія чего то невиданнаго, небывалаго. Иногда мы вступаемъ въ полосу безпросвѣтнаго мрака, застоя, дикости, отупѣнія, — и вдругъ, будто чудомъ, все кругомъ опять становится ярко, молодо, смѣло, разумно. Жизнь бьетъ ключемъ—серебрянымъ, чистымъ, цѣлебнымъ. Откуда это берется, гдѣ родникъ этихъ непостижимыхъ явленій,—едва-ли пока приищется отвѣтъ. Но факты на лицо. Какъ бы наши патріоты-песси-

мисты ни отчаявались относительно судебъ Россіи,—то, что логически для другихъ государствъ и народовъ есть признакъ разрушенія, для насъ зачастую предвѣстникъ борьбы и побѣды. И мечтою уносишься въ неоглядную ширь обступающей рѣки. Забываешь эпоху, когда живешь, забываешь условія, при которыхъ движеешься впередъ. Въ лунной мглѣ словно тѣни какія-то мелькаютъ на челнокахъ, лихо на бекрень одѣты косматые шапки, оружіе позвякиваетъ и мерцаетъ, голоса перекликаются... И въ тишинѣ еле слышно замираетъ разбойничій напѣвъ:

Мы рукой махнемъ—
Караванъ возьмемъ...

Въ каждомъ звукѣ—цѣлая поэма. Кто ее пойметъ, тотъ не станетъ спрашивать, куда и почему мы идемъ все дальше и дальше въ Азію. Удаля исхода просить, нормально медлительное саморазвитіе для насъ почти равносильно смерти. Мы дѣйствуемъ тамъ и движемся на половину безсознательно, стихійно. Затѣмъ уже русскіе государственные люди и западная печать силятся пріискать событіямъ подходящее объясненіе. Оно рѣдко бываетъ умѣстно, и даже въ этихъ случаяхъ новое, внезапно образующееся теченіе, особенно въ жизни нашихъ окраинъ,—опять наводитъ на раздумье, опять требуетъ догадокъ.

II.

НА СРЕДНЕАЗІАТСКОМЪ РУБЕЖѢ.

Астрахань производитъ довольно тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе, притомъ не только съ внѣшней стороны. Когда освоишься съ невыносимой здѣшной пылью и одинаково несносными извозчиками-татарами, которые ѣздятъ, какъ то уродливо изогнувшись впередъ, точно они сидятъ не на козлахъ, а верхомъ въ стародавнее время хищныхъ наѣздовъ, и при каждомъ поворотѣ грозятъ опрокинуть экипажъ,—когда съ этимъ помиришься, спрашиваешь себя, что представляетъ городъ въ духовномъ отношеніи. Я, очевидно, не подразумѣваю, каковы его литературные интересы. Ихъ теперь, вообще, въ Россіи почти ужъ нѣтъ, даже въ столицѣ, а въ глубокой провинціи и подавно. Словесное творчество падаетъ; современныя дарованья далеко не чета прежнимъ. Мы обязаны довольствоваться тѣмъ, что изъ

своего чрева вѣщаетъ русская печать, не имѣя въ большинствѣ случаевъ, при разрѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ, ни достаточныхъ знаній, ни принципиальныхъ взглядовъ. Какъ это отражается на нашемъ общественномъ сознаніи, ни для кого не тайна. Было бы крайне наивно искать кипучей умственной дѣятельности въ Астрахани, гдѣ преобладающимъ элементомъ являются купцы, рыбопромышленники, т. е. люди, у которыхъ, обыкновенно, очень узкій горизонтъ. Но все таки ожидаешь встрѣтить нѣкоторыя культурныя черты, свидѣтельствующія о томъ, что мы стоимъ въ степныхъ низовьяхъ Волги, среди моря кочевниковъ, не въ качествѣ случайныхъ пришельцевъ, нежелающихъ имѣть ровно ничего общаго съ инородцами, но въ качествѣ народа съ высшей цивилизаціей, способнаго изучить ихъ бытъ, сдѣлать все, что возможно, для ихъ матеріальнаго благосостоянія и въ связи съ этимъ для пользы государства, призваннаго, наконецъ, просвѣтить глаголомъ истины и наставить полудикарей. Въ районѣ астраханскаго вліянія — киргизская буюкеевская орда и европейскіе калмыки. Если кто думаетъ найти въ самомъ южномъ волжскомъ городѣ цѣнныя и разностороннія данныя о нихъ, тотъ жестоко ошибется.

Надо или начинать съ азбуки всего, что отно-

сится до ихъ характерныхъ особенностей въ краѣ, или ограничиться бѣглыми распросами у мѣстныхъ хоть сколько нибудь образованныхъ жителей, которые, повидимому, не слишкомъ ясно понимаютъ, каковы задачи нашего правильно поставленнаго попечительства надъ инородцами и что собственно намъ необходимо знать объ ихъ жизненномъ строѣ. Разъ здѣсь по этой части процвѣтаетъ блаженное невѣдѣніе, неудивительно, если правительство лишено возможности издалека творить въ желательномъ направленіи, исправлять прежнія ошибки, вырабатывать разумный *modus vivendi* русскихъ элементовъ съ неподдающимися пока обрусѣнію инородцами. А вѣдь, кажется, пора бы ему проявить больше внутренней мощи въ низовьяхъ Волги! До чего у насъ тутъ вообще слаба всякая инициатива, наглядно рисуетъ слѣдующій примѣръ, затрогивающій иную область фактовъ.

Со временъ царя Алексѣя Михайловича высшая власть радѣла о разведеніи тутовыхъ деревьевъ на астрахансквій почвѣ, гдѣ они хорошо росли, и о развитіи шелководства. Это полезное занятіе, не смотря на довольно благопріятныя климатическія условія *) и выгодность его, при

*) Въ краѣ почти полное отсутствіе грозъ. Шелковичные черви очень боятся грома и молніи, болѣютъ изъ за нихъ и умираютъ.

умѣнїи вести дѣло, почему то до послѣдняго года было заброшено. Не туземцу, а прїѣзжему чужому человѣку, (мингрельцу, князю Чичуа), пришлось подумать надъ тѣмъ, какъ оно легко можетъ стать важнымъ подспорьемъ для бѣдной части населенїя. На Кавказѣ множество крестьянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, обходясь исключительно домашними средствами, при помощи женщинъ и даже дѣтей (такъ какъ шелководство не требуетъ физическихъ силъ), благодаря ему, исправно платятъ подати и кормятся. Желая выяснить астраханцамъ, что это занятїе и общедоступно и прибыльно, Чичуа устроилъ у самаго города опытную станцію шелководства, куда всякій, интересующійся имъ, могъ бы обращаться за совѣтомъ и указанїями. Разведенїе червей удалось. Исчислены также приблизительныя цифры расхода и дохода для семьи, обладающей незначительнымъ клочкомъ земли, на которомъ есть тутовникъ (а его здѣсь много): если купить хорошей грены (яичекъ) около 40 золотн. на двадцать рублей и добавить на половину этой суммы для обзаведенїя весьма несложною червоводнею, то коконовъ получится до четырехъ пудовъ, цѣною каждый въ 50 руб. Очевидно, надо стараться, чтобы добрый починъ нашелъ всюду поддержку и столь важное занятїе приглянулось на-

селенію. Но отчего, когда Кавказъ подъ бокомъ и со значеніемъ шелководства въ Астрахани знакомы не со вчерашняго дня, до сихъ поръ именно тамъ никто не отнесся къ этому съ должнымъ вниманіемъ? Такіе вопросы приходится, къ несчастью, задавать себѣ слишкомъ часто.

Изъ здѣшнихъ инородцевъ калмыки особенно заслуживаютъ нѣсколькихъ обдуманнхъ словъ. Это—какой-то психически замкнутый, очарованный міръ, одно существованіе котораго внутри нашей имперіи, сравнительно близко отъ столицы,—со всѣми характерными чертами принесенной издалека культуры,—достойно глубокаго вниманія историковъ, этнографовъ и, вообще, специалистовъ по Азіи. Вотъ уже скоро истекаетъ триста лѣтъ съ того времени, какъ междоусобія на родинѣ и потребность овладѣть новыми пастбищами обусловили движеніе независимыхъ кочевниковъ—буддистовъ на дальній западъ. Широко раскинулись они затѣмъ по обоимъ берегамъ низовья Волги, начали борьбу съ мусульманами-сосѣдями, давали намъ конные отряды для походовъ за границу. Но связь съ очагами религіи въ Тибетѣ, сношенія съ Далай-ламою, несмотря на тысячеверстныя разстоянія, слухи о томъ, что дома въ степяхъ теперь уже не такъ тѣсно, ибо китайцы перебили много народа, — все, вмѣстѣ

взятое, — при незнакомствѣ правительства съ тѣмъ, что въ душѣ у калмыковъ, — вызвало въ царствованіе Екатерины II знаменитое бѣгство ихъ въ Чжунгарію. Осталась случайно запоздавшая и остановленная часть поднявшихся въ путь. Горсть ихъ въ Уральской области, значительно больше въ Ставропольской губерніи, гдѣ ими завѣдуетъ особый приставъ, и въ Землѣ Войска Донскаго. Калмыцкое царство въ маломъ масштабѣ представляетъ мѣстами астраханскій край. Здѣсь наши высшія власти, преслѣдуя съ одной стороны миссіонерскія цѣли на восточно-сибирской буддійской окраинѣ, съ другой сами, искусственнымъ образомъ, подъ стекломъ, сохраняютъ въ неприкосновенности густую чуждающуюся насъ массу инородцевъ. У нихъ весь строй возрѣній до того бережно унаслѣдованъ отъ предковъ, что, казалось бы, намъ не трудно было додуматься, какъ поступить, если ужъ терпится нынѣшнее ненормальное положеніе вещей. Нужно прежде всего приступить къ разностороннему и крайне тщательному изученію быта и нуждъ калмыковъ, ихъ духовнаго склада исконныхъ обычаевъ, преданій и вѣрованій. Тѣ, кому бы это было поручено, неминуемо должны хорошо освоиться съ языкомъ и письменностью инородцевъ. Съ нѣкоторыми уже разработанными данными въ ру-

кахъ можно ставить себѣ задачей опекать народъ, который считается нецивилизованнымъ. Безъ того игра не стоитъ свѣчъ и является для послѣдняго, — чего онъ однако не въ состояніи постичь, — излишнимъ бременемъ и опасностью въ будущемъ. Если бы не бросать астраханскую степь на произволъ судьбы и, помимо канцелярскаго формальнаго отношенія, искренно позаботиться объ ея умственномъ и матеріальномъ развитіи, калмыки бы постепенно и безболѣзненно выводились изъ застоя и нравственнаго оцѣпененія. Слишкомъ внезапныя попытки привести кочевой народъ къ обрусѣнію, очевидно, дадутъ отрицательные и печальные результаты.

Но еще отрицательнѣе и печальнѣе сказывается на далекой сибирской окраинѣ стремленіе властей, на основаніи однихъ лишь фантастическихъ предположеній, реформировать или точнѣе насиловать жизнь неосѣдлаго населенія, которое, правда, кротно и безотвѣтно, но, во первыхъ, черпаетъ средства для борьбы въ сосѣдствѣ съ единоплеменниками, подданными богдыхана, а во вторыхъ, когда худо, можетъ уходить въ китайскіе предѣлы. Одною рукою мы хотимъ создать, что разрушаемъ другою. На чуткихъ инородцевъ, видящихъ лишь факты, но не объясняющихъ себѣ причинъ, почему возможны столь про-

творѣчивыя явленія, все это вліяетъ весьма удручающимъ образомъ. Пора, наконецъ, русское знамя высоко нести вездѣ, и внутри имперіи и на ея глухихъ азіатскихъ рубежахъ, а то приходится дѣйствовать, оступаясь, въ потьмахъ. Такой же порядокъ вещей иногда справедливо считается невыносимымъ.

Въ двухъ шагахъ имѣется готовый матеріалъ, чтобы брать его и разсматривать: раньше, чѣмъ это сдѣлано, чего ради строить преждевременныя теоріи, къ чему приниматься за рѣшеніе вопросовъ, сущность и объемъ которыхъ пока довольно неопредѣленны?

III.

КАЛМЫЦКАЯ СТЕПЬ.

На пути въ Среднюю Азію невольно интересуешься обликомъ стойкаго по своему кочеваго языческаго народа, который всего дальше, въ періодѣ новѣйшей исторіи, шагнулъ на западъ и точно окаменѣлъ на стражѣ родныхъ первобытныхъ обычаевъ и вѣрованій. Волга постепенно цивилизуется, самая непочатая глушь начинается измѣняться подъ вліяніемъ просвѣщенія. Убѣжденный инородецъ-буддистъ одиноко и мрачно выдѣляется среди этого оживленія, не затронутый имъ, не поколебленный, вѣрный міросозерцанію предковъ. Русская грамотность, конечно, проникаетъ въ кочевья, въ молодежи рассыпаются извѣстнаго рода любознательность и трудолюбіе,— но зрѣлые люди и духовныя лица недружелюбно смотрятъ даже на слабые признаки чисто формальнаго обрусѣнія и,—при нѣ-

которой льстивости, — свысока относятся въ душѣ къ тому чиновничеству, которое завѣдуетъ степью, не зная ея, живетъ съ богачами за панибрата, сегодня еще краснорѣчиво говоритъ съ послѣдними о народныхъ нуждахъ, а завтра получаетъ ужё совершенно иное назначеніе, ничего не сдѣлавъ для такъ-называемыхъ «опекаемыхъ».

Въ самой Астрахани трудно себѣ составить хоть сколько нибудь правильное понятіе о нихъ. Общество равнодушно къ нимъ. Этнографическаго музея нѣтъ и въ зародышѣ. Калмыцкая школа съ десятками обучающихся мальчугановъ представляетъ неопредѣленную массу въ броженіи, изъ котораго нельзя пока сказать, что выйдетъ. Преподаетъ тамъ крайне развитой инородецъ Бадмаевъ. Отъ него можно узнать о многомъ въ степи. Онъ ясно сознаетъ, какую ломкою грозитъ ей въ будущемъ всякая искусственно прививаемая реформа. Народъ избалованъ долго державшимися льготами и привилегіями. Если его сразу потѣснить и пріучать къ иному строю жизни, калмыки замкнутся въ себѣ еще болѣе, начнутъ искать въ буддизмѣ не только отвѣта на все и утѣшенія, но и прочной опоры, однимъ словомъ, вмѣсто улучшенія, порядокъ вещей ухудшится.

Подъ самой Астраханью, за такъ называемымъ

форпостомъ, стоитъ небольшая кумирня, гдѣ нѣсколько ламъ (духовныхъ) за извѣстную плату показываютъ проѣзжимъ свое служеніе и предметы культа. Тамъ все видимое благочестіе сводится къ тунеядству, легкой наживѣ, и только. О религіи мѣстные калмыки, кажется, не имѣютъ яснаго представленія. Когда я сталъ спрашивать говорящихъ по русски, и притомъ спрашивать, зная самъ, о чемъ говорю и что именно хочу знать (потому что посѣтилъ буддійскіе монастыри Забайкалья, проѣхалъ Монголію отъ Кяхты до Великой стѣны, былъ въ ламскихъ святилищахъ Пекина), на мои простѣйшіе вопросы я не могъ добиться ни одного отвѣта. Но судить по этому о степени религіозности калмыцкаго народа, конечно, еще нельзя. Подъ городомъ, очевидно, живутъ худшіе, развращеннѣйшіе представители духовенства. Когда они служили, напримѣръ, передо мною, въ ожиданіи денегъ за труды, то нѣкоторые были замѣтно пьяны.

Проѣхавши дальше степью въ глушь, я пришелъ къ тому мнѣнію, что религіозное настроеніе до сихъ поръ очень сильно, особенно за послѣдніе года. Иные калмыки (между прочимъ и одна богатая инородческая княгиня Дугарова) ѣздили недавно въ Забайкалье къ бурятамъ и

въ Ургу (за триста верстъ къ югу отъ Кяхты: тамъ находится великій буддійскій «святой» Чжебдзунъ-дамба-хутухту), или же моремъ изъ Одессы на Тянь-дзинь, портъ Пекина, и далѣе черезъ китайскую столицу въ Тибетъ. За границей скупались книги, кумиры, получалось посвященіе и наставленіе отъ знаменитыхъ вѣроучителей. Такія сношенія съ востокомъ, очевидно, дорого стоятъ, но народъ ревностно жертвуетъ на возвеличеніе родной святыни.

Въ астраханской калмыцкой степи — десятки кумирень, и съ каждымъ годомъ число ихъ возрастаетъ. Значительная доля приходится на тѣ, которыя созданы въ честь бога медицины *Манла* (по тибетски), *Оточи* (по монгольски), — по преданію современника и сподвижника Будды. Искусство врачеванія служитъ жречеству орудіемъ вліянія. Поэтому русское начальство запрещаетъ лечить, но это не исполняется. Цѣлесобразнѣе было бы хотъ сколько нибудь поощрять ознакомленіе съ ламскими способами леченія. Основы его — индійско-эллинскаго происхожденія и не лишены глубокаго смысла. Разъ, что искоренить народную вѣру въ ученіе Оточи пока невозможно, раньше чѣмъ бороться, проще узнать, въ чемъ собственно оно заключается. А то вотъ уже скоро два вѣка съ половиною, какъ мы

имѣемъ дѣло съ буддизмомъ въ нашихъ предѣлахъ и ничего почти толкомъ не поняли въ міровоззрѣніи ламъ. Наше невѣдѣніе о нихъ—ихъ сила, и наоборотъ. Это на первый взглядъ звучитъ парадоксально, но въ сущности справедливо. Языческое жречество, не затронутое никакими вѣяніями западной цивилизаціи, гораздо слабѣе и безвреднѣе въ соціально-политическомъ отношеніи, чѣмъ лица полуобразованныя по европейски, которыя быстро проникаются презрѣніемъ къ нашей культурѣ, подмѣчая исключительно ея неприглядныя стороны, и въ такомъ именно духѣ воздѣйствуютъ на внимающую имъ массу. Иностранецъ съ духовнымъ знаніемъ, приглядѣвшійся къ тому, чѣмъ умственно насыщается наша «интеллигенція», не только не чувствуетъ ни малѣйшей потребности внутренне сближаться съ нами, но даже начинаетъ испытывать сознательную и отчасти простительную неприязнь. Оттого мнѣ кажется, что, радѣя объ успѣхахъ отвлеченно представляющагося обрусѣнія, мы стараемся расчищать для него почву не тамъ, гдѣ слѣдуетъ и гдѣ это разумно. Оффиціальными новѣйшими отчетами признается обѣднѣніе калмыковъ, бѣдственное положеніе простонародья иныхъ улусовъ, забитость его и угнетенность, благодаря тому, что зайсанги (своего рода дво-

рянство) злоупотребляютъ крѣпостнымъ правомъ. вмѣсто принятія всѣхъ мѣръ къ урегулированію отношеній между сословіями, къ борьбѣ съ передвижными песками, грозящими обратить цѣлый край въ пустыню, наконецъ къ оказанію дѣятельной помощи тѣмъ изъ инородцевъ, которые крайне трудолюбивы, но часто не находятъ работы или кое-какъ, въ самыхъ каторжныхъ условіяхъ, перебиваются на рыбныхъ и соляныхъ промыслахъ, уходятъ на заработки въ землю Войска Донскаго и Ставропольскую губернію,— вмѣсто всего этого и т. п. русское начальство, беззаботное относительно религіозной жизни опекаемаго народа, придумываетъ, чѣмъ бы его озадачить. Въ то время, какъ надо призадумываться надъ настоящими тяжкими нуждами большинства астраханскихъ калмыковъ, правительство, допустившее, чтобы въ степи открыто числилось до 2,000 ламъ,—хотя по штату полагается значительно меньше,—теперь вдругъ не хочетъ ихъ утверждать таковыми безъ знанія русскаго языка. Но вѣдь когда они ему по необходимости обучатся,—не будетъ ли хуже? Въ данную минуту духовенство преимущественно состоитъ изъ людей довольно наивныхъ, мало развитыхъ, замкнувшихся въ своемъ узкомъ кругозорѣ. Если имъ дать толчекъ и разбудить ихъ, обрусѣніе

встрѣтить уже не пассивное противоудѣйствіе, а вполне активное. Тогда пришлось бы видѣть въ лицѣ уступчивыхъ, хитрыхъ ламъ нежела-
тельныхъ посредниковъ между нами и темной
массой, т. е., *выражаясь грубо, насъ бы на
каждомъ шагу дурачили.*

Астраханская калмыцкая степь охватываетъ пространство въ семь съ половиною миллионѣвъ десятинъ. По даннымъ, за 1888 г., населеніе въ отдѣльныхъ улусахъ равняется слѣдующему количеству кибитокъ, принимая, что въ каждой отъ трехъ до семи душъ:

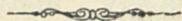
1) Въ Эркетеневскомъ улусѣ.	. . .	3,130	киб.
2) » Багацохуровскомъ »	. . .	3,243	»
3) » Икицохуровскомъ »	. . .	3,242	»
4) » Александровскомъ »	. . .	2,073	»
5) » Харахусовскомъ »	. . .	2,763	»
6) » Малодербетовскомъ »	. . .	9,782	»

Итого . . 24,233 киб.

Значитъ, всего народа не меньше 110—130,000 обоого пола. Если принять во вниманіе, что еще кромѣ того, остаются донскіе, ставропольскіе, уральскіе калмыки, да и въ Сибири найдутся единокровные имъ инородцы той же монгольской вѣтви, поневолѣ задаешь себѣ вопросъ: не

пора ли приняться наконецъ за серьезное изученіе ихъ быта и особенностей? Вдоль русско-китайской границы доселѣ кочуютъ потомки тѣхъ приволжскихъ буддистовъ, которые въ прошломъ вѣкѣ ушли обратно на востокъ. Въ ихъ кочевьяхъ хранятся старинныя грамоты, старинныя вещи и т. п. У астраханскихъ есть близкая родня между иноземными. Степной сѣверъ Небесной имперіи какъ-то самъ собой, въ силу историческаго порядка вещей, тяготѣетъ къ Россіи. Въ случаѣ войны съ громаднымъ загадочнымъ сосѣдомъ весьма и весьма важно имѣть разноплеменныхъ монголовъ или союзниками, или дружелюбно-нейтральными. Вызвать-же подобное явленіе всего естественнѣе и легче могутъ наши инородцы-ламаиты. Для этого нужно, чтобы и мы, въ свою очередь, понимали ихъ нужды,—особенно не стѣсняли ихъ въ религіозномъ отношеніи (ибо всѣ интересы этихъ подданныхъ Бѣлаго Царя сводятся къ одному: къ вѣрѣ). Правительство въ сущности должно бы придерживаться такого плана: по калмыкамъ въ Европѣ исподволь и тщательно знакомиться съ монголо-тибетской культурой и міросозерцаніемъ принявшихъ ее степняковъ, на основаніи добытыхъ этимъ путемъ свѣдѣній управлять далекою окраиною, постепенно вникать въ строй

туземной жизни и симпатіи къ намъ въ китай-
скихъ предѣлахъ. Конечно, параллельно съ тѣмъ
нашлось бы немало и всякой другой побочной
работы въ одинаковомъ направленіи. Тутъ вы-
сказывается лишь, что желательно въ принципѣ

IV.

ПО КАСПІЙСКОМУ МОРЮ.

Неприглядна Волга южнѣе Астрахани... Низкіе, довольно пустынные берега... Не глубоко сидящіе пароходы... Послѣ многолюдья и оживленія на городскихъ пристаняхъ, когда увидишь себя въ значительно суженномъ водномъ пространствѣ, съ густо разросшимися камышами, закрывающими даль, невольно просыпается пасмурное настроеніе. Не мудрено, что въ этихъ мѣстахъ, славящихся лихорадками, искони не слышно ни о какой правильной спокойной жизни. Не смотря на свое крайне выгодное географическое положеніе, они сами по себѣ исторически ничѣмъ не замѣчательны. Тутъ уже какъ бы чувствуется переходъ отъ европейскаго быта, въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ, къ обиженнымъ природою и почти заброшенными людьми неосѣдлымъ частямъ Средней Азіи. Начинается рыбное царство.

Рабочій людъ ютится по чернѣющимъ кое-гдѣ ватагамъ: въ тяжелой печальной обстановкѣ упорно, неустомимо трудятся промышленники. Земля перестаетъ гостепріимно встрѣчать человека и отдаривать его за потраченную работу: на смѣну является другая стихія, съ неизсякающими богатствами, несмѣтнымъ количествомъ пищи на милліоны населенія. Недаромъ въ низовьяхъ Волги когда-то, вѣроятно, все представляло морскую поверхность и она сравнительно недавно (какія нибудь тысячи лѣтъ назадъ) отошла къ югу. Прѣжнія владѣнія старика Каспія продолжаютъ щедро кормить пришельцевъ и разстилающуюся за ними сушу. Она же, не взирая на благодѣянія, расточаемыя ея дѣтямъ, постепенно оттѣсняетъ море дальше и дальше. Подуетъ съ него вѣтеръ (такъ называемая «моряна») и въ мелководныхъ устояхъ глубина замѣтно увеличивается; но стоитъ ему стать «верховымъ», и вода стоняется до такой степени, что мѣстами лодкамъ неудобно подвигаться. Можно ли при такихъ условіяхъ, когда Волга какъ бы теряется въ перехватывающей ее на пути землѣ, забываетъ свое царственное величіе и могучую красоту, дробится на притоки,—можно ли, спрашивается, при такихъ условіяхъ считать благопріятною для торговли рѣчную до-

рогу изъ Средней Азіи къ сердцу Россіи? Не говоря уже о томъ, что изъ-за этого значительныя по объему суда принуждены разгружаться въ нѣкоторомъ разстояніи отъ астраханскаго берега, а плоскодонныя парусныя меньшихъ размѣровъ хотя и ходятъ прямо изъ Астрахани къ каспійскимъ портамъ, но, при отсутствіи попутнаго вѣтра, иногда чуть ли не мѣсяцы употребляютъ на переходы въ сотни верстъ,—въ довершеніе несчастія сѣверная часть моря зимою покрывается льдомъ и связь съ Поволжьемъ нарушается.

Проектируется, правда, углубленіе фарватера Волги, но изысканія, какъ это сдѣлать, ведутся съ пятидесятихъ годовъ и ни къ чему не привели. Установлено лишь, что, послѣ громадныхъ денежныхъ затратъ, они вдругъ могутъ оказаться бесполезными, если обмелѣніе рѣки и Каспія, вмѣстѣ съ быстротою образованія новаго берега, въ концѣ концовъ опередятъ и упразднить всякую работу, всякую попытку вмѣшаться въ борьбу, которую море и земля ведутъ между собою. Все-таки, пожалуй, раціональнѣе держаться старой, но почему то, видимо, забытой мысли о необходимости вырыть обводный каналъ отъ Астрахани до какого нибудь пункта сѣверной части Каспія. Не двинутся ли намъ самимъ въ

погоню за нимъ, не создать ли за береговой линіею нѣчто вродѣ Венеціи?

Пока этотъ путь изъ Средней Азіи къ Нижнему не будетъ удовлетворять своему назначенію, нельзя и разсчитывать на грандіозное развитіе нашего торгово-промышленнаго общенія съ ближайшимъ Востокомъ. И то оно растетъ съ каждымъ днемъ. Жаль только, что мало пароходныхъ обществъ рѣшается вложить капиталы въ благодарное дѣло большаго оживленія Каспійскаго моря постройками хорошихъ судовъ. Пассажиры I и II класса (а число ихъ, благодаря желѣзной дорогѣ на Самаркандъ, становится весьма значительнымъ) вынуждены ѣздить непремѣнно на пароходахъ «Кавказа и Меркурія», потому что другіе не приспособлены для перевозки хоть сколько нибудь требовательныхъ путешественниковъ. Последнее же, пользуясь своимъ исключительнымъ положеніемъ, обиліемъ доходовъ и отсутствіемъ опасной конкуренціи, иногда не прочь злоупотреблять терпѣніемъ и сравнительной безпомощностью «одушевленнаго груза», съ дорогими билетами первыхъ двухъ классовъ. Цѣны на нихъ слишкомъ возвышенны (напримѣръ, отъ Баку до Узунъ-Ада короткій переѣздъ стоитъ двѣнадцать руб.,— безъ ѣды). Кормятъ вообще скорѣе дурно, чѣмъ сносно. Но, что непростительно, это—столь во

время качки. За обѣдъ и закуску платится обязательно, — безразлично, боленъ ли пассажиръ или, напротивъ, обладаетъ волчьимъ аппетитомъ. Каспійское море славится волненіемъ и суровостью по отношенію къ ѣдущимъ по нему. Понятно, буфеты и безъ того много зарабатываютъ на публикѣ, которую укачало. Нечего имъ еще изъ экономіи изощряться, чѣмъ досадить малочисленному кружку тѣхъ, на кого не дѣйствуетъ качка и кто съ удовольствіемъ ждетъ обѣденнаго часа. На пароходѣ, гдѣ я ѣхалъ, большинство пассажировъ болѣло и лежало по каютамъ: буфетчикъ, однако, рассчиталъ, что ему невыгодно «кормить за деньги» трехъ-четырехъ человѣкъ, не захворавшихъ, и вотъ чѣмъ насъ сразу, въ одинъ день, угостили: ржавыя сосиски съ кислою капустою, не совсѣмъ свѣжая жирная осетрина и сладковатое мясо утокъ. Въ результатъ двое почувствовали сильнѣйшую тошноту и расстройство желудка. Цѣль была достигнута: они продолжали платить, но не ѣли. Такимъ безобразіямъ, очевидно, слѣдовало бы не повторяться... Но случаются вещи и похуже, хотя «Кавказъ и Меркурій» возитъ почту, переправляетъ войска. Сроки отправленія и особенно доставки должны бы, кажется, быть по возможности приблизительно точно установлены. Тѣмъ

не менѣе нерѣдко все запаздываетъ, если только на морѣ нѣтъ идеальной погоды. Это отчасти, и въ значительной даже степени, зависитъ отъ неудовлетворительнаго состоянія судовъ. Напримѣръ, инныя даже не могутъ бороться съ волнами, а прямо сами собою поворачиваютъ обратно. Бываетъ, что вмѣсто двухъ дней несчастныхъ солдатъ и казаковъ переправляютъ съ Кавказа въ семь дней. Участъ палубныхъ пассажировъ, при порядочной качкѣ, довольно плачевна: ихъ подстилки и ручной багажъ просто заливаются водою. Жалко смотрѣть! Между прочимъ возможны и такіе совершенно необъяснимые факты. Одинъ изъ лучшихъ по комфорту и сильнѣйшихъ пароходовъ идетъ въ серединѣ сентября отъ Петровска на Баку. Ночью погода измѣняется и затрудняетъ движеніе впередъ. Вмѣсто того, чтобы все таки продолжать рейсъ, разъ что никакой опасности не представляется и нѣтъ гарантій, скоро ли неблагопріятный вѣтеръ стихнетъ, мы поворачиваемъ на другой день назадъ и стоимъ двое сутокъ въ Петровской гавани. Между путешественниками открытый, но бесполезный ропотъ (есть люди занятые, которымъ крайне нужно не запаздывать). Толки о причинахъ возвращенія прямо указываютъ на вліяніе дамы-пассажирки (со связями въ правленіи общества),

которую укачало, отчего она потребовала ѣхать сюда и не сниматься съ якоря до того, что утихнет волненіе. Въ доказательство, какъ неправильно было вернуться, — на горизонтѣ, по направленію отъ Астрахани, показывается догоняющій насъ сравнительно небольшой пароходъ «Великій Князь Константинъ» и приходитъ въ Петровскъ безъ запаздыванія, затѣмъ отправляется дальше передъ нами, а мы все стоимъ и ждемъ. Когда долгая стоянка надоѣла уже буквально всѣмъ, — но море значительно бурнѣе, чѣмъ въ то время, какъ мы повернули назадъ отъ Баку и любовались приходомъ «Константина», — насъ наконецъ везутъ, при чемъ одинъ видъ страдающихъ морской болѣзнью способенъ лишить аппетита, — тутъ же еще буфетчикъ кормитъ гадостью. Нечего сказать, хорошіе порядки! И это у общества, за какую нибудь четверть вѣка обогатившагося, благодаря нашему наступленію на востокъ... Въ 1860 г., начиная свою дѣятельность на Каспійскомъ морѣ, «Кавказъ и Меркурій» лишь *два раза въ мѣсяцъ* отправлялъ почтовые пароходы, въ 1889 же г. — *три раза въ недѣлю*. Полагаю, что при такомъ развитіи движенія легко возможно заботливѣе относиться къ интересамъ пассажировъ и ихъ нуждамъ.

Совершенно темно, хотя еще не поздно. Волны съ глухимъ, заунывнымъ шумомъ разбиваются о наше судно, равномерно покачиваютъ его и обдають иногда холодными брызгами. Въ спаль-ныхъ, дѣтахъ душно и даже смрадно. Вездѣ больные, спящіе. Нѣтъ ни охоты, ни силы быть въ этой атмосферѣ, тоже лечь, тоже забыться.

Въ залѣ—мертвая тишина и безлюдіе. Лампы погашены. Ни одной газеты, ни одной книги не видно. Піанино открыто, но нельзя тревожить сонныхъ спутниковъ. Не съ кѣмъ говорить, не найдешь пера и чернильницы, потому что прислуги не дозовешься. Скука такая убійственная, какъ рѣдко доводилось испытывать. Выйдешь на палубу, гдѣ тѣсно лежитъ разноплеменный восточ-ный народъ (кто на красивыхъ коврикахъ, съ канареечными клѣтками въ головахъ, кто прямо на грязномъ войлокѣ), и на каждомъ шагу боишься толкнуть усталого, измученнаго чело-вѣка. Блѣдныя бородатыя лица выдѣляются въ потьмахъ. То слышится слабый стонъ, то непонятное бормотаніе чего-то похожего на мо-литву.

Остается одно: сидѣть на крышѣ рубки, куда ведетъ лѣсенка, сидѣть и вглядываться въ без-покойный мракъ вокругъ, сидѣть и мечтать. Ярko припоминаются мнѣ другія моря, засыпан-

ное, воспламененное звѣздами южное небо, дружное, веселое многочисленное собраніе путешественниковъ самой разнообразной профессіи, съ самыми противоположными взглядами, изъ всевозможныхъ уголковъ затронутого европейцами далекаго Востока. Вечера проходятъ съ возрастающимъ одушевленіемъ. Является масса общихъ, чисто интеллектуальныхъ интересовъ. Дни, проведенные при такихъ условіяхъ, неизгладимо вѣдаются въ память. Здѣсь не то: знакомиться — всѣ между собою знакомятся, слишкомъ, можно сказать, наивно и безцеремонно стараются сближаться; но, въ концѣ концовъ, до того адски надоѣдаютъ другъ другу не позже чѣмъ черезъ сутки, что чуть не зѣваютъ, встрѣчаясь. Разговоры до крайности безсодержательны. О чемъ ни спросишь людей, подолгу жившихъ въ нашей Средней Азіи, —этого они не замѣчали, на это не обращали вниманія и т. д.

Невольно задумаешься надъ такимъ равнодушіемъ соотечественниковъ къ окружающему ихъ краю. У насъ все болѣе или менѣе зависитъ отъ энергіи и ума отдѣльныхъ исключительныхъ личностей. На Западѣ всякій служитъ олицетвореніемъ извѣстныхъ, очень опредѣленныхъ національныхъ свойствъ и стремленій. Забросьте нѣмца, француза, англичанина куда хотите: въ немъ тотъ

часть же самобытно пробудится потребность творить въ духѣ своего народа, вникать въ обступающія явленія, отвоевывать себѣ кругомъ маленькую, твердо очерченную область. Мы же безучастно ждемъ, чтобы насъ кто-нибудь стремительно толкнулъ по тому или иному направленію. Прозвучитъ чье-либо властное слово, вспыхнетъ чей-либо величественный замыселъ,—и русскіе подымаются на зовъ, понимаютъ предстоящую задачу. Безъ этого—опять безмолвіе, опять застой... Пора бы именно на Каспійскомъ морѣ, гдѣ вѣетъ только нашъ флагъ, начать борьбу и съ подобнымъ временнымъ безмолвіемъ, и съ подобнымъ временнымъ застоємъ! Вѣдь тѣнь Петра Великаго, который передъ смертію столь радѣлъ о присоединеніи разстилающихся южнѣе Волги водъ, объ изученіи ихъ береговъ, объ изысканіи путей отсюда въ глубь культурной Азіи, о необходимости торгово-промышленнаго развитія новоприсоединенныхъ отъ Персіи городовъ и провинцій,—эта удивительная тѣнь, до сихъ поръ витающая надо всѣмъ, что дѣлается или, точнѣе, слабо пока зарождается въ Россіи, она должна съ нѣмымъ укоромъ смотрѣть на нашу беззаботность по отношенію къ преднамѣченнымъ уже цѣлямъ. Мы далеко шагнули по дорогѣ въ Индію, но почему-то забываемъ, что параллельно надо по-

спѣшно создавать отличную каспійскую флотилію. Иначе половина желательныхъ результатовъ будетъ ничтожна, иначе русскія средства для мирнаго общенія съ Востокомъ окажутся слишкомъ малы.

Государь, возвращаясь моремъ изъ персидскаго похода 3 октября 1722 г., испыталъ страшную бурю, къ вечеру сопровождавшуюся замѣчательнымъ явленіемъ: небо зардѣлось какъ бы отъ сильнѣйшаго пожара—и такъ длилось часа два. Затѣмъ все погасло. Въ то время, какъ судно боролось съ свирѣпѣющими волнами, странный свѣтъ придавалъ картинѣ таинственный отпечатокъ. Не предзнаменованіемъ ли то служило монарху: искра тобою брошена на побережье Каспія, она раздувается въ грозное пламя, охватываемая имъ Азія очищается этимъ неуголимымъ огнемъ,—тамъ истинное призваніе Россіи придти къ возрождающимся мірамъ и самой обновиться, самой помолодѣть среди очаговъ вѣковѣчной восточной культуры?..

V.

УЗУНЪ-АДА.

По туркменски слово обозначаетъ «длинный островъ». Какое другое названіе могли дать туземцы обнаженной полосѣ песковъ, безжизненно растянувшихся среди водъ? Въ чудной картинѣ врѣзающагося въ сушу моря и залитыхъ блескомъ небесъ этотъ уголокъ пустыни до того долженъ былъ казаться безцвѣтнымъ и богоотверженнымъ, что, кромѣ его общихъ очертаній, ничто не приковывало вниманія человѣка. Все преобразилось съ 1886 г. при устройствѣ конечнаго приморскаго пункта Закаспійской желѣзной дороги. Дѣятельность такъ и закипѣла. Десятки домовъ, лавокъ и складовъ раскинулись вокругъ станціи, создавалась церковь, явился цѣлый рядъ пароходныхъ конторъ, груды товаровъ нагромождались по берегу. Давно бы пора пріискать мѣсту болѣе яркое прозвище. Мачиха-природа хо-

тѣла воспрепятствовать людямъ и тварямъ селиться здѣсь; смерть полновластно царила тутъ,— и вдругъ, словно по мановенію сказочнаго жезла, пришли русскіе и сказали унылому побережью: проснись!

Свыше тысячи душъ, преимущественно рабочихъ, въ 1889 г. жило въ Узунъ-Ада, опрѣснитель доставлялъ въ изобиліи годную для питья воду, всякаго рода запасы легко и быстро привозились или моремъ, или на поѣздахъ. Свободно можно было устроиться съ нѣкоторымъ комфортомъ.

Вѣчный притокъ свѣжихъ силъ какъ изъ Средней Азіи, такъ и особенно изъ Баку, изъ Астрахани общалъ порту большое процвѣтаніе. Иностранцы, видя нашу новую стоянку, только удивлялись ея быстрому росту и энергіи управленія Закаспійскою дорогою.

Обыкновенно мы,—что грѣха таить,—все дѣлаемъ медленно, на время смотримъ не по американски, а по восточному, сто разъ отложимъ исполненіе какого нибудь важнаго плана, вмѣсто того, чтобы прямо приступить къ его осуществленію. Въ данномъ случаѣ произошло наоборотъ. Западные путешественники находятъ, что нашей предприимчивости можно позавидовать. Творить при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ возникалъ и

прокладывался рельсовый путь въ глубь Азіи, среди мертвыхъ песковъ и подъ сжигающими лучами солнца, во всѣхъ отношеніяхъ равносильно было подвигу, великому подвигу духа и воли. Пускай теоретики-пессимисты съ предубѣжденіемъ взираютъ на совершенное дѣло, отрицаютъ разумность того или другаго мѣропріятія, побѣдоносно копаются въ иныхъ подробностяхъ, быть можетъ свидѣтельствующихъ, что не все одинаково стройно и хорошо исполнялось при проведеніи дороги: «la critique est aisée, l'art est difficile», приходится отвѣтить нападающимъ. Только тотъ въправѣ судить и порицать, кто самъ когда либо работалъ въ столь же тяжелой обстановкѣ; но дѣятели, закалившіеся въ борьбѣ съ неблагоприятными обстоятельствами, обыкновенно очень терпимо, сочувственно и широко смотрятъ на результаты чужихъ трудовъ. Безпокоятся и негодуютъ преимущественно такіе люди, которые сами неспособны были бы испытать ни малѣйшаго лишенія, не одолѣли бы ни единаго препятствія.

Присматриваясь къ мѣстнымъ условіямъ и прислушиваясь къ здѣшнимъ толкамъ, я постоянно встрѣчался съ злополучнымъ вопросомъ о томъ, гдѣ быть порту: оставаться ли ему въ Узунъ-Ада, или передвинуться въ Красноводскъ? Я говорю «злополучнымъ» вопросомъ потому, что,—

пока его не рѣшили окончательно и безповоротно,—неопредѣленное состояніе вредно отзывалось на интересахъ торговли, косвенно тормозило ея развитіе. Какая была охота пароходнымъ и транспортнымъ конторамъ строиться и приспособляться, не жалѣя денежныхъ затратъ, къ Узунъ-Ада, когда не сегодня-завтра могли переселить въ Красноводскъ?

Печать много распространялась о значеніи того или другаго мѣста, но почему-то обходила молчаніемъ, насколько томительныя ожиданія правительственнаго рѣшенія въ общемъ были вредны для успѣшнаго движенія средне-азиатскихъ грузовъ по направленію къ Россіи и обратно. Если власти находили, что Узунъ-Ада годится въ качествѣ конечнаго пункта дороги,—надо поскорѣе было усиленно озаботиться закрѣпленіемъ берега, устройствомъ набережной, мостовой и т. п. На улучшеніе порта пришлось бы, по мнѣнію генерала Анненкова, всего на всего израсходовать какіе нибудь десятки тысячъ. Въ случаѣ же, что доводы за Красноводскъ казались болѣе вѣскими и убѣдительными, нельзя было откладывать вопроса о перенесеніи туда конечной станціи. Торговля съ Бухарой, Туркестаномъ и смежными не русскими владѣніями росла не по днямъ, а по часамъ, принимала внушительные размѣры. Поѣзда сво-

зили къ морю такъ много хлопка, что пароходы не успѣвали нагружать его. Тутъ ужъ не до споровъ и пререканій, гдѣ лучше стать твердою ногой на Каспійскомъ побережьѣ, а прямо за дѣло нужно браться!

VI.

ВЪ ПЕСКАХЪ.

Октябрь 1889 г.

Рѣдкое зрѣлище представляетъ иногда по вечерамъ узунъ-адинскій портъ, когда почти безтрепетное, озаренное луною море живописнымъ кругомъ стелется между низкими берегами, которые лишь кое-гдѣ покрыты песчаными холмами, а затѣмъ узкою лентою теряется въ дали, по направленію къ родному простору. Здѣсь и тамъ видны огни на судахъ; по временамъ фантастически-красиво выдѣляется на серебристомъ лонѣ водъ уходящій или приходящій пароходъ, не смущаемый тѣмъ, что будто бы ночью плаваніе по фарватеру не безопасно. Случайно находящійся въ Узунъ-Ада очень недурной хоръ музыки одного изъ закаспійскихъ желѣзнодорожныхъ баталіоновъ играетъ 'у вокзала. Несмотря

на осень и поздніе часы, въ воздухѣ разлита пріятная теплота.

Все точно сговорилось придать новонаселяемой мѣстности какъ можно больше своеобразной прелести. Просто не хочешь вѣрить, что еще нѣсколько лѣтъ назадъ развѣ только злые духи слетались сюда на ночное свиданіе и положительно ничто человѣческое не тревожило задумчиво притаившейся пустыни.

Теперь пойдешь вдоль складовъ на берегу, персіане-чернорабочіе вполголоса напѣваютъ что-нибудь жалобное, монотонное, готовое кончиться воплемъ отчаянія или же безъ причины внезапно оборваться. Приблизясь къ станціи, зачастую услышишь изъ вагоновъ, гдѣ сидятъ перевозимые отряды войскъ, какой-нибудь такой припѣвъ, который еще сильнѣе схватитъ за душу, перенесетъ домой, наполнитъ сердце чисто русскою порывистою радостью и неизъяснимою тоскою. Съ одной стороны восторженно чувствуешь себя въ пробужденномъ нами краю: на всемъ видишь неизгладимо-русскій отпечатокъ, проникаешься своего рода благоговѣніемъ къ тѣмъ дѣятелямъ, которые самоотверженно и неутомимо трудились надъ осуществленіемъ великаго замысла, начинаешь отрѣшаться отъ скептическаго настроенія и глубоко вѣрить въ нашу будущ-

ность на среднеазиатскомъ востокѣ. Съ другой стороны — кругомъ разстилаются и угрюмо высятся мертвые пески со слегка курящимися въ прозрачномъ воздухѣ вершинами холмовъ; инородческія лица, пестрыя одѣянія, рѣзкія непонятные голоса напоминаютъ, что тутъ давно кончилась Россія, что мы—пришельцы, затерянные въ необъятномъ пространствѣ присоединенныхъ за послѣднія десятилѣтія земель и въ загадочномъ неизслѣдованномъ морѣ туземнаго населенія: чего ждать впереди? какъ разумно и твердо справиться съ предстоящими культурными задачами? Вопросъ за вопросомъ всплываетъ и настоятельно требуетъ отвѣта. Но гдѣ его найти? Вѣдь не въ унылой же, замирающей пѣснѣ чернорабочаго восточнаго люда! Тамъ все только говоритъ о невозможности что-нибудь создавать, къ чему-нибудь стремиться...

Десятого октября, по инициативѣ и подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ генерала М. Н. Анненкова, въ Узунъ-Ада произведена первая въ этихъ краяхъ однодневная перепись и заложена школа. Результаты переписи, несмотря на осеннее время года, когда меньше народа на пристаняхъ, въ общемъ оказались довольно утѣшительными,—особенно, если принять во вниманіе недавнее возникновеніе мѣстечка:

	мужчинъ:	женщинъ:
	1279	241
дѣтей	64	66

(Среди новорожденныхъ преобладаютъ дѣвочки).

Русскихъ—свыше тысячи, мусульманъ — около четырехъ сотъ, армянъ—болѣе ста. Постоянныхъ жителей—1,156. Изъ нихъ до 130 занимаются торговлей, 110—ремеслами.

Тѣхъ, кто находился на судахъ, не считали, а то бы еще навѣрно прибавилось нѣсколько сотъ человѣкъ. Вообще можно сказать, не преувеличивая, что по временамъ въ Узунъ-Ада собирается около двухъ тысячъ. И это удивительно!

Такъ какъ здѣсь уже иные мальчики обучались грамотѣ, основаніе маленькой школы являлось весьма современнымъ. И вотъ, съ этой цѣлью, въ ясный солнечный день, около полудня, къ скромной узунъ-адинской церкви, вокругъ которой расположено «село Веселое», собралась толпа, отслужила молебенъ, прослушала «Боже, Царя храни». Картина поражала своей умиляющей простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественностью. Я невольно спрашивалъ себя, не служить ли такое свѣтлое, отрадное явленіе залогомъ нашихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Могъ ли кто-нибудь когда-либо предполагать, что въ ужасающихъ

прикаспійскихъ пескахъ, куда русскія войска направлялись иногда на вѣрную смерть, гдѣ война была кумиромъ,—тамъ именно, столь быстро чистымъ родникомъ пробьется мирная жизнь на самыхъ благихъ и возвышенныхъ началахъ? Да, пожалуй мы и вправду подвигаемся впередъ по Азіи, чтобы съ нами и для насъ пробуждалась новая эра. Но во всемъ этомъ столько безсознательныхъ порывовъ, столько издавна унаслѣдованныхъ привычекъ разрушать, раньше чѣмъ знаешь—по чему и во имя чего, — что на первый взглядъ какъ-то страшно смотрѣть на совершающіяся событія и не ждешь отъ нихъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Стоить побывать на окраинахъ, вникнуть въ общій строй понятій, прочувствовать русскимъ сердцемъ съ русскими людьми, чѣмъ они живы и что у нихъ теплится въ глубинѣ души,—и перестаешь подыскивать почву для своего теоретическаго отрицанія:

Въ грядущемъ путь широкъ, какъ вольный бѣгъ рѣки...

Говорятъ, англичане всюду умѣютъ, — хотя и съ узко-эгоистическими цѣлями,—насаждать рай земной. Въ качествѣ наиболѣе яркаго примѣра приводится Гонгъ-Конгъ. Когда увидишь этотъ цвѣтущій, живописно раскинутый городъ, съ его

роскошными садами и зданіями, и представишь себѣ, что тутъ прежде были лишь голыя скалы, нельзя не отнестись съ полнымъ уваженіемъ къ тѣмъ піонерамъ цивилизаціи, которые ихъ преобразили. Но вѣдь тамъ можно обращать небытіе въ бытіе: природа, смежный Китай, богатѣйшая торговля, неисчерпаемое обиліе денегъ—все помогаетъ предпріимчивости человѣка. Мы же пока,—особенно въ этихъ частяхъ Азіи,—имѣемъ массу враждебныхъ элементовъ вокругъ себя и почти ничего, способствующаго нашимъ начинаніямъ. Если что нами и дѣлается въ самобытно-грандіозныхъ размѣрахъ, такъ едва ли не исключительно благодаря исполнительности и дѣтскому простодушію русскаго солдата. Вотъ, на примѣръ, сцена съ натуры. Офицеръ въ Узунъ-Ада, пріѣхавшій изъ-за тысячи верстъ съ рѣки Аму-Дарьи, посылаетъ деньщика напоить собаку. Тотъ беретъ ее на веревку, идетъ къ морю, возвращается. Собака продолжаетъ метаться, чего-то ищетъ. Новое приказаніе, новая прогулка съ собакою. Наконецъ, офицеръ убѣждается, что она умираетъ отъ жажды, и напускается на деньщика.

«Ваше благородіе, который разъ вожу къ здѣшной Аму-Дарьѣ,—купаются, не пьютъ».

VII.

НЕМАЛОВАЖНЫЙ ВОПРОСЪ.

Когда къ восточному берегу Каспія пристають въ Узунъ-Ада пароходы, мнѣ любопытно смотрѣть не на проѣзжающій чиновный и военный людъ, не на тѣхъ, которые составятъ въ новомъ краю нѣсколько лишнихъ единицъ, по большей части столь же безцвѣтныхъ и ничтожныхъ, какъ и многія другія лица, заброшенныя сюда на службу случайно,—часто даже по волѣ злой судьбы,—не они, повторяю, представляютъ главный интересъ въ средѣ пассажировъ. Купцы, ремесленники,—это тоже все ѣдетъ съ опредѣленными, такъ или иначе, цѣлями, имѣетъ впереди хоть что—нибудь вѣрное. Меня занимаетъ и по временамъ просто волнуетъ вопросъ, какъ будутъ жить и что внесутъ въ нашу Среднюю Азію группы путниковъ, ѣдущихъ искать себѣ родины (переселенцы), и возвращающихся со

своей духовной родины—изъ Мекки (богомольцы, такъ называемые хаджи). И тѣхъ, и другихъ тутъ можно встрѣтить въ очень значительномъ количествѣ. Только разни́ца велика въ ихъ осанкѣ, въ охватывающемъ ихъ настроеніи. Съ одной стороны, видишь какихъ-то жалкихъ нищихъ, которые отбили́сь отъ всякаго труда, сами не знаютъ, куда и зачѣмъ идутъ, безпомощно ожидаютъ на каждомъ шагу поддержки начальства или просто подаянія. Не то—ревностные исполнители предписаній Магомета. Ни бѣдной одеждой, ни чѣмъ инымъ они не вызываютъ состраданія. Напротивъ, стоитъ взглянуть на сосредоточенныя, гордыя лица, чтобы убѣдиться, какъ мало они думаютъ объ окружающемъ и до какой еще степени овѣяны воспоминаніями о недавно пережитомъ прошломъ. Живописными, неподвижными кучками сидятъ хаджи близъ станціи. Оживленіе просыпается лишь во время молитвы. Цѣлые ряды вытягиваются, бѣлѣя чалмами. Все это вмѣстѣ твердитъ священные слова и единодушно падаетъ ницъ. Нужды нѣтъ, что вездѣ по бокамъ ходятъ, работаютъ, перекликаются «невѣрные». Мусульмане оставляютъ подобную мелочь безъ вниманія. Спокойные, медлительные—они совершаютъ

установленные богомоленія и затѣмъ безучастно, часами глядятъ въ даль.

Что у нихъ на душѣ? Съ какими мыслями ѣдутъ они домой?

Я не безъ умысла завожу рѣчь параллельно о переселенцахъ и возвращающихся изъ Мекки. На первый взглядъ кажется весьма страннымъ и непонятнымъ, какъ можно сравнивать и анализировать явленія, повидимому, не имѣющія ничего общаго. На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Между ними положительно есть нѣкоторая связь. Оба слишкомъ характерны и слишкомъ затрогиваютъ условія нашего владычества въ Средней Азіи, чтобы обходить молчаніемъ существенные факты. Они вносятъ въ мѣстную жизнь много такого, надъ чѣмъ слѣдуетъ призадуматься. Въ нихъ кроются элементы разрушенія, и потому пора (хоть невооруженнымъ глазомъ сначала) разсмотрѣть, что они собою представляютъ. Даже бѣглый обзоръ долженъ подсказать, насколько желательно глубже проникнуть въ подробности.

Переселенческій вопросъ чисто отвлеченнымъ образомъ обсуждается печатью. De facto ей, конечно, все равно, чего ради и въ какомъ именно направленіи движутся толпы голодныхъ оборванцевъ, именующихъ себя громкимъ названіемъ «переселенцевъ». Газетамъ безъ всякихъ убож-

дений, или со взглядами явно революціонными, почему—то,—особенно въ послѣднее время,—удобно и пріятно распространяться объ этомъ народѣ, какъ о колонизаторахъ и т. п. Иногда,—вѣроятно по ошибкѣ,—редакціи принимаютъ корреспонденціи, гдѣ прямо указывается, что за люди поднимаются въ безвѣстную дорогу на Востоку, кто обыкновенно руководить перекочевками, чего можно ждать отъ безобразно поставленнаго и до 1889 года квази-легальнаго бродяжничества. Пока оно устремлялось за Уралъ,—касаясь мѣстностей, болѣе или менѣе заселенныхъ русскими,—шло уже давно проложенными путями: оставалось зачастую сожалѣть о томъ какъ это власти допускаютъ темный людъ,—да еще обыкновенно изъ худшихъ и лѣнивейшихъ,—отправляться на угадъ въ страны, гдѣ будто бы и трудиться не надо, а всего—всего вдоволь, съ другой же стороны приходилось недоумѣвать, зачѣмъ переселенцевъ, которые явились на окраину, почти нигдѣ не ожидаетъ энергичная правительственная поддержка. За Ураломъ съ этимъ, однако, можно еще было мириться, какъ съ застарѣлымъ зломъ. Въ Закаспійскомъ краѣ подобная вещь гораздо рѣзче бросается въ глаза и вызываетъ на тягостное размышленіе.

Въ правѣ—ли мы пока позволять разному

сброду, съ которымъ не знаешь, что случится, приходить сюда съ семьями, свободно разгуливать, нищенствовать, не брать поденной работы, а требовать земли, обнажать передъ туземцами неприглядныя черты нашего быта внутри Имперіи? Я нарочно спрашивалъ въ Узунъ-Ада переселенцевъ, откуда они: все больше пензенскіе, тамбовскіе, саратовскіе, самарскіе. Куда направляются? «Самы не знаемъ... Думали сперва *въ Бакъ* жить богато,—тамъ одинъ камень, да песокъ. Здѣсь, говорятъ, много хорошихъ мѣстъ. Царское Село строится...» Такъ мужики называютъ «Государево имѣніе» на р. Мургабѣ въ мервскомъ оазисѣ, гдѣ надѣются обводнить нѣкоторое пространство, когда-то населенное. Но, во-первыхъ, тамъ пока еще неизвѣстны результаты ирригаціонныхъ сооруженій: возможно, что новая мѣстность сдѣлается годной для культуры лишь въ ущербъ нынѣ орошаемой землѣ. Туземцы останутся безъ воды и придется ихъ самихъ переселять. Какъ же тутъ мечтать о привлеченіи элементовъ изнутри Россіи? Во-вторыхъ, въ мургабскомъ имѣніи недавно нуждались въ рабочихъ. Кажется, прежде всего слѣдовало бы подумать о пропускаемыхъ сюда въ край переселенцахъ и дать имъ заработокъ. Взамѣнъ этого, завѣдующіе тамошнимъ дѣломъ, выписали изъ

Семирѣчья— сотни бывшихъ китайскихъ подданныхъ. Развѣ такое положеніе вещей нормально?

А роль печати по непосредственному отношенію къ переселенческому вопросу? Въ закаспійской области есть одно пресмыкающееся, которое называетъ себя корреспондентомъ либеральнѣйшаго московскаго органа. Человѣкъ этотъ видитъ, что за люди являются искать новыхъ мѣстъ, знаетъ, что вожаками партій служатъ сравнительно болѣе обезпеченные «скитальцы», зачастую съ весьма темнымъ прошлымъ, побывавшіе уже въ Средней Азіи, не имѣющіе иллюзій на счетъ свободной хлѣбородной земли, увлекающіе за собой народъ—въ сущности съ совершенно непонятною цѣлью...

«Вамъ это ясно, но между тѣмъ вы все-таки раздуваете значеніе переселенческихъ блужденій и связанныхъ съ ними несчастій!»

«Да, таковъ девизъ нашего направленія: зажигать неудовольствіе, гдѣ только возможно. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Пусть правительство расхлебываетъ кашу, которую мы завариваемъ. Пора обратить вниманіе на обездоленный народъ».

«Позвольте: причемъ же тутъ народъ? Отчего часть русской печати очень мало распространяется о нуждахъ смирнаго и трудящагося мужика, а склонныхъ бродяжничать и попрошайничать почему-

то возводить на пьедесталъ, выдаетъ чуть-ли не за мучениковъ? Гдѣ-же справедливость, гдѣ честное отношеніе къ дѣлу? Не говоря о томъ государственномъ вредѣ, который вы приносите,—вѣдь въ концѣ концовъ терпѣть приходится самимъ переселенцамъ, т. е. покровительствуемымъ вами. Многихъ женщинъ впереди ожидаетъ проституція,—и притомъ на окраинѣ, передъ глазами мусульманскаго населенія. Мужчинамъ подчасъ нѣтъ никакого исхода. Пока въ Туркестанѣ пристраивается лишь ничтожное число русскихъ—землепашцевъ... Туземцы, и тѣ стѣснены количествомъ плодородной почвы. Вмѣсто того, чтобы всѣ знакомые съ вопросомъ публицисты писали въ такомъ духѣ, становясь на минуту консерваторами, хотя бы изъ состраданія къ неразумному странствующему люду, на практикѣ выходить одна умышленная мистификація: авось, что-нибудь скверное выйдетъ».

«Вы угадали: я, впрочемъ,—лицо совершенно пассивное и во всемъ руководствуюсь инструкціей моей редакціи».

Положимъ, недавно изданъ законъ для урегулированія переселенческаго движенія, но отвлеченно-задуманныя мѣропріятія едва-ли вскорѣ пресѣкутъ зло въ его корнѣ. Мужички еще долго будутъ стремиться на свой страхъ въ чу-

жіе края. Представители модной печати, встрѣчая толпу оборванцевъ, обязаны, согласно предначертаніямъ свѣше, направлять ихъ всяческими способами далѣе и далѣе, тогда какъ долгъ и совѣсть подсказываютъ порядочному человѣку, что этому народу надо, по возможности, своевременно втолковывать, чего ожидать и чего нѣтъ въ нашей Средней Азіи. По моему, динамитчики честнѣе: они идутъ на преступленія, рискуя собственною жизнью. Молодчики же, вродѣ моего невольнаго собесѣдника, являются олицетвореніями гнусности и злонамѣренности, оставаясь притомъ вполнѣ безнаказанными.

Перехожу къ хаджи. Знаютъ ли у насъ въ Россіи о томъ, что такое хожденіе къ арабскимъ святинамъ въ политическомъ отношеніи? Объ этомъ навѣрное существуютъ самыя смутныя представленія. Между тѣмъ о немъ слѣдовало бы серьезно поразмыслить. Новѣйшія данныя, касающіяся предмета, положительно того заслуживаютъ.

Въ Мекку ежегодно стекается громадное число магометанъ,—отъ глубины Африки и до предѣловъ Китая. Точныхъ статистическихъ данныхъ о томъ, сколько и откуда именно ходятъ на богомолье, конечно, нѣтъ; но, по приблизительному разсчету, ихъ, несомнѣнно, является въ «священ-

ный городъ» нѣсколько сотъ тысячъ. Скэвентъ Блэнтъ, авторъ «Future of islam», специально занимавшійся изысканіями такого рода, группируетъ путниковъ въ слѣдующемъ порядкѣ: всѣхъ ревностнѣе, послѣ окружающихъ Мекку бедуиновъ,—персіяне, авганцы, белуджистанцы и египтяне. Изъ нихъ каждый годъ больше одного хаджи приходится на 1,000 человѣкъ населенія. Индійскіе и малайскіе мусульмане, а также сравнительно отдаленные африканцы высылаютъ по богомольцу на 3,000,—турки еще менѣе. О нашихъ подданныхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о бухарцахъ съ хивинцами, нельзя сказать ничего опредѣленнаго, ибо они за границей ѣдутъ и всюду отмѣчаются, какъ признающіе власть султана. Во всякомъ случаѣ ихъ не мало.

При упрощеніи и удешевленіи способовъ сообщаться съ завѣтною для ислама страною, тысячи ревнителѣй снаряжаются теперь изъ Россіи и Средней Азіи въ желанный путь. Пока нами не были развѣнчаны Самаркандъ и Бухара, «правовѣрные» считали ихъ весьма важнымъ и незыблемымъ оплотомъ своей религіи. Но за послѣднее время центръ тяжести мусульманскаго міра всецѣло перенесся въ Мекку. Я самъ видѣлъ на линіи Закаспійской дороги толпы возвращавшихся оттуда, говорилъ съ нѣкоторыми:

оказывается, что ихъ изъ новоприсоединенныхъ владѣній все больше и больше направляется въ Аравію. Тамъ въ «священныхъ» двухъ городахъ образовались уже колоніи переселившихся самаркандцевъ. Мы понемногу сглаживаемъ, за Каспійскимъ моремъ и въ Туркестанѣ, антагонизмъ отдѣльныхъ народностей, объединяемъ подъ своимъ владычествомъ враждовавшіе раньше другъ съ другомъ элементы, безсознательно обуславливаемъ усиленіе ислама въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ еще слабо прививался; благодаря умиротворенію края, осѣдлые туземцы спокойно завязываютъ сношенія съ нѣкогда страшною степью и отправляются насаждать въ ней мусульманское просвѣщеніе. Какіе будутъ плоды подобнаго сближенія, трудно предсказывать,—но едва-ли все сложится въ нашу пользу. Недаромъ эмигрировавшіе изъ русскихъ предѣловъ въ Аравію слынутъ тамъ за мухаджировъ (религіозныхъ изгнанниковъ), недаромъ Каиръ, Самаркандъ и Бухара перестали считаться разсадниками знанія. Лучшіе лекторы собираются въ Мекку. Недовольные европейцами здѣсь открыто и при общемъ одобреніи выказываютъ свою пламенную вражду.

Недавно сюда переодѣтымъ пробрался извѣстный голландскій арабистъ Сноукъ Хюргронъ и вынесъ самыя тяжелыя впечатлѣнія.

Панисламическое движеніе, задерживаемое пока въ своемъ развитіи внѣшними обстоятельствами, идетъ тѣмъ не менѣе вглубь и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Народы, принявшіе коранъ, мало по малу проникаются сознаниемъ внутренней сплоченности «подъ знаменемъ пророка». Мятежно настроенные магометане изъ одной и той же страны, которые у себя дома разсѣяны и не пытаются объединяться, въ Аравіи встрѣчаются и стовариваются. Прежде книжники не сочувствовали дервишамъ. Теперь же не борются съ ними, понимая, что эти нищіе съ виду, милые черни изувѣры, способны разжигать вездѣ, гдѣ надо, смуту, незамѣтнѣйшимъ образомъ. Въ Меккѣ, Мединѣ и вокругъ обоихъ городовъ находится свыше 150 духовныхъ общинъ двадцати шести дервишскихъ орденовъ. Черезъ нихъ устанавливается связь съ цѣлымъ мусульманскимъ міромъ, и послѣдствій этого еще нельзя даже приблизительно опредѣлить! Богомольцы подпадаютъ подъ вліяніе учителей-мистиковъ и уходятъ обратно, скрѣпленные съ ними неразрывными узами.

Не пора-ли вдуматься, какъ, это отражается на нашей новоприсоединенной окраинѣ? Репрессивныя мѣры ни къ чему бы не повели. Слѣдуетъ лишь бдительнѣе относиться къ явленію,

знать, откуда ввозится горючий матеріалъ, и съ своей стороны прилагать стараніе, чтобы сюда не являлись, на показъ крайне чуткимъ туземцамъ, худшіе элементы изъ Россіи *).

2) *) Въ нынѣшнемъ году (эти же строки писаны два года тому назадъ) закаспійскія власти испросили наконецъ разрѣшеніе не пропускать въ ихъ районъ переселенцевъ.

VIII.

ПО ЗАКАСПІЙСКОЙ ОБЛАСТИ.

Когда поѣздъ, простившись со свѣтлыми узунъ-адинскими заливами, сразу врѣзается въ него-степримную пустынную ширь азіатскаго материка, и вокругъ видишь только песокъ да песокъ, съ безжизненными вершинами горъ на блѣдномъ горизонтѣ,—человѣка невольно охватываетъ жуткое чувство одиночества и безсилія. Что такое сравнительно съ этимъ грознымъ, мертвящимъ просторомъ узенькая полоса дороги, убѣгающая впередъ? Стѣны песчаныхъ бугровъ сдвигаются все ближе и ближе: кажется, стоитъ имъ хоть немного поколебаться,—и вотъ мы завалены, погребены въ неприступной степи, какъ сотни и тысячи другихъ европейцевъ, пытавшихся раньше, съ оружіемъ въ рукахъ, нарушить ея заколдованный сонъ и спокойствіе. Но инстинктивная тревога очень быстро смѣняется равно-

душіемъ. Вагоны поспѣшно катятся по разрастающейся равнинѣ. Горы рельефнѣе выдѣляются среди крайне своеобразнаго, величественно красиваго ландшафта. Какое удивительное зрѣлище! готовъ воскликнуть туристъ,—и притомъ гдѣ же? въ области, куда еще недавно, кромѣ туркменъ, всѣ шли точно на вѣрную смерть или, что даже хуже, въ невыносимѣйшее рабство. Теперь тутъ ѣдешь съ полнѣйшимъ комфортомъ. Захочешь ѣсть,—къ услугамъ хорошій и недорогой поѣздной буфетъ (такимъ благоустройствомъ дорога обязана строителю). Сидя за столомъ, обѣдая, имѣешь все время передъ глазами чудную единственную въ своемъ родѣ картину дикой прикаспійской пустыни, улегшейся между важнымъ въ торговомъ отношеніи моремъ и культурными центрами Средней Азіи. Прежде люди съ ужасомъ думали о мучительномъ переходѣ черезъ нее,—теперь мы буквально несемся по ней, не зная старыхъ преградъ, съ трудомъ представляя себѣ, что испытывали здѣсь злополучные путешественники. А это было нѣчто по истинѣ ужасное, если только припомнить отзывы тѣхъ немногихъ лицъ, которыхъ судьба завела въ здѣшній край.

Даже сытые верблюды, и тѣ ни въ какомъ случаѣ не проходятъ больше четырехъ верстъ въ

часть; слабые же гораздо тише. Температура постоянно и рѣзко мѣняется, то заставляя пришельца жестоко томиться подъ солнечными лучами, то дрожать отъ холода. Изъ царства животныхъ въ худшихъ мѣстахъ можешь встрѣтить лишь желтаго скорпіона или отвратительную фалангу, паука съ наливнымъ брюхомъ грязно-сѣраго цвѣта. И въ такой-то безотрадной безднѣ страданій и лишеній, по дну нѣкогда тутъ бушевавшего моря, навѣрно взявшего меньше жертвъ, чѣмъ обступающая насъ современная степь,—мы движемся на востокъ съ неудержимою силою, торжествуя побѣду разума и энергіи надъ слѣпыми началами косности и мрака.

При словѣ «Закаспійская область» въ головѣ всякаго, кто вникалъ въ исторію Азіи и хоть сколько нибудь одаренъ воображеніемъ, рисуется грандіозное столкновеніе и взаимодействіе различныхъ культуръ, борьба кочевыхъ элементовъ съ непонятною и ненавистною имъ осѣдлостью, стихійныхъ размѣровъ поединковъ между вѣчно нападающимъ варварскимъ Тураномъ и вѣчно обороняющимся просвѣщеннымъ Ираномъ. Въ этихъ двухъ наименованіяхъ таится весь смыслъ и все значеніе міровыхъ событій на одной изъ древнѣйшихъ аренъ человѣческой дѣятельности. Глубочайшія языческія религіи здѣсь, на рубежѣ

враждующихъ міровъ, сходятся и сравнительно мирно уживаются, потому что у всѣхъ у нихъ та же великая миссія: нравственно придти на помощь пестрымъ среднеазиатскимъ народностямъ, смягчить и сгладить царящій между ними раздоръ, отчасти урядить ихъ семейный бытъ, отчасти открыть передъ ними область чего-то высшаго, сверхъестественнаго! Осѣдлое населеніе безусловно сочувственно относится къ распространяемымъ идеямъ. Умозрѣнія жречества прививаются толпѣ.

Ученіе Зороастра о властвованіи надъ вселенной свѣтлаго Ормузда и темнаго Аримана какъ нельзя лучше истолковывало Ирану, почему ему необходимо выдерживать постоянный натискъ съ сѣвера, и питало надежды, что рано или поздно добро должно осилить зло. Явился одухотворенный культъ огня, очищающаго отъ скверны и озаряющаго неприглядныя стороны нашего существованія.

Предѣлы, гдѣ удавалось укорениться этой религіи, раскинулись довольно широко, до границъ Небесной имперіи, до Малой Азіи и побережій Аральскаго моря. Но къ степнымъ полудикарямъ зороастризму не удавалось проникать. Царствъ тьмы такъ и оставалось хаосомъ съ точки зрѣнія цивилизованныхъ народовъ. Нужна была болѣе всеобъемлющая вѣра, чтобы смутить души кочев-

никовъ. Пришелъ буддизмъ, которому тѣсно казалось на родинѣ въ Индіи, который жаждалъ миссіонерствовать всюду, куда могли только дойти проповѣдники, глашатаи пессимизма.

Сначала сфера индійскаго религіознаго вліянія затронула Авганистанъ, а потомъ и дальше, и дальше стала заполнять Среднюю Азію. Этическія заповѣди представлялись всѣмъ и каждому до того простыми и спасительными, столько въ нихъ роилось Новозавѣтныхъ элементовъ, что успѣхъ истинъ, возвѣщенныхъ Буддою дѣлался неотразимымъ, психически роднилъ и южанъ, и сѣверянъ. Однако, тѣмъ не менѣе, и здѣсь чувствовался какой-то пробѣлъ. Жизнь попрежнему складывалась нелѣпо и мрачно. Или степь терпѣла отъ городовъ и селеній, или, наоборотъ, ихъ осаждали и губили туранцы. Азіятамъ самимъ по себѣ не подъ силу было положить конецъ такому ненормальному порядку вещей. Требовалось вмѣшательство юной и маленькой Европы, сыны которой, въ ничтожномъ количествѣ, уже дома умѣли грудью встрѣчать восточныхъ варваровъ и пламенѣли желаніемъ гнаться за ними вслѣдъ.

И вотъ наступаютъ времена Александра Македонскаго. Горсти желѣзныхъ людей выходятъ на бой съ полчищами враговъ, совершаютъ длиннѣйшіе, изумительные походы. Однимъ словомъ,

тогда въ нѣкоторомъ родѣ разыгрывается нѣчто аналогичное нашимъ усиліямъ и успѣхамъ въ Средней Азіи. Животворное вѣяніе проносится надъ нею. Греки упорно стремятся пересоздать наслѣдованныя отъ персовъ сатрапіи на рубежахъ Турана, осилить и подчинить послѣдній, умственно и нравственно сдерживать все въ сферѣ эллинскаго круга идей. Устанавливается широкій взглядъ на вещи. Въ торговомъ отношеніи обращается вниманіе на Аму-Дарью, на Каспійское море. На немъ строится флотилія. Мечтаютъ о соединеніи его каналомъ съ Понтомъ Эвксинскимъ. Но постепенно западное вліяніе слабѣетъ. Ему недостаетъ еще внутренней мощи править отдаленными самобытными краями. Надъ ними сгущается мракъ. Мы пока не знаемъ даже хорошо, какъ въ нихъ чередовались событія. Извѣстно лишь, что постепенно средне-азіатскія страны, подъ напоромъ вторгавшихся въ нихъ разнороднѣйшихъ элементовъ, образовывали царство за царствомъ. Индо-скиѣ владыки смѣняются парѣянскими, эти—персидскими. Китайскія войска пробиваются до каспійскаго побережья. Въ Самаркандѣ скопляются рабочіе - китайцы. Общеніе съ Небесной имперіей, повидимому, дѣлается тѣснѣе. Тѣмъ не менѣе не создается ничего устойчиваго. Броженіе по прежнему разъ-

единяетъ ирано-туранскія народности. Пока не является съ оружіемъ въ рукахъ суровый исламъ, Средняя Азія подобна взволнованной морской поверхности.

Новыя религіозныя начала, связи съ молодымъ и обширнымъ мусульманскимъ міромъ, разцвѣтъ въ немъ наукъ, культурное значеніе городовъ— все точно стоваривается возвеличить ее до небывалой степени. Но и это оказывается не слишкомъ продолжительнымъ. Если пріумолкли кочевники вблизи, такъ поодаль собираются тучи. Изъ Забайкалья подымается Чингисъ-ханъ. Монголы неудержимо стремятся къ завоеваніямъ ради завоеваній. Арабской цивилизаціи, поколебленной ими, уже не подняться въ старомъ блескѣ. Туранъ опять раздвигаетъ свои границы.

По временамъ видишь, какъ будто прошлое воскресаетъ. Тамерланъ и Тимуриды, насколько можно, пекутся о знаніяхъ, объ искусствѣ. Но мало по малу все, чѣмъ раньше справедливо гордились туземцы, тускнѣетъ, мельчаетъ, вырождается. Въ текущемъ столѣтіи туркмены совершенно отбрасываютъ и принижаютъ иранцевъ.

Массою причинъ христіанская держава побуждена вмѣшаться въ среднеазіятскія дѣла. Россія властнымъ движеніемъ прекращаетъ тамошнія смуты, идетъ въ степи и центры ханствъ

съ гуманной политикой, ставить себѣ задачей по европейски работать на свѣжемъ поприщѣ. Однако, трудъ такой весьма и весьма нелегокъ. И въ людяхъ, и въ средствахъ для того немудрено ощутить величайшій недостатокъ. И вотъ тогда-то одинъ изъ нашихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, генералъ Анненковъ, наперекоръ мнѣнію близорукой толпы, ясно и твердо намѣчаетъ желѣзнодорожный путь отъ Каспійскаго моря въ глубь страны. Мысль о проведеніи подобной линіи, по недоступнымъ почти мѣстностямъ, встрѣчена несочувственно, считается чуть ли не безуміемъ, возбуждаетъ опасенія, — какъ же въ концѣ концовъ бороться при этомъ съ тремя плохо одолимыми преградами: движущимися песками, безводьемъ и отсутствіемъ топлива.

То, что по дорогѣ остановило бы всякаго другаго, не могло заставить строителя отказаться отъ своей завѣтной мечты. Когда началось сооруженіе перваго участка, то, для огражденія его отъ песчаныхъ заносовъ, привозилась глина и обливалась морскою водою, которая, при высокой температурѣ, быстро испарялась, и на политой поверхности затѣмъ образовывалось нѣчто вродѣ соленой коры. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ, по направленію господствующихъ вѣтровъ, замѣчались наибольшіе заносы, вдоль желѣзнодорожнаго по-

лотна ставились щиты, похожіе на тѣ, что употребляются у насъ въ Россіи для защиты линій отъ снѣговъ. Позже, въ пескахъ, практика натолкнула еще на новый способъ самообороны. Такъ какъ, при малѣйшемъ вѣтрѣ, вершины нагихъ песчаныхъ холмовъ словно курятся, отдѣляя развѣвающійся песокъ,—генераль Анненковъ приказалъ произвести слѣдующіе опыты: нарубался саксауль,—печальное растеніе, ютящееся въ пустынѣ,—накладывался въ маленькія траншеи, съ одной стороны присыпался пескомъ, съ другой оставлялся открытымъ, образуя своего рода щетку. Оказалось, что мѣра вполне соотвѣтствовала цѣли. Получилось нѣкоторое огражденіе полотна. Параллельно явилась забота о сохраненіи и усиленіи растительности вдоль дороги.

Для устраненія безводья, на протяженіи сотенъ верстъ, съ горъ проводилась вода прямо въ баки у станцій. При нихъ устраивались фонтаны. Ничего себѣ нельзя представить обаятельнѣе, какъ долго ѣхать среди мертвой степи, выйти изъ вагона и увидѣть на станціонной площадкѣ чистую, сверкающую струю, стремительно поднимающуюся и обдающую васъ холодною, бодрящею пылью. Вотъ по-истинѣ благое дѣло, вызванное къ жизни строителемъ желѣзной дороги!

Въ виду того, что вопросъ о топливѣ суще-

ственно важенъ не только для паровозовъ, но и для помѣщеній вдоль линіи, здѣсь впервые попытались вводить отопленіе зданій нефтью.

Такими приѣмами обезпечивалось мирное, постепенное завоеваніе страны рельсовымъ путемъ. Когда изъ ахаль-текинскаго оазиса мы прошли далѣе на востокъ и почти соприкоснулись съ владѣніями бухарскаго эмира, возникала дилемма: продолжать-ли прежде всего линію къ авганской границѣ, или свернуть на сѣверо-востокъ въ Туркестану. Кто смотрѣлъ и смотреть на дорогу исключительно со стратегической точки зрѣнія, тому желательно было видѣть ея продолженіе на Серахсъ,—но тогда на задній планъ отходили всѣ культурныя и торговыя преимущества втораго направленія. Чисто военный взглядъ словно отрицалъ его полезность и необходимость. Строитель Закаспійской дороги шире и прозорливѣе посмотрѣлъ на дѣло. Онъ какъ нельзя лучше сознавалъ и понималъ, что нынѣ ею пересѣкаемые края искони жили одною жизнью, составляли своего рода цѣлое, являлись такъ сказать, передовыми очагами культуры среди надвигавшейся пустыни. Хотя она и торжествовала по временамъ, но, пожалуй, именно оттого, что цѣпь осѣдлыхъ пунктовъ недостаточно была прочна и звенья иногда не выдерживали напора. Съ

момента, когда русскіе осилили вѣчно безпокойные туранскіе элементы, и медленнымъ, увѣреннымъ шагомъ прошли отъ Каспія до Трансоксаніи, государственная мудрость требовала приковать къ себѣ кочевой міръ неразрывными узами, провести гигантскую черту на югъ отъ усмирённыхъ степей, заставить ее лечь какъ разъ тамъ, гдѣ прежде прививалась цивилизація. Осуществить такую разумную своевременную мысль цѣлесообразнѣе всего могла только желѣзная дорога.

IX.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ АСХАБАДА.

Закаспійская область весьма интересна въ археологическомъ отношеніи. Мало есть странъ, испытавшихъ столько превратной судьбы, видѣвшихъ такую смѣну царствъ, какъ новоприсоединенный нами край. Особенно, конечно, любопытны разоренныя теперь туркменами полосы культурной земли, вдоль персидской границы. До сихъ поръ о нихъ почти ничего не писано. Кромѣ диллетантовъ, никто ими серьезно не интересовался, а между тѣмъ время идетъ, памятники и вообще всякіе слѣды старины исчезаютъ. Скоро не отыщешь и половины того, что пока еще на лицо. Хоть бы иностранцы обратили на это серьезное вниманіе, если уже намъ такое дѣло не подъ силу! Вѣдь теперь, благодаря Закаспійской желѣзной дорогѣ, это легко.

Для примѣра слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько

археологически любопытныхъ пунктовъ. Вотъ они, подобранные случайно, по направленію на востокъ:

На разстояніи ста приблизительно верстъ отъ Каспійскаго моря находится Мастъ-Деуранъ (или Месторіанъ). Развалины занимаютъ восемь верстъ, замѣчательны валами. Одинъ центральный окруженъ былъ другимъ и связанъ съ нимъ перпендикулярными стѣнами.

Когда враги пробивались въ крѣпость съ какой—нибудь стороны, они отовсюду въ искусственныхъ квадратахъ встрѣчали сопротивленіе. Цвѣтные изразцы съ надписями уцѣлѣли на минаретахъ арабскаго стиля и аркъ развалившейся мечети.

По близости отсюда Ширъ-Кабиръ, надгробный мавзолей съ пристройками. Затѣмъ восточнѣе существуютъ развалины историческихъ городовъ — Ракаджъ, Барвъ, Хозроукола, Бешъ-Дагъ, Ходавердъ, Хива Абадъ, Тшааръ Дегъ, Магнэ, Тшатша, Хандекли, Камберъ-Баба, Ходжа-Пурзау и т. д. Кромѣ того, конца нѣтъ курганамъ. Для раскопокъ и изысканій открыто самое широкое поле.

Когда на афганской границѣ работала англійская комиссія, ея члены заинтересовались бесчисленными загадочными пещерами вокругъ Пен-

да и Тахтабазара. Въ результатѣ оказалось, что онѣ буддійскаго происхожденія, и похожи на сѣверо-индійскія кельи для монашествующихъ.

Немедленно по приѣздѣ въ Асхабадъ я отправился холмистою мѣстностью на западъ, за 16 вер. отъ города, мимо ауловъ Каши, гдѣ живутъ туркмены-милиціонеры, и Багира, славящагося садоводствомъ, къ величественнымъ развалинамъ древней Нисы, основанной огнепоклонниками и совершенно заглохшей. Только земля, если тронуть ея нѣдра, можетъ дать отвѣтъ, что именно тутъ было и въ какую эпоху *). Болѣе новая, но тоже пустынная Ниса меньшихъ размѣровъ расположена около старой. Стѣны высоко свѣшиваются надъ подступающими къ нимъ рвами. Зданій не сохранилось. Все вымерло, недвижимо, безмолвно. Въ самой серединѣ нѣкогда люднаго города плохое туркменское жильё одиноко стоитъ среди грядъ капусты. Кто бы сказалъ, что гордые, непобѣдимые сельджукскіе князья,

3 *) Мнѣ думается, не здѣсь ли надо искать слѣды гробницъ парейяской династїи, на которыя греки указывали въ городѣ Nisaea. Это названіе,—весьма, впрочемъ распространенное,—встрѣчается уже на ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ VIII в. до Р. Хр.

850 лѣтъ назадъ, наводили отсюда ужасъ на прилегающія страны? Не сюда ли торжественно вступала въ то время невѣстою одного изъ этихъ воителей красавица самаркандская царевна? Передъ носилками ея шли тысячи рабовъ и рабынь; и каждый, и каждая несли какіе нибудь рѣдкіе и драгоцѣнные дары, разбрасывали на пути владычицы мускусъ, амбру. Просто не вѣрится, ужели тутъ навсегда угасла кипучая жизнь, прошлое цвѣтущее состояніе не вернется, не возродится?

Долго я ползалъ по громаднымъ развалинамъ ихъ и собралъ много черепковъ разной узорчатой посуды, дающее нѣкоторое представленіе о бытѣ горожанъ.

Кто хотѣлъ составить себѣ болѣе ясное понятіе о немъ, обращался въ Асхабадъ къ управляющему областью генералу Комарову, хранившему дома настоящую сокровищницу всевозможныхъ мѣстныхъ древностей.

То, что коллекціонировалось имъ на Кавказѣ, уже пригодилося западной наукѣ. Извѣстный ліонскій ученый Шантръ воспользовался собранными тамъ предметами, осмыслилъ ихъ значеніе, издалъ громадное сочиненіе, разрабатывающее подобный матеріалъ и составляющее положительный вкладъ въ антрополого-археологи-

ческую литературу. Нѣтъ сомнѣнія, что относительно среднеазиатскихъ находокъ кѣмъ-нибудь со временемъ будетъ выполнена та же почтенная задача.

Отрадно было видѣть на окраинѣ просвѣщеннаго администратора, на досугѣ вникающаго въ историческія подробности, которыя касаются ввѣреннаго ему края и, рано или поздно, прямо или косвенно могутъ направить правительство на мысль, что дѣлать въ будущемъ, сообразуясь съ давно минувшими днями. Пока не развѣется хоть отчасти обступавшій ихъ глубокій мракъ, до тѣхъ поръ не легко разумно претворять дѣйствительность во что-то высшее.

Пасмурное, холодное утро въ послѣднихъ числахъ ноября... Мнѣ удалось нанять отличную казачью лошадь и безъ проводника, вдоль полотна желѣзной дороги, я ѣду по юго-восточному направленію отъ Асхабада къ нѣкогда цвѣтущему, разрушенному туркменами городу Аннау, откуда жители-персіяне бѣжали, спасаясь, за горы. Сначала попадаются пашни, обнесенныя невысокими оградами; группы обнаженныхъ деревьевъ сѣрѣютъ здѣсь и тамъ,—но вскорѣ развертывается неоглядная равнина: тускло-зеленый

просторъ съ одной стороны тонетъ въ сѣверной пустынной дали, съ другой упирается въ покрытыя снѣговыми пятнами громадныя, угрюмыя горы. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на пути высаятся туземныя могилы выдающихся лицъ, такъ-называемые мазары, склепы съ тремя куполами (большимъ по серединѣ и маленькими по бокамъ).

Небо облачно. На встрѣчу дуетъ свирѣпый, ледяной вѣтеръ, пронизывающій насквозь,—точно дуновеніе смерти, пронесшееся, благодаря хищникамъ, надъ культурною полосой края, до сихъ поръ жадно ищетъ жертвъ, до сихъ поръ враждебно всему, что не текинецъ.

Немногочисленныя кибитки стоятъ въ окружающей степи. Уродливые пасущіеся верблюды то низко опустятъ голову, отыскивая кормъ, то высоко поднимутъ ее и застываютъ въ состояніи какого-то оцѣпѣнія. Рѣдко когда случится обогнать или повстрѣчать всадника. Съ кѣмъ ни заговоришь, никто, оказывается, ни слова не понимаетъ по русски. Трудно при такихъ условіяхъ запасаться положительными свѣдѣніями.

Приблизительно на восьмой верстѣ приходится пересѣкать песчаные бугры. Разстояніе сравнительно ничтожное, но и тутъ уже видишь воочію, что такое долженъ быть продолжительный пе-

реѣздъ песками. Наконецъ вдаль, передъ глазами, во всей своей мертвой наготѣ, встаетъ Аннау. Чѣмъ ближе къ нему, тѣмъ неотразимѣе производимое имъ странное впечатлѣніе.

Гигантскіе курганы у дороги ждутъ раскопокъ *). Полуобвалившіяся башни и довольно еще прочныя жилища свидѣтельствуютъ о стремительности и успѣшности погрома. Гдѣ же та жизнь, которая прежде была ключемъ среди этихъ камней, вплоть до горныхъ склоновъ?

Городъ расположенъ на обширномъ пространствѣ и, судя по всеѣмъ признакамъ, отличался богатствомъ. Теперь онъ замеръ, молчитъ. Никого и ничего на первый взглядъ не различаешь между грудями обломковъ и неравномѣрно другъ отъ друга отстоящими постройками. Только позже я замѣтилъ обитателей въ развалинахъ, да и тѣ ютятся во дворахъ, за оградами, въ кибиткахъ. Лѣтомъ тутъ набирается до тысячи душъ туркменъ. Но зимой большинство изъ нихъ откочевываетъ въ пески.

4) * Тутъ мнѣ приходитъ въ голову одна сумасбродная, быть можетъ, догадка: пока еще не опредѣлено, гдѣ былъ Аннау—центръ могущества бѣлыхъ гунновъ (эфталитовъ) на западѣ отъ Аму. Конечно, вѣроятнѣе искать его ближе къ послѣдней, но нельзя забывать, что они, тѣсня Гератъ, проникали довольно далеко.

По вьющемуся мѣстами дымку можно предположить, что въ Аннау есть люди.

На одномъ изъ обрывовъ сидѣлъ мальчишка-пастухъ, наблюдавшій за десяткомъ барановъ. При видѣ меня, онъ почему-то скорѣе погналъ прочь свое стадо.

Вотъ и старая персидская крѣпость, которая отчетливо выдѣляется, даже если смотрѣть изъ вагона. Каменистая дорога живописными поворотами охватываетъ ее, поднимаясь все выше и выше. Вотъ и крутой вѣздъ, между бойницами, за укрѣпленія, къ единственному замѣчательному памятнику, уцѣлѣвшему отъ прежнихъ временъ, остаткамъ великолѣпной мечети, постепенно приходящей въ полную ветхость. Подымаясь на возвышенность и всматриваясь въ сѣрый, невзрачный куполъ, въ надтреснутыя стѣны, невольно спрашиваешь себя, что могло возбуждать удивленіе европейцевъ, посѣщавшихъ Аннау. Однако, едва обогнешь боковыя части зданія, какъ останавливаешься, просто пораженный неожиданностью зрѣлища. Сравнительно невысокая, но необыкновенно стройная арка, съ многочисленными сохранившимися изразцами, — изукрашенная огромными буквами наверху и пониже двумя вдѣланными въ нее извивающимися не то драконами, не то змѣями, — гордо царить надъ обступающимъ

пустыремъ, служа, такъ сказать, символомъ всепобѣдной красоты на мрачномъ фонѣ унынія и разрушенія. Мягкіе, нѣжные цвѣта и узоры, не уступающіе ни въ чемъ знаменитымъ самаркандскимъ, до того безподобны, что забываешь, гдѣ находишься, не въ силахъ оторваться отъ ихъ чарующей прелести, хочешь смотрѣть, смотрѣть безъ конца, наслаждаясь и любясь плодами чьего-то невѣдомаго искусства.

До сихъ поръ не опредѣлено, кто и когда воздвигъ замѣчательную мечеть. Древность ея, впрочемъ, во всякомъ случаѣ не превышаетъ четырехъ или пяти столѣтій. Можетъ статься, она и позднѣйшаго происхожденія. По крайней мѣрѣ, преданіе называетъ строителемъ извѣстнаго султана Бабера, потомка Тамерлана. Имя этого тимурида дѣйствительно высѣчено надъ входомъ въ мечеть, но исторически непонятно, какимъ образомъ и чего ради указанный правитель, вытѣсненный узбеками изъ Туркестана, именно здѣсь создалъ нѣчто изумительное въ архитектурномъ отношеніи. Всего вѣроятнѣе, что пока благоразумно воздерживаться отъ гипотезъ и ждать, когда оріенталисты прольютъ побольше свѣта на малоизслѣдованное прошлое нашего подножья Хороссанскихъ горъ.

Говорятъ, года три назадъ мечеть еще была менѣе развалившись, и текинцы собирались въ

нее. Теперь нельзя пройти подъ своды. Входъ огороженъ. Дальше виднѣются кучи сложенного кирпича. А жаль, если все понемногу рухнетъ, раньше, чѣмъ такой замѣчательный памятникъ подробно изслѣдуютъ и опишутъ. Вѣдь до него лишь 12 верстъ отъ главнаго города области!

Близъ мечети—могила чтимаго населеніемъ мусульманскаго «святаго». Больше никакихъ нѣтъ достопримѣчательностей. Холодно. Непривѣтливо вокругъ. Возвращаешься въ Асхабадъ и думаешь: когда-то русскіе городки, вродѣ Аннау и другихъ обширныхъ персидскихъ селеній, вереницей потянутся вдоль сѣвернаго склона этихъ горъ, гдѣ, видимо, процвѣтали осѣдлые пункты?

Осмотрѣнное мѣсто получаетъ воду изъ рѣки Кельтечинаръ, вытекающей изъ хребта Зыры-ку.

Оно обладаетъ минеральнымъ источникомъ, по вкусу и дѣйствію напоминающимъ эмскій. Докторъ С. К. Писаренко успѣшно уже лечилъ изъ него отъ кагарровъ и вообще желудочныхъ болѣзней. Что то здѣсь будетъ въ близкомъ будущемъ, когда, благодаря желѣзной дорогѣ, и весь край начнетъ замѣтнѣе оживляться, и Асхабадъ разростется до большихъ размѣровъ!

Х.

У ПЕРСИДСКОЙ ГРАНИЦЫ,

Нельзя быть въ Асхабадѣ и не поинтересоваться замѣчательной горной дорогой, проведенной военнымъ инженеромъ полковникомъ Е. Г. Воронцемъ, по направленію къ персидскому городу Кучану. Она тянется до нашей границы на протяженіи сорока трехъ съ половиною верстъ, имѣетъ три сажени ширины, обошлась казнѣ очень дешево (около двухсотъ тысячъ рублей, включая въ эту сумму стоимость изысканій, гдѣ именно пролагать важный въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніи путь къ богатому, — сравнительно съ Закаспійскою областью, — Хоросану). Тамъ, за горами, дѣйствительно культурная страна, не смотря на безобразное управленіе! Хотя оттуда идутъ многіе выюки, какъ попало, первыми встрѣчными тропинками, но правильное общеніе, очевидно, мыслимо лишь по благоуст-

троенной колесной дорогѣ. Персидское правительство, дѣлая видъ, что это сознаетъ, согласилось само ее продолжить отъ нашего рубежа. Такимъ образомъ создается питательная вѣтвь для новой желѣзнодорожной линіи.

Генераль Анненковъ давно уже обратилъ вниманіе на значеніе торговли съ Персіей черезъ Асхабадъ. Доказательствомъ служить сдѣланное имъ объ этомъ въ 1887 г. сообщеніе въ «Обществѣ для содѣйствія русской торговлѣ и промышленности», причемъ указывалось на то, что сотни тысячъ пудовъ одного хороссанскаго груза постепенно направляются въ Закаспійскій край,—прежде всего въ виду крайней дешевизны провоза ихъ сюда, сравнительно съ провозомъ къ Астрабадскому и Персидскому заливамъ, изъ такихъ важныхъ пунктовъ, какъ Мешхедъ, Себзеваръ, Туршизъ, гдѣ сильно развиты хлѣбопашество, садоводство и овцеводство, производятся: хлопокъ, бумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, ковры,—куда, въ свою очередь, можно доставлять, соотвѣтственно потребностямъ населенія, много мануфактурныхъ товаровъ, разныхъ металлическихъ издѣлій, лампъ, посуды, мебели, желѣза, керосина, сахара и т. д.

Удешевленіе провоза хороссанскихъ произведеній, особенно хлопка, расширить имъ рынки; расширеніе же рынковъ отразится увеличеніемъ про-

изводства; Усилившійся вывозъ дастъ персіанамъ больше средствъ для пріобрѣтенія потребныхъ ему иноземныхъ товаровъ, т. е. увеличить ввозъ въ страну. Нашему купечеству, наконецъ, легче, при посредствѣ желѣзной дороги, завязывать прочныя сношенія съ Хороссаномъ, дешевле сбывать туда все необходимое.

Перехожу къ самой горной дорогѣ на Кучанъ. Она тянется отъ Асхабада, минуя справа новый, прекрасно выстроенный военный лазаретъ, а слѣва военное кладбище, и, незамѣтно, по бокамъ ея начинаютъ выростать холмы за холмами.

Дождливый, мрачный день... Чѣмъ дальше отъ города и чѣмъ выше, тѣмъ сильнѣе пронизываетъ сырость... Густые туманы сползли почти къ подножью горъ, ложатся на путь, застилаютъ видъ на мѣстность. Безлюдіе. Тишина. Развѣ только изрѣдка попадется одинокій всадникъ, или прослѣдуетъ мимо немногочисленный караванъ на верблюдахъ и ослахъ.

Но вотъ подъемы стали труднѣе, повороты чаще и круче. Тѣмъ не менѣе лошади продолжаютъ везти коляску бодрою рысью. Смѣлая дорожная черта ясно видна надъ головою. Пустыня становится угрюмѣе, величественнѣе. Настоящій горный воздухъ вливается въ грудь. Мгла сгущается уже ниже, въ долинахъ. Вокругъ свѣтло, и все-таки перевалы

смотреть непривѣтливо, внушаютъ какое-то жуткое чувство. Давно-ли вдоль нихъ пробирались украдкой въ Персію и стремительно возвращались назадъ разбойники-туркмены? Сколько тутъ было сценъ самаго разнообразнаго характера! Въ низкихъ потаенныхъ пещерахъ совѣщались наѣзтники о томъ, куда всего лучше отправиться, чтобы застать враспихъ мирныхъ и робкихъ поселянъ. Жадность разгоралась во взорахъ, печать суровой рѣшимости застывала въ чертахъ лица. Проходило нѣсколько дней,—и тѣмъ же горами горсть хищниковъ, не зная жалости, гнала стадо истерзанныхъ людей, обрызганныхъ собственною и родственною кровью. Ихъ ждало рабство. Лишь на рынкахъ среднеазіятскихъ ханствъ горькая участь несчастныхъ могла сравнительно смягчиться. Туркмены же относились къ нимъ по звѣрски, руководились единственно алчностью.

Все это творилось здѣсь чуть-ли не вчера, а сегодня — русская отличная дорога пересѣкаетъ хребты, бывшіе нѣмыми свидѣтелями разныхъ ужасовъ, до сихъ поръ хранящіе въ тайнѣ, какіе вопли, мольбы и проклятія раздавались въ окрестныхъ ущельяхъ и надъ чернѣющими безднами.

По мѣрѣ достиженія вершинъ, всюду открываются живописныя скалы, на которыхъ нѣтъ никакихъ признаковъ жизни, кромѣ козъ, не сму-

щаемыхъ отвѣсностью ниспадающей каменной стѣны,—открываются еще высшія горы, цѣлое многоглавое сонмище исполиновъ, искони представляющее собою естественную, но нарушаемую народами грань между Ираномъ и Тураномъ. Первый стремился раздвигать предѣлы культуры, второй въ сущности пренебрегалъ ею, наученный разбойничьимъ опытомъ не цѣнить плодовъ оскѣлости. А она была очень и очень возможна по эту сторону хороссанскихъ горъ, въ странѣ, орошаемой небольшими, никогда не пересыхающими ручьями, несущими зимою и лѣтомъ почти одинаковое количество воды. Страна эта, по своимъ гидрографическимъ особенностямъ, напоминаетъ юго-восточную Испанію, гдѣ, благодаря искусству мавровъ, въ шести провинціяхъ десятки тысячъ десятинъ представляли сплошной цвѣтущій садъ. И въ Закасійской области трудолюбивые туземцы когда-то сдѣлали не мало въ этомъ отношеніи, оставили намъ въ наслѣдье такъ называемые кяризы (изъ нихъ множество нынѣ заброшено, но способствуетъ благу края). При помощи ихъ является возможность извлекать на поверхность грунтовую влагу, черезъ подземную галерею, которая ее выводитъ изъ водосборныхъ колодцевъ. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: они выкапываются довольно глубоко, на разстоя-

ніе нѣсколькихъ саженой другъ отъ друга. Влага струится сквозь нихъ по узкому туннелю. Такъ какъ мѣстность у горъ имѣетъ сильный уклонъ, уменьшающійся къ долинѣ, то кяризъ обыкновенно тѣмъ короче, чѣмъ ближе къ горамъ. Плотный, твердый грунтъ способствуетъ тому, чтобы онъ не обваливался. Судя по числу подобныхъ сооруженій въ нашихъ предѣлахъ и по обилію прѣсныхъ ключей на возвышенностяхъ, пока—надо предположить — мало утилизируютъ имѣющуюся воду. Когда вопросъ о ней перестанетъ быть отвлеченнымъ и въ краю правильно пойдетъ ирригаціонное дѣло, онъ неминуемо будетъ приходить въ цвѣтущее состояніе. Дороги же, вродѣ Кучанской, только ускоряютъ общеніе между нами и Хороссаномъ. Послѣдняя кончается у границы группой новыхъ военно-инженерныхъ построекъ: для казачьяго пикета въ 25 человекъ, для предполагающейся таможенной заставы, для ночлега проѣзжающимъ. Спеціальная башенка защищаетъ, или точнѣе даже совершенно преграждаетъ доступъ къ намъ съ персидской стороны, въ случаѣ какого-нибудь политическаго осложненія. Зданія такъ скучены и высятся надъ такими пропастями, что нѣсколько человекъ могутъ долго здѣсь обороняться противъ неизмѣримо сильнѣйшаго непріятеля.

Вокругъ, въ горахъ, лишь изрѣдка встрѣчается убогое кочевье курдовъ, переселенныхъ сюда съ турецкаго малоазіатскаго рубежа, для ослабленія туркменскихъ набѣговъ. Это — охотники и скотоводы, можетъ быть отличавшіеся прежде бѣдшею воинственностью; теперь же тихіе, бѣдные, обиженные природой и людьми. Особенно имъ достается иногда отъ текинцевъ въ нашихъ предѣлахъ, куда ихъ, хотя и чужихъ подданныхъ, пускаютъ за незначительную плату пасти стада. Въ дикой мѣстности по Кучанской дорогѣ съ нихъ и денегъ не берутъ. Когда же они сходятъ въ равнину, то ссоры съ туземцами, изъ-за пастбищъ, всегда кончаются не въ пользу первыхъ. Такія недоразумѣнія случаются въ степи у желѣзнодорожныхъ станцій Артыкъ и Каахка, вдоль самой границы. По близости отъ нея лежатъ персидскіе города Лютфабадъ и Мамедабадъ, гдѣ живутъ ханы. Но послѣдніе ровно ничего изъ себя не представляютъ, только эксплуатируютъ свое же шіитское населеніе. До проведенія Закаспійской дороги, да отчасти и послѣ того, оба названные пункта ввозили къ себѣ преимущественно нерусскіе товары; въ 1889 г. напротивъ (вѣроятно, благодаря тому—что увеличился сбытъ хлѣба изъ Персіи къ намъ).

XI.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Поѣздъ, идущій изъ Самарканда, только что остановился у одной изъ главныхъ станцій Закаспійской дороги, гдѣ я помѣщаюсь. На платформѣ пестро сгруппировались пассажиры, снуютъ и толкаются носильщики - персіяне: шумъ, суета, напряженное оживленіе... Не видя знакомыхъ лицъ, я довольно равнодушно наблюдаю за толпой. Вдругъ мое вниманіе приковываетъ иностранецъ съ виду — маленькаго роста худощавый старикъ, повязанный огромнымъ шарфомъ. Гдѣ мнѣ встрѣзались въ память эти характерныя черты, этотъ углубленный въ себя, но острый взглядъ, эта не по лѣтамъ подвижная фигура? И никакъ не вспомнить, никакъ себѣ не дать отчета, кто онъ, гдѣ мы встрѣчались! Наконецъ разгадка найдена: здѣсь скромно, незамѣтно находится проездомъ знаменитый въ мірѣ науки директоръ

берлинскаго музея «für Völkerkunde» Адольфъ Бастіанъ. Боюсь, что его заслуженно-громкое имя не достаточно у насъ извѣстно въ Россіи. А между тѣмъ слѣдовало бы имъ интересоваться, имъ дорожить. Человѣкъ этотъ въ своей спеціальной сферѣ знаній имѣетъ передъ нами положительныя заслуги. Нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнья, что со временемъ мы станемъ съ благодарностью руководиться его этнографическими замыслами, цѣнить то, что имъ сдѣлано для изслѣдованія быта инородческихъ окраинъ нашего отечества. Пока же, въ чаяніи того часа, когда русскіе образованные люди серьезно отнесутся къ этому вопросу, остается только популяризировать мнѣнія Бастіана. Случай на лицо, благодаря пріѣзду почтеннаго ученаго въ нашу Среднюю Азію. Онъ самъ говоритъ, что совершилъ столь утомительное въ его возрастѣ путешествіе, исключительно благодаря Закаспійской желѣзной дорогѣ. Иначе онъ бы не въ состояніи былъ сюда прибыть, не намѣтилъ бы рукой знатока, на что въ нашихъ новоприсоединенныхъ владѣніяхъ этнографіи слѣдуетъ обратить вниманіе.

Въ Европѣ и Америкѣ все живѣе и сознательнѣе пробуждается интересъ къ разностороннему изученію (пока еще не поздно) тѣхъ нехристіанскихъ народовъ, которые жили и живутъ, до-

вольствуясь своею иногда убогою, иногда богатою содержаніемъ культурою. Только путемъ ознакомленія съ явленіями этого порядка у насъ есть надежда уяснить себѣ самимъ многія глубокія тайны исторіи, заглянуть въ сущность человѣческаго духа, проникнуть въ любопытнѣйшія данныя сравнительнаго вѣровѣдѣнія. На западѣ съ каждымъ годомъ больше дѣлается для выполненія столь широкой задачи, въ Россіи же къ ней не питаютъ особенныхъ симпатій. Исключеніе представляетъ отчасти Дашковскій музей въ Москвѣ, но и то уже за послѣднее время. Въ зданіи Академіи Наукъ двѣ залы отведены подъ антрополого-этнографическія коллекціи. Тамъ собрано не мало рѣдкихъ предметовъ; между тѣмъ печать и общество ничего о томъ не знаютъ, — послѣ чего неудивительно, если коллекціи не разрастаются и скоро, пожалуй, къ стыду нашему, за наглядными свѣдѣніями о дикихъ и полудикихъ инородцахъ русскихъ окраинъ придется обращаться за границу. Тутъ рѣчь идетъ о прискорбнѣйшемъ фактѣ и онъ нисколько не преувеличивается. Мы дома обладаемъ главнымъ образомъ такими вещами, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ отечественной этнографіи, — напримѣръ, африканскими (отъ доктора Юнкера), австралійскими (отъ моряковъ и Миклухи-Мак-

лая). Что касается ближайшихъ, издавна непосредственно съ нами соприкасающихся элементовъ не русскаго происхожденія, то о нихъ академическій спеціальный музей даетъ гораздо слабѣйшее представленіе.

Въ Берлинѣ знаменитый ученый Бастіанъ, — самъ при труднѣйшихъ условіяхъ объѣхавшій полъ міра, — въ великолѣпномъ королевскомъ «Museum für Völkerkunde», около Лейпцигской площади, отвелъ особое помѣщеніе Сибири. Четырнадцать шкафовъ полны важнаго матеріала. Насколько онъ богатъ, можно заключить уже изъ того, что два посвящены исключительно гилікамъ, пять гольдамъ, остальные далеко раскинутымъ тунгусамъ, бурятамъ, калмыкамъ, киргизамъ, чукчамъ, остякамъ, самоѣдамъ и т. д. Бывшій якутскій вице-губернаторъ Приклонскій пожертвовалъ сюда коллекцію изъ тамошней области. Ясно, что, будь у насъ что-нибудь, напоминающее бастіановскій музей, подобныя пожертвованія не уходили бы за границу, когда у самихъ очень мало собрано. Теперь же интересующіеся дѣломъ, очевидно разсуждаютъ такъ: «въ Россіи всякіе этнографически цѣнные предметы обречены на бесполезное лежаніе подъ спудомъ, никого не занимаютъ. Не лучше ли отдать ихъ

туда, гдѣ умственная работа кипитъ, гдѣ они послужать ко благу науки?!»

Иностранные путешественники, изучающіе нашъ Востокъ несравненно прилежнѣе, а иногда и осмысленнѣе, чѣмъ мы сами, коллекціонируютъ все, что наиболѣе достойно вниманія. Агенты иныхъ европейскихъ музеевъ тоже скупаютъ недостающее. Извѣстный лингвистъ Уйфальви издалъ въ Парижѣ цѣлый «Atlas des étoffes, bijoux, émaux, etc. de l'Asie Centrale». Бонвало, прославившійся недавно зимнимъ переходомъ изъ Ферганы въ Индію, тоже составилъ среднеазиатскую этнографическую коллекцію. Неутомимый англійскій писатель Лэнделль, изъѣздившій наши восточныя окраины, сдѣлалъ это въ свою очередь для Лондона, а не менѣе предпріимчивый Мозеръ—для Швейцаріи. Послѣдній, черезъ нѣкоего Цобриста, даже напечаталъ въ Нёшателѣ «Catalogue des collections ethnologiques rapportées de l'Asie Centrale par Henri Moser», подробное обзорѣніе сгруппированныхъ вещей, числомъ нѣсколькихъ сотъ, преимущественно предметовъ роскоши.

Во-первыхъ, это послѣднее обстоятельство, а во-вторыхъ диллетантически-случайный характеръ ихъ подбора у названныхъ коллекціонеровъ заставляютъ Бастіана скептически относиться къ тому, что ими сдѣлано. У него другіе взгляды, иная про-

грамма, на практикѣ уже давшая блестящіе результаты. Берлинскій «Museum für Völkerkunde» — образцовая, единственная въ мірѣ сокровищница свѣдѣній по этнографіи. Уже при входѣ въ него, въ громадной передней залѣ, откуда идутъ лѣстницы въ верхніе этажи, посѣтителя поражаетъ ея космополитическій колоритъ, присутствіе и сочетаніе отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга, по мѣсту и времени, высокихъ и низкихъ культуръ, обиліе и гармонія причудливо расположенныхъ красокъ. Тутъ все: и глубоко-религіозный мистическій Востокъ съ его разнороднѣйшими, на половину неразгаданными объектами культа, и знойная Африка, и вымирающія краснокожія племена, и забытый солнцемъ крайній Сѣверъ съ его испытанными въ лишеніяхъ жалкими обитателями. Чѣмъ дальше идешь по музею, тѣмъ шире и поучительнѣе одухотворенная европейскимъ гениемъ картина того, что такое всегда и вездѣ человѣкъ, — гдѣ бы онъ ни родился, — каковы его основные вкусы, стремленія, идеалы.

Итакъ, Бастіанъ, пріѣхавшій къ намъ, въ Среднюю Азію, заручиться здѣсь чѣмъ-нибудь просвѣщеннымъ и сильнымъ содѣйствіемъ для задуманнаго имъ сложнаго дѣла, находитъ, что до сихъ поръ мало или почти что-ничего не создано по этой части относительно новой русской

окраины, и такъ какъ слова его мнѣ кажутся совершенно вѣрными и вѣскими, то ихъ слѣдуетъ по возможности, точно изложить. Быть можетъ, они у насъ обратятъ вниманіе тѣхъ, кому бы слѣдовало спеціально обращать вниманіе на вопросъ. Я подразумѣваю Академію Наукъ, Географическое Общество, восточный факультетъ.

Вотъ что думаетъ одинъ изъ самыхъ выдающихся этнографовъ нашего времени: Россія совершила великое дѣло, углубившись въ закаспійскіе края, проложивъ туда весьма удовлетворительную желѣзную дорогу, разбудивъ тамошніе народы. Только путемъ непосредственнаго изученія ихъ прошлаго и настоящаго есть возможность освѣтить европейскую историческую жизнь. Прежде всего, конечно, не надо пренебрегать неисчерпаемымъ, почти нетронутымъ археологическимъ матеріаломъ, который всюду встрѣчается въ этихъ мѣстностяхъ,—но, цѣнный самъ по себѣ, онъ еще усугубляется въ цѣнѣ, если его дополнять коллекціями этнографическаго характера. Къ составленію ихъ желательно приступить наивозможно скорѣе: иначе быть туземцевъ быстро видоизмѣнится, и будетъ поздно сохранить о немъ для потомства яркія, живыя подробности.

Въ Туркестанѣ особенно любопытно все, что

относится къ украшеніямъ. Тутъ видны несомнѣнные слѣды вліянія образцевъ древности, и ознакомленіе съ этимъ весьма важно для занимающихся исторіей орнаментики. До сихъ поръ мало извѣстно объ изготовленіи въ Средней Азіи знаменитыхъ по узору и прочности ковровъ, о горшечномъ производствѣ и вообще о мѣстныхъ ремеслахъ. Хорошо бы, если—кромѣ коллекціонированія предметовъ, которые даютъ ясное представленіе о вкусѣ, трудолюбію, умѣнии и потребностяхъ закаспійскаго населенія—параллельно съ тѣмъ заказывались модели приспособленій, необходимыхъ для работъ, модели первобытнаго съ виду плуга, кибитокъ, повозокъ и т. п. При группировкѣ туркменской утвари, оружія, орудій, колець, цѣпочекъ, серегъ, ожерелій надо преимущественно обращать вниманіе на то, какое племя или народъ чѣмъ отличаются и почему именно въ томъ, а не въ другомъ, могли выразиться подобныя особенности, какъ украшаютъ себя туземцы и туземки, смотря по возрасту и полу, что имѣетъ и носить масса, т. е. почти всѣ люди средняго достатка.

Богачи и знать нерѣдко заимствуютъ многое или пріобрѣтаютъ вещи извнѣ, похваляясь заграничными издѣліями. Путешественникъ и коллекціонеръ Мозеръ слишкомъ интересовался вездѣ про-

явленіями роскоши между среднеазіятами, а это въ принципѣ было невѣрно и довольно бесполезно.

Россіи досталось на долю подчинить въ Туркестанѣ и ввести въ кругъ своего вліянія немало кочевыхъ и осѣдлыхъ элементовъ самой разнородной крови. Теперь время классифицировать ихъ, изучая притомъ тщательнымъ образомъ. Киргизы и туркмены съ ихъ подраздѣленіями, узбеки (или сохранившіе еще чистоту типа, или на половину смѣшавшіеся съ автохтонами иранскаго происхожденія), эти послѣдніе, почти неприкосновенно уцѣлѣвшіе въ горахъ, но уже сильно смѣшанные по городамъ и селамъ, цыгане, зашедшіе въ край и т. д., и т. д.—весь богатѣйшій этнографическій матеріалъ, въ сыромъ видѣ находящійся въ нашемъ распоряженіи,—надо же наконецъ этимъ заняться, что нибудь обосновать на безконечныхъ данныхъ, которыя намъ сами даются въ руки.

По мнѣнію Бастіана,—не сочувствующаго включенію въ желательныя коллекціи фотографическихъ снимковъ, какъ недостаточно характерныхъ,—лучше всего дѣлать фигуры представителей и представительницъ каждой народности (приблизительно въ $\frac{1}{4}$ метра вышины), одѣвая ихъ по будничному и по праздничному, по зимнему и лѣтнему, прилагая къ нимъ рядъ

разнообразныхъ головныхъ уборовъ и обуви. Затѣмъ нужно собирать инструменты мѣстныхъ врачей, талисманы противъ демоническихъ силъ, косметическія принадлежности, рѣзбу, рисунки, мѣры вѣса и длины, игры, музыки, предметы культа.

Пока наши среднеазіатскія окраины не были связаны съ Европой желѣзной дорогой, выполненіе столь сложной на взглядъ задачи представлялось бы крайне затруднительнымъ и, пожалуй, даже преждевременнымъ,—но въ данную минуту нечего мѣшкать. Второе мирное завоеваніе края совершается быстрыми шагами. Туземный бытъ расшатывается и близокъ къ постепенному разложенію. Если мы хотимъ стоять на высотѣ своего призванія, какъ культурная держава, нельзя отрѣшаться отъ служенія интересамъ науки. Она же, въ лицѣ этнографіи, убѣдительно говоритъ о необходимости запечатлѣть навсегда трепетные образы затронутой нами части человѣчества.

ХІІ.

ТѢНИ МИНУВШАГО.

Когда-то Мервъ величали царемъ міра. Если кому—нибудь не трудно пожертвовать нѣсколько часовъ, чтобы въ раздумьѣ и созерцаніи проѣхать по развалинамъ славнаго города, стоитъ только высадиться на желѣзнодорожной станціи Байрамъ-Али. Не успѣваешь даже счесть, сколько кругомъ разбросано остатковъ старины. Они тянутся на разстояніи десятековъ верстъ, охватываютъ всю разстилающуюся по сторонамъ степь. Куда ни посмотришь, куда ни ступишь — все слѣды древности. Тутъ не менѣе пяти поочередно властвовавшихъ и затѣмъ уничтожавшихся укрѣпленныхъ пунктовъ, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

Изъ Европы всюду, — особенно въ Азію, — снаряжались дорогія экспедиціи съ археологическими цѣлями. Въ результатѣ всегда получались своего рода цѣнныя данныя. Наука сама по себѣ не можетъ однимъ изъ нихъ отдавать предпочтеніе передъ другими. Всѣ одинаково достойны разносторонняго изслѣдованія. Меня удивляетъ, почему до сихъ поръ, — когда уже сравнительно такъ легко пріѣхать въ Закаспійскую область, — никто изъ выдающихся знатоковъ древности, рука объ руку съ оріенталистами, не снарядится къ исчезающему Мерву, не спросить у земли, заваленной грудями обломковъ, кто именно, когда и какъ здѣсь жилъ, наслаждался и страдалъ. Очевидно, слишкомъ пессимистическій взглядъ на обиліе и качество неизслѣдованнаго еще здѣсь матеріала почти ни на чемъ не основанъ. Можетъ быть, прошлое дѣйствительно сохранило довольно мало вещественныхъ данныхъ; но одинаково можетъ быть и наоборотъ, что, когда ученый міръ потревожитъ развалины, онѣ загораютъ и произнесутъ какое-нибудь вѣщее слово.

По крайней мѣрѣ мнѣ, человѣку очень мало знающему о прошломъ этой мѣстности, на каждомъ шагу подымались на встрѣчу давно угасшіе образы, вокругъ звучали таинственные рѣчи и воскресала старина. А кажется на первый

взглядъ, что безмолвнѣе и печальнѣе такой пустыни? Что способно возбудить больше горечи, чѣмъ безобразная картина смерти и разрушенія? Археологу-поэту здѣсь положительно все будетъ открываться само собою, но только надо ѣхать сюда скорѣе: иначе отъ соприкосновенія съ нарождающейся цивилизаціею, въ древнемъ Мервѣ не уцѣлѣетъ камня на камнѣ.

Странно сказать: пока русскіе путешественники и русскія сочиненія о Средней Азій равнодушны къ прежнему «царю міра». Между тѣмъ иностранцы, еще раньше нашего прихода, съ опасностью жизни ее посѣщали, отзывались о ней съ удивленіемъ, старались себѣ уяснить ея богатую событіями исторію. Напримѣръ, тамъ въ нынѣшнемъ столѣтіи побывали Бэрнсъ, Ричмондъ, Шекспиръ, Абботъ, Томсонъ, Вольфъ, Блоквиль, Назелли, О'Донованъ. Про нее много писалось за границей. Мы же присоединили край и успокоились. Чѣмъ онъ замѣчателенъ,— намъ словно и нужды нѣтъ. Воображаю, какъ стали бы рыться англичане! Вѣдь и то они, а не кто-нибудь другой, занялись забытыми буддійскими пещерами у нашего авганскаго рубежа.

Когда начальникъ Закаспійской области генералъ Комаровъ не такъ давно читалъ въ Императорскомъ археологическомъ обществѣ о сдѣлан-

ныхъ наблюденіяхъ, раскопкахъ и находкахъ,— особенно въ мервскомъ оазисѣ, гдѣ послѣ дождей легко собирать тысячи монетъ и всякаго рода старинныхъ предметовъ, — сводъ данныхъ объ его рефератѣ, *съ критическими примѣчаніями*, немедленно появился въ «Petermann's Mittheilungen».

До объѣзда руинъ, я наугадъ посмотрѣлъ, что про нихъ говорится, въ двухъ новыхъ русскихъ статьяхъ очевидцами: оказалось—отчасти ложь, отчасти книжная дребедень. Вѣроятно, оба издалека посмотрѣли, съ дороги, на покинутые города и затѣмъ уже сочли себя въ правѣ фантазировать о состояніи древняго Мерва. Одинъ увѣряетъ, будто послѣдній напоминаетъ Геркуланумъ и Помпею, имѣетъ видъ внезапно, вчера лишь оставленнаго мѣста: «вдоль улицъ—ограды, дома, бани; мечети стоятъ невредимы, но лишены жителей, которые ушли отсюда, ибо авганцы (!) отрѣзали въ горахъ воду». Другой квази-посѣтитель пространно и сухо говоритъ о туземныхъ достопримѣчательностяхъ въ средніе вѣка и вскользь упоминаетъ о настоящемъ положеніи ровно настолько, какъ можетъ проѣзжій, не углублявшійся въ лабиринтъ развалинъ. Это очень грустно. Ничего подобного сохранившимся близъ Неаполя нетлѣннымъ олицетвореніямъ рим-

скаго быта у насъ, къ несчастью, нѣтъ. Здѣсь, въ концѣ прошлаго столѣтія, годами бились бухарцы съ персіянами, уничтожили орошеніе, увели въ плѣнъ отчаянно сопротивлявшихся горожанъ. Мыслимо ли, при такихъ условіяхъ, чтобы все на аренѣ ожесточенной борьбы уцѣлѣло въ совершенствѣ? Писавшій, очевидно, и не подозрѣвалъ объ этомъ. Отношеніе его собрата по перу въ сущности хуже. Онъ смутно знаетъ мервскую исторію и тѣмъ не менѣе не находитъ нужнымъ во-очію провѣрить, до какой степени омертвѣли нѣкогда царственные города.

А глядя на нихъ, дѣйствительно смущаешься духомъ и чувствуешь себя ничтожнымъ передъ рокомъ. Слишкомъ много тутъ давалось людямъ, дабы ихъ возвеличить, и слишкомъ стремительно судьба брала назадъ свои дары. Слава тускнѣла, счастье увядало, гибель носилась и не вѣдала пощады...

Лошадь осторожно ступаетъ среди безформенныхъ массъ, поодаль отъ желѣзнодорожной линіи. Поздняя осень. Снѣговья пятна по сторонамъ. Чѣмъ дальше отъ дороги, степь точно привольнѣе. Тутъ высятся остатки почти доисторической Гяуръ или Гебръ-Калы (крѣпости невѣрныхъ, огнепоклонниковъ). Прежде валъ достигалъ шести саженой, тянулся на разстояніи 15

версть. Еще замѣтны слѣды кирпичами выложенныхъ галлерей. Громадная насыпь, отсутствіе построекъ, отпечатокъ глубочайшей старины... Мнѣ невольно приходятъ на память туманныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ въ Зендъ-Авестѣ, въ Шахъ-Намэ. Когда Ормуздъ творилъ, въ числѣ 15 его наилучшихъ созданій были: Мервъ (Мору), «чистый и могучій», Герать, Кабуль, Ниса (что у Асхабада?) и т. д. Иранская культура тогда довольно далеко шагнула къ сѣверу, старалась цивилизовать степь, преобразжала ее въ «страну свѣта», противоположность Турану (областямъ тьмы). Полумиѳическими царями насаждается земледѣліе, народъ научается ремесламъ (которые, впрочемъ, часто заимствовались у враждебныхъ племенъ неарійской крови), наконецъ грамотѣ. Въ этотъ именно исторически важный моментъ во главѣ государства стоитъ Тахмурафъ, укротитель демоническихъ силъ. При немъ возникаетъ мервскій городъ. Подданные живутъ въ довольствѣ, словно въ предверьи золотого вѣка. Наслѣдникъ Джемшидъ устраиваетъ оружейные заводы, ткацкія фабрики, бани.

Злые начала сознаютъ свое безсиліе сокрушить дѣло людей и хотятъ жертвы. Самъ Ариманъ ополчается на правителя.

Тахмурафъ въ это время поклонялся звѣздамъ,

при нявши ихъ культъ отъ скиѳовъ *). Не въ ясную ли южную ночь, когда онъ въ молитвенномъ настроеніи глядѣлъ на небо съ высотъ мервскаго кремля, на него спустился бѣшеный черный вихрь, и царя не стало? Его сынъ править, окруженный полнѣйшимъ благополучіемъ, достигаетъ безмѣрнаго счастья, блаженствуетъ какъ бы въ раю, обожествляетъ себя; но ассиро-вавилоняне надвигаются на цвѣтушія владѣнія, губятъ Джемшида, нестерпимо тѣснятъ Иранъ.

Мнѣ ясно представляется здѣсь, надъ останками Гяуръ-Калы, что за общеніе завязывалось, благодаря такимъ походамъ, между нынѣшнею Закаспійскою областью—объектомъ туранскихъ нападеній—и отдаленнѣйшими землями юга, востока и запада. Вѣдь оттуда, параллельно съ безчеловѣчными указами поработителей, приходили халдейскія культурныя вѣянья, а съ ними и египетское вліяніе, и китайское съ индійскимъ. Духовнымъ центромъ Азіи въ ту эпоху были побережья Тигра и Евфрата.

Ужаснѣе наложеннаго на иранцевъ ига трудно

5 *) Подпочву населенія въ странахъ, занятыхъ мало-по-малу арійцами и семитами, искони составляли племена едва-ли не туранскаго происхожденія. Покоряемые пришельцами они передавали имъ свою культуру.

вообразить. Побѣдители, просто утопали въ крови новыхъ подданныхъ, давили ихъ подъ всякимъ предлогомъ боевыми колесницами, гнали плѣнныхъ на веревкахъ, продѣтыхъ черезъ кольца въ губахъ. Все истреблялось и расхищалось. Въ опустошенныхъ крѣпостяхъ оставался лишь идолъ ненавистнаго властителя. Въ народныхъ преданіяхъ онъ отождествлялся съ дракономъ или грезился, какъ человѣкъ съ выросшими у него изъ плечъ змѣями, которыхъ приходилось насыщать мозгомъ людей. Это, такъ сказать, мрачная сторона иноземнаго торжества. Оно, помимо того, безъ сомнѣнія, сказалось благотворно, смѣшавъ разноплеменнѣйшіе элементы, дохнувъ на нихъ чѣмъ-то возрождающимъ, обусловивъ до нѣкоторой степени появленіе идей и религіи Зороастра.

Незадолго до того освободившійся Иранъ снова испытываетъ нашествіе. Нападаетъ знаменитый Афросіабъ (владыка Самарканда и цѣлаго Турана, самъ потомокъ Тахмурафа). Столкновенія двухъ войскъ происходитъ у *Мерва*.

Царь «свѣтлой страны» вздумалъ прилетѣть сюда на крылахъ своей ручной орлиной стаи, но падаетъ на землю. Его замѣняетъ богатырь Рустемъ, лицо еще до нынѣ лучезарное для среднеазіатцевъ. Здѣсь онъ бился съ врагами и одолѣлъ, здѣсь,

быть можетъ, пребывалъ въ послѣдствіе, когда повелители стали забывать его неоцѣнимыя услуги, принуждать старика къ принятію зороастровской вѣры.

Мало мѣстъ подходило ему больше города, имъ же спасеннаго. Вездѣ по сторонамъ степь, неоглядный просторъ, вѣчная опасность отъ кочевниковъ *). Такъ и чудится, что по направлению къ обсыхающему валу и теперь движется гигантская тѣнь, съ палицей въ рукѣ.

Надъ головою кружатся охотничьи сокола, по бокамъ бѣгутъ дресированные леопарды.

Мервскій кремль передъ тѣмъ былъ возобновленъ, отстроенъ современнымъ Навуходоносору Лохраспомъ. Внукъ его, Исфендіаръ, ревностный огнепоклонникъ, распространилъ культъ Ормузда между предѣлами Китая и Европой. Для этой цѣли всякія средства казались годными. Гдѣ не дѣйствовали убѣжденія, тамъ употреблялось грубое насиліе. И въ Мервѣ пустило корни новое ученіе, и на краю пустыни заструился его мягкій свѣтъ, одинъ изъ чистѣйшихъ въ мірѣ послѣ христіанства и буддизма. Именно тутъ, на рубежѣ Ирана и Турана, особенно понятны были

*) Согласно Авестѣ Ариманъ создалъ у Мерва разбойниковъ *марда* (что значитъ «убійцы»). Неосѣдые элементы подъ этимъ названіемъ разбѣяны были по всему закаспійскому востоку.

религіозныя предписанія по возможности бодрствовать, чтобы врасплохъ не заставали злыя силы, обрабатывать почву, садить деревья, орошать поля, строить мосты, защищаться отъ песковъ. Ими выражается вѣчный натискъ Аримана *). Тамъ бездожье, смертельная жажда, гибель. Солнце по временамъ тускнѣетъ изъ-за праха, вздымаемаго къ небу смерчами. Вихри, налетающіе на оазисъ, ничто иное какъ дивы, дѣти и слуги мрака. Наипаче надо беречь огонь (на алтаряхъ храма и дома). Пока его не загасила тьма, Всеблагое Начало еще присутствуетъ среди людей, оберегаетъ ихъ, борется съ ними и черезъ нихъ. Строились особыя кумирни съ башнями (кахъ), гдѣ жрецы (атрава) съ молитвой бросали сухое благовонное дерево въ стоящіе на камняхъ металлическіе сосуды и раздували пламя мѣхами.

Но видно—не суждено было устеречь святыню. Померкли передовые иранскіе огни, исчезли жертвоприношенія. Степь по прежнему царить вокругъ и даже земля, тревожимая копытами моего коня,

*) Онъ всюду, гдѣ Ормуздъ сѣялъ добро, создавалъ что-нибудь дурное; въ *Мервѣ*, согласно Авестѣ, порождены злыя *рычи*, въ Нисѣ—окаянныя сомнѣнія.

быть можетъ, не утаила въ своихъ нѣдрахъ ничего, что свидѣтельствовало бы о величїи первобытной культуры.

ХІІІ.

ВЪ ДРЕВНЕМЪ МЕРВЪ.

Когда суровые персы стали однимъ изъ первенствующихъ народовъ въ мірѣ, и безсмертный Киръ начиналъ тяготиться избыткомъ силы и благополучія, царю—побѣдителю пришла мысль углубиться на сѣверъ въ пустыню и покарать вѣчно нападающихъ кочевниковъ. Снаряжаясь въ далекій путь, монархъ неминуемо посѣтилъ тѣ пункты окраины, гдѣ всего энергичнѣе велась борьба съ Тураномъ, озарилъ ихъ сказочною пышностью, присущею азіатскимъ владѣкамъ, явился тамъ какъ—бы отблескомъ божества. Безъ сомнѣнія, и въ мервскомъ оазисѣ подданные имѣли случай созерцать властителя.

Такъ и кажется, что вотъ онъ грядетъ передъ несмѣтными толпами чествовать свѣтлыхъ небожителей до выступленія на войну. Народъ отгоняется бичами съ дороги. Шесть тысячъ тѣ-

лохранителей вытягиваются въ ряды. Разноплеменная знать спѣшивается, строится по сторонамъ (персы справа, остальные слѣва). Согласно требованіямъ этикета, руки прячутся вельможами въ длинные рукава.

Открываются ворота во дворцѣ намѣстника. Сперва ведутъ быковъ, предназначенныхъ на закланіе богамъ, за ними слѣдуютъ бѣлыя лошади *) и колесницы Ормузда, Митры (солнца), потомъ еще повозка съ пурпурнымъ убранствомъ коней. Нѣсколько человѣкъ несутъ большой сосудъ съ неугасимымъ пламенемъ.

Киръ ѣдетъ въ колесницѣ съ возничимъ, весь въ багряныхъ одеждахъ, съ ярко-желтыми сапогами, развѣвающимся плащомъ, повязкой на челѣ, серьгами, цѣпью на шеѣ, широкою бѣлою каймой, отъ головы до ногъ, на драгоценномъ платѣ. Двѣ трети гвардіи поворачиваются и открываютъ шествіе передъ царемъ, послѣдняя треть замыкаетъ. По бокамъ его гарцуютъ триста вершниковъ съ дротиками. Слѣдомъ движутся двѣсти придворныхъ лошадей въ раззолоченной сбруѣ и пестрыхъ чепракахъ, 2,000 копѣйщиковъ и 30,000 всадниковъ, между которыми

8) *) Онѣ считались священными, предназначенными лишь для небожителей и царя.

особенно выдѣляются паряне, мидяне, темно-кожіе белуджистанцы, скиѣ, армяне. Хочешь себѣ представить эту картину — и красокъ не возсоздать: отлетѣвшая жизнь ускользаетъ отъ воображенія.

По близости къ храму, при появленіи старшаго жреца (въ бѣломъ, съ посохомъ), царь направляется туда пѣшкомъ. Но, чтобы онъ не ступалъ по землѣ, лидійскіе ковры стелются ему подъ ноги. Надъ головой его держатъ парчевой балдахинъ съ вытканными львами и быками, съ солнечнымъ крылатымъ дискомъ по срединѣ. Все вокругъ блещетъ золотомъ, серебромъ, слоновой костью. Смежные туранцы, собравшіеся посмотрѣть на всемогущаго повелителя, безмолвны, ослѣплены. Ему же, вѣроятно, грезится, какъ онъ совершитъ никому пока невозможное: пройдетъ степи, уничтожить кочевниковъ. Ну, мыслимо ли не раздавить варваровъ, которые ѣдятъ бесполезныхъ старцевъ своего племени, сваривъ ихъ вмѣстѣ съ мясомъ ягнятъ? *)

И тускнѣетъ видѣніе, и въ туманной дали вырисовывается нѣчто другое: пески, засыпан-

97 *) Массагеты и Дербики, жившіе въ тѣхъ краяхъ, дѣйствительно отличались дикостью: поклонялись только матери-землѣ, не убивали и не ѣли самокъ, вѣшали старухъ, и т. д.

ные мертвыми тѣлами, истомленное жаждой войско, дикіе наѣзники-истребители, тяжело раненый, безпомощный Киръ... А грубые останки Гяуръ-Калы по прежнему сѣрѣютъ въ двухъ шагахъ отъ меня и даже жутко подумать, сколько они видѣли, сколько знаютъ, насколько простой камень любой твердыни устойчивѣе вереницы человѣческихъ поколѣній.

Вскорѣ послѣ несчастнаго похода, гдѣ палъ самъ великій властелинъ, Иранъ обуреваемъ междоусобіями. Окраины не признаютъ Даріа. Въ Мервѣ подымаетъ знамя мятежа какой-то Фрада. Наступаетъ ноябрь 518 г., до Рождества Христова. Царскій полководецъ Дадарзисъ одолеваетъ бунтовщиковъ. Имъ рѣжутъ уши, носы, языки, распинаютъ непокорныхъ.

Государство переживаетъ время мудрыхъ реформъ. Правительство убѣждается, что ему подвѣдомственна масса разнородныхъ элементовъ и править ими, при помощи одного насилія, есть безуміе. Учреждаются сатрапіи со строго опредѣленнымъ штатомъ высшихъ чиновниковъ, въ число коихъ принимаются лишь люди старательно подготовленные, изъ хорошихъ семействъ, воспитанные подъ надзоромъ царя. Каждая страна сохраняетъ свои обычаи, вѣрованія, родную рѣчь,—и это, отъ русскихъ скиѳовъ до Индіи, и на западъ до

Іонійскихъ острововъ, Египта, Абиссиніи, Кар-
оатена.

Населеніе колоссальной имперіи насчитывало приблизительно отъ ста до двухсотъ милліоновъ. Доходы съ подданныхъ составляли, по нынѣшней стоимости денегъ, около двухъ милліардовъ рублей, хотя подати были очень необременительны. Среднеазіатскихъ жителей въ эту эпоху, повидимому, было значительно больше, чѣмъ теперь. Пограничные сатрапы пользовались чрезвычайною властью, но подвергались также грозной отвѣтственности, нерѣдко платились жизнью. Наряду съ ними имѣли много нравственной силы секретари, все провѣрившіе и обо всемъ доносившіе въ столицу, также военачальники. Вдобавокъ, иногда внезапно являлись царскіе приближенные, чтобы лично убѣждаться, существуетъли порядокъ.

Повсемѣстно ввелись почтовые сообщенія. Гонцы съ указами быстро доставляли ихъ, какъ угодно далеко. Торговля процвѣтала. Товары шли черезъ Сирію и Персію *къ Нисп и Мерву*, затѣмъ въ Индію, Тибетъ, Капгарію, китайскія владѣнія. Нѣкоторые писатели, оптимистически глядя на наше движеніе въ Азію, предсказываютъ, между прочимъ, и Закаспійской области замѣчательное будущее. Но вѣдь едва

ли ей можно разумно пожелать что-нибудь иное на первых порахъ, какъ вернуть хоть малую долю былого богатства и блеска? Необъятна держава, владѣющая нынѣ мервскимъ оазисомъ, — однако онъ изображалъ изъ себя нѣкогда часть большаго цѣлаго, выдающійся культурный центръ, жемчужину въ вѣнцѣ персидскихъ государей. Такимъ положеніемъ мѣстность обязана неусыпному труду и мужеству принцевъ. Если и у насъ здѣсь пробудится одинаковое рвеніе, мы отгонимъ злыхъ духовъ отъ Гяуръ-Калы. Иначе эти неуклюжія развалины еще долго-долго прослужатъ убѣжищемъ для дѣтей Аримана.

Возникаетъ вопросъ: есть-ли въ русскихъ необходимая упорная энергія, чтобы творить въ Средней Азіи, на подобіе цивилизованныхъ предшественниковъ? До сихъ поръ, кромѣ проведенія желѣзной дороги, которая обратила на себя вниманіе всего свѣта, мы еще почти ничѣмъ не доказали своихъ способностей въ желательномъ направленіи. Оттого-то развѣнчанный Мервъ и стоитъ передо мною точно укоряющій призракъ. Кто вернетъ ему прошлое? Да и можно ли его вернуть? Если же нѣтъ, то зачѣмъ европейцы смущаютъ угрюмый сонъ этой мѣстности? Вѣдь ей, при видѣ пришельцовъ съ запада, вспоминаются другіе времена.

Сыны Эллады когда-то ступали здѣсь, добывая Александру наслѣдіе Дарія. Благоденствующія сатрапіи на сѣверо-восточныхъ окраинахъ Ирана, по слухамъ, давно были извѣстны грекамъ, невольно ихъ притягивали.

Когда успѣхъ за успѣхомъ привелъ героевъ во внутрь славнѣйшаго материка и имъ надлежало испробовать силы въ борьбѣ съ кочевыми элементами, македонскій вождь, по стопамъ прежнихъ воителей, вступаетъ въ мервскій оазисъ. Вода рѣки Мургаба (по выраженію древнихъ, Маргуса) нездорова для солдатъ. Къ счастью, открываются прекрасные источники. Крутомъ—земной рай, *винодѣліе въ отличномъ состояніи*, плодородная почва изрыта канавами и даетъ урожай самъ сотъ. Одна бѣда—границы безпокойны. Тамъ, гдѣ теперь по берегамъ нагая равнина, двѣ тысячи лѣтъ назадъ виднѣлись лѣса. Туда-то маленькими отрядами пробирались и оттуда стерегли добычу степняки. Западные завоеватели стали въ Мервѣ твердою ногой, принялись строить укрѣпленія. Еще въ данную минуту около Гяуръ-Калы замѣтны слѣды другой твердыни, и туземцы величаютъ ее въ честь Александра Искандеръ-Кала. Былъ-ли онъ тутъ или нѣтъ, трудно отвѣтить категорически. Мнѣ думается однако, что отрицать фактъ

не представляется особенныхъ основаній, разъ допускается пребываніе царя въ пунктахъ довольно близкихъ. Наконецъ, гдѣ къ нему явился съ 1,500 всадниками ханъ нынѣшнихъ хивинскихъ владѣній Фаразманъ, предлагая содѣйствовать покоренію народовъ южной Россій? Легче указать на Мервъ, чѣмъ на Самаркандъ.

Союзникъ, предлагавшій свои услуги для новыхъ отдаленныхъ походовъ, увѣрялъ, будто имѣетъ связи и между кавказскими горами, и на Дону. Это вполне возможно, если принять въ соображеніе характеръ тѣхъ странъ и постоянное ихъ объединеніе, начиная съ проблесковъ исторіи. Правители Харезма, изъ котораго приходили звать македонянъ, стояли во главѣ просвѣщеннаго населенія, вкусившаго отъ персидской культуры, и кромѣ того окружены были массой тяготѣвшихъ къ нимъ кочевій. Что же удивительнаго, если власть современныхъ хивинцевъ простиралась тогда очень далеко!

Но македоняне не поддались на увѣщанія, не рѣшились идти за вожатаями на сѣверо-западъ. Александра притягивала Индія, да вдобавокъ въ окрестныхъ пустыняхъ неувовимо скитался и вредилъ грекамъ туркестанскій Югурта, по имени Спитамень..... Голова его оцѣнена. Сами туранцы отчасти отложились отъ свободолюбиваго

борца. И все-таки ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя.

Вотъ хоть бы и теперь: поздній вечеръ... оазисъ спитъ въ лунномъ сіяніи... стража замерла на уступахъ вала. Мечты уносятъ въ таинственную даль на югъ, за снѣговые исполинскіе хребты. Тамъ жизнь высшаго порядка, неисчерпаемая мудрость, вѣдѣніе всего сокровеннаго, источникъ полного блаженства.

Вдругъ около царскаго шатра смятеніе. Смутный говоръ. Бряцаніе оружія. Вѣроятно—опять нападеніе, опять жаркій и бесплодный бой. Однако не то. Какая-то женщина-туземка идетъ къ Александру. Вся она въ крови и пыли. За нею покорно слѣдуетъ рабъ въ грубомъ бараньемъ тулупѣ съ небольшою ношею въ рукахъ. «Я —жена Спитамена», говоритъ незнакомка: «вели мнѣ отвѣсить обѣщанное золото!» И спутникъ ея показываетъ царю искаженную судорогами голову злѣйшаго врага македонянъ *). Какъ ни восторженъ Александръ, какъ онъ ни влюбленъ въ востокъ, — но страшная нагая дѣйствительность берется съ идеализаціей. Чего ждать въ Азіи, гдѣ небывалое возможно?

*) Впослѣдствіи здѣсь сталъ править его эллинизированный внукъ.

XIV.

СРЕДИ РАЗВАЛИНЪ.

Умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ Великій Искандеръ, и надъ его распадающейся имперіей ступились зловѣщія тѣни. Преемники затѣяли кровавую распрю, которая должна была такъ или иначе отражаться на порубежьяхъ Ирана и Турана. Въ это время мервскимъ оазисомъ (Маргіаной) владѣлъ молодой еще полководецъ Селевкъ, имѣвшій сына Антиоха отъ дочери Спитамена. Ему на долю достались тоже Сирія, Вавилонъ, вообще разныя богатые смутами страны передне-й Азіи. Халдейскіе прорицатели рано сказали, что его ждетъ ослѣпительная слава. Очевидно, сражающемуся съ соперниками царю мало интереса представляла отдаленная сѣверо-восточная окраина и она оставалась забытой въ числѣ семидесяти двухъ сатрапій.

Но первый Селевкидъ Антиохъ (280—261) не

преминулъ сначала утвердить здѣсь мимолетно свою столицу, наименовавъ ее одною изъ многихъ основанныхъ имъ Антиохій. Онъ окружилъ оазисъ стѣнами въ 240 в. длины, а городъ въ *десять*.

Иранцы исказили греческое названіе въ Андивъ, китайцы въ Анси. И странныя мысли приходятъ на умъ, при посѣщеніи стараго Мерва. Мѣстоположеніе послѣдняго на протекающемъ тутъ же близко Мургабѣ туманно опредѣлено. Кто знаетъ, не находятся-ли подъ моими ногами остатки любопытнаго города *), который вмѣщалъ и психически роднилъ туземцевъ съ греками? Степень ихъ общенія и слиянія до того не установлена, не изслѣдована, загадочна, что каждое открытіе въ этой сферѣ составляло бы драгоцѣннѣйшій вкладъ въ исторію культуры. Въ самомъ дѣлѣ: совершенно чуждые по духу міры сталкиваются и ежеминутно соприкасаются подъ скипетромъ могущественнаго монарха, и притомъ не на протяженіи только его обширнаго царства, и въ узкихъ границахъ такой своеобразно-яркой области, какова была Маргіана древнихъ. Тамъ цѣлый снопъ лучей издавна сосредоточивался религіоз-

*) Непонятно, почему одинъ греческій писатель времени Августа замѣчаетъ, будто Антиохія въ Маргіанѣ лишена воды, тогда какъ вообще извѣстно противоположное.

ными иранцами для того, чтобы отгонять ими злой мрак наступающей пустыни. Въ этотъ замѣчательный очагъ почти сверхъестественнаго свѣта не могли не вглядываться глубокомысленные соотечественники Платона и Аристотеля. Гдѣ кипѣла борьба и азіаты являлись лишь въ качествѣ разсвирѣпѣвшихъ враговъ, сыны Эллады не имѣли случая всесторонне вникать въ характернѣйшія особенности инородной жизни. У Мерва и вокругъ царила сравнительно тишина. Жаждавшій чему нибудь высшему научиться стоялъ здѣсь, такъ сказать, на порогѣ храма премудрости. Мнѣ думается почему-то, что именно на подобной довольно тихой окраинѣ должны были крѣпнуть разумныя взаимоотношенія между Западомъ и краями Зороастра.

Намъ, которые себя считаемъ болѣе или менѣе непосредственными наслѣдниками эллинизма въ его стремленіяхъ къ истинѣ, благу и красотѣ, намъ, сознающимъ свою связь преимущественно съ классическимъ Востокомъ, волею судьбы суждено было стать послѣ греческаго владычества прямыми наслѣдниками всего, что передъ нимъ нѣкогда склонялось. Чѣмъ отличались господствующіе пришельцы, какъ охватывало ихъ туземное населеніе,—вотъ вопросъ необыкновенно важный для Россіи. Двѣ тысячи слишкомъ лѣтъ назадъ

живо каснулось Средней Азии сильнѣйшее культурное вліяніе, и она ему, кажется, почти вовсе не поддавалась. Ея нѣдра, ея коренной строй остались неизмѣнными. Отчего это случилось? Не знаменателенъ-ли такой примѣръ? Какими средствами можно ее подчинить себѣ? Тутъ, однимъ словомъ, малѣйшее недоумѣніе разростается въ новую проблему...

Насколько скудные, необработанные данные позволяютъ судить, главнѣйшія причины эллинской шаткости слѣдуетъ видѣть въ трехъ обстоятельствахъ: отчасти греки заслушались льстивыхъ азіятскихъ рѣчей и, понемногу теряя всякія творческія способности, погрязли въ тинѣ мѣстныхъ пороковъ; отчасти встрѣченный быть являлся черезчуръ сложнымъ, чтобы съ нимъ быстро знакомиться и еще быстрѣе на него вліять. Постепенно развившееся самоуниженіе, параллельно съ безнравственностью и непониманіемъ окружающей жизни,—все это въ совокупности уничтожило за Каспійскимъ моремъ смѣлое дѣло Александра Македонскаго *). Пока мы

124 *) Антиохъ изъ подозрѣнія казнилъ своего старшаго сына. Младшій потерялъ Маргіану. Она перешла вмѣстѣ съ Согдіаной (Бухарой, Самаркандомъ) къ бактрійскому правителю Діодоту. Связь съ Западомъ стала слабѣе.

себя убаюкиваемъ исключительно оптимистическими воззрѣніями, пока подборъ людей, сгруппированныхъ подъ русскимъ знаменемъ на ирано-туранской окраинѣ, далеко не удовлетворяетъ ея потребностямъ, пока, наконецъ, мы не умѣемъ читать въ душѣ покоренныхъ народовъ, — нельзя угадать, что ожидаетъ впереди. Ясно только слѣдующее: надо заботиться объ устраненіи этихъ несомнѣнныхъ недостатковъ. Каждый проблескъ сознанія въ такомъ именно направленіи общается намъ въ будущемъ много смиренномудрія, чистоты руководящихъ принциповъ и чуткости къ нуждамъ присоединенныхъ краевъ. Въдѣ сила наша тамъ, по общему отзыву, должна быть не матеріальная, а иная: радѣніе объ ихъ благополучіи, которое, въ свою очередь, необходимо и для насъ.

При помощи нумизматики есть возможность составить себѣ представленіе, какъ въ Средней Азіи смѣнялись властители, унаслѣдовавшіе частицу Александровой имперіи, когда они, по мѣрѣ ослабленія, стали величаться не просто «царями», но «великими царями», и медленно дѣлали уступку за уступкой восточнымъ обычаямъ, вѣрованіямъ, даже языку.

Образуя тутъ замѣтное меньшинство, обитая преимущественно въ греками же основанныхъ го-

родовъ, пришельцы съ Запада стекались туда ради извѣстнаго рода льготъ и легкой наживы. Шли люди, кому нечего было терять. Неудивительно, если авантюристы казались туземцамъ дурными проводниками цивилизаціи. За неимѣніемъ достаточнаго количества войскъ эллинскаго происхожденія (во-первыхъ, въ виду дороговизны ихъ вербовать и содержать, во-вторыхъ, въ виду презрительнаго взгляда на самостоятельность среднеазіатовъ), ратному искусству обучались и мѣстные жители. Это значило играть съ огнемъ.

Мало-по-малу заботы завоевателей сосредоточивались на торговлѣ, ремеслахъ. Роскошь обстановки, погоня за наслажденіями отодвинули на задній планъ другіе интересы. Литература и наука здѣсь не прививались. Что же за связь, въ концѣ концовъ, могла сохраниться между эллинскимъ міромъ и приверженцами зороастризма? Торжество послѣднихъ коренилось въ порядкѣ вещей.

Но ходъ историческихъ событій, обусловливавшихъ это явленіе, требуетъ бѣльшей ясности. Спрашивается: кому, какъ не намъ, взявшимъ въ руки македонское наслѣдіе, подобаешь заняться этимъ, прикладывать стараніе, чтобы прошлое заговорило? Въ Закаспійской области Мервъ и его окрестности наиболѣе сулятъ изслѣдователямъ.

Внѣшній бытъ Эллады знакомъ теперь до мелочей. Имѣя столь богатые свѣдѣнія о немъ, не трудно широко организовать дѣло раскопокъ, сразу намѣчать слѣды греческой культуры. Она безспорно существовала въ равнинахъ, близъ городскихъ центровъ, ибо кое-гдѣ уцѣлѣла и понынѣ въ сопредѣльныхъ горахъ. Тамъ знаютъ великаго героя Искандера, хранятъ серебряныя чаши той эпохи, съ изображеніемъ шествія Вакха. При нѣкоторомъ развѣтвленіи этнографіи, мѣстами у горцевъ, вѣроятно, встрѣтится отпечатокъ греческаго вліянія на утвари и т. п. А греческое вліяніе македонскихъ временъ—вѣдь это своего рода отраженіе всей извѣстной тогда вселенной!..

Сумракъ ночи надвигается на желѣзнодорожную станцію Байрамъ-Али. Два-три строенія чернѣютъ, если посмотришь изъ оконъ вагона. Пусто и тоскливо по сторонамъ. Неопредѣленные груды развалинъ окаймляютъ разстилающуюся степь.

Мнѣ не до сна, и отбою нѣтъ слетающимъ думамъ и грезамъ. Какіе-то призраки рѣютъ въ обступающей темнотѣ. Воскресающая старина словно ищетъ проявленія, словно требуетъ вниманія...

Громадные, африканскаго типа слоны, ведо-

мые неграми, глухо ступаютъ вдоль развалинъ. Пучки страусовыхъ перьевъ вѣютъ съ лошадиныхъ головъ. Кони — въ пестрыхъ попонахъ. Воины — въ панцыряхъ изъ крокодиловой кожи. Щиты снабжены отверстіями для разглядыванія непріятеля. Плоскія низкія шапочки прикрываютъ и темя, и затылокъ. Эмалированные украшенія золотыми цѣпочками прикрѣплены къ груди начальниковъ. Изрѣдка между египтянами виднѣются всадники, одѣтые и вооруженные по-гречески. Они сидятъ безъ стремянъ и сѣделъ. Племя съ красными и синими султанами... Металлическія маски спереди... Длинные обоюдоострые мечи, короткіе толстые кинжалы у бедръ...

Слѣдомъ идутъ эллинскіе стрѣлки въ кожаныхъ остроконечныхъ головныхъ уборахъ. Рожечники и трубачи мелькаютъ въ рядахъ.

Несмѣтныя дружины эфіоповъ, сирійцевъ, киликійцевъ, карійцевъ и еще иныхъ ратниковъ тянутся за передовыми отрядами. Это Птолемей Эвергетъ въ III в. до Р. Хр. направляетъ народы на дальній сѣверо-востокъ, *вездѣ* колеблетъ могущество селевкидовъ, хочетъ сдѣлать берега Нила средоточіемъ образованнаго міра *).

13 *) Конечно, еще вопросъ, переступало ли его войско за предѣлы Бактріи. Но вѣдь воображеніе не всегда создаетъ согласно послѣднимъ словамъ исторіи? Фактъ самъ по себѣ возможенъ.

дивномъ походѣ точно предсказаніе слышится въ одиннадцатой главѣ пророка Даніила...

Опять все тихо и безлюдно! Только вѣтеръ шепчется съ пустыней, да изъ невидимой дали, отъ разрушающихся стѣнъ, доносится не то человѣческій стонъ, не то звѣриное рычаніе. Вдругъ одна башня начинаетъ свѣтиться, озаряется внутренность богатаго покоя. Статуи. Вазы. Драгоценныя азіатскія ткани. На львиныя лапы опирающіяся сидѣнья. Два взволнованныхъ собесѣдника, въ бѣлой одеждѣ, что-то обсуждаютъ. Разстояніе между ними и мною дѣлается все меньше и меньше. Еще мгновеніе—и вняты голоса.

«Отецъ», говоритъ ослѣпительной красоты юноша величественному старику, откинувшемуся на мраморное ложе: «черезъ нѣсколько дней Антіохъ сирійскій будетъ здѣсь *). Мы или должны немедленно смириться, или готовиться къ смерти. Онъ непобѣдимъ и рать его безчисленна **). Напрасно ты возставалъ, тщетно ты создавалъ свое государство. Эвтидему не подѣ силу бороться съ селевкидами».

«Ты былъ ребенкомъ, Дмитрій, когда меня на-

*) Антіохъ III Великій (223—187).

**) Насколько велики бывали силы сирійскихъ войскъ показываетъ, между прочимъ, походъ Антіоха VII противъ парянъ въ 130 году.

значили правителемъ этихъ краевъ. Греческое вліяніе падало. Степные варвары тѣснили. Осѣдлое покоренное населеніе питало вражду. Я поднималъ наше значеніе, я отразилъ кочевниковъ, я внесъ духъ Эллады въ туземный строй. Кромѣ насъ, кругомъ ни у кого не чеканится монета съ Геркулесами и Аполлонами. Сто лѣтъ лишь прошло со времени Александра, и всему наступаетъ конецъ. Послѣдніе стражи славныхъ завѣтовъ, мы стоимъ на крайнемъ рубежѣ образованнаго міра, съ горящимъ факеломъ въ рукѣ, и недалеко тотъ часъ, что его задуетъ мракъ. Уже свирѣпыя паряне не разъ становились между Западомъ и мною. Оторванный отъ соплеменниковъ, я волею судьбы приучался къ самостоятельности. Мыслимо ли тебѣ кажется, вкусивши отъ полноты власти, лишиться ея въ пользу тѣхъ, кто не понимаетъ, какъ я, нашего призванія на востокѣ, кто равнодушенъ къ задачамъ эллинизма? Побѣждай въ непріятельскій станъ, изложи царю, въ чемъ моя идея, уговори его не продолжать братоубійственной войны. Иначе все погибнетъ,— не уцѣлѣтъ грекамъ среди Ирана и Турана. У нихъ *свой домашній споръ*, мы же чужіе и намъ не сдобровать».

О чемъ дальше идетъ рѣчь—нельзя разобрать. Голубоватый туманъ окутываетъ предметы. Ви-

дѣніе расплывается. Ночная бездна, по прежнему, нѣма и черна.

Слабые вопли изрѣдка раздаются во тьмѣ. Вотъ они усиливаются, сливаются. Словно изъ тысячъ грудей рвется выраженіе ужаса и отчаянія. Густыя толпы женщинъ и дѣтей бѣгутъ по равнинѣ. Зарево пожара бросаетъ отблескъ на картину сраженія у городскихъ воротъ. Парѣяскіе и скиѣскіе витязи стрѣлою носятся по всѣмъ направленіямъ. Шестиколесныя телеги, запряженныя быками и обтянутыя шкурами, скрыпя, приближаются къ Мерву. Живо кидается въ глаза странное платье наѣздниковъ—смѣсь грубаго и пышнаго. Шаровары, натертыя мѣломъ, и короткія безвкусно размалеванныя, багрянаго цвѣта плащи, пестрыя чалмы. Серебромъ оправленные колчаны, кривыя сабли, огромныя копья, арканы и плети — все это такъ и мелькаетъ около валовъ, такъ и прибиваетъ искрящимися волнами изъ окрестной степи.

Царь ѣдетъ! Самъ Фраатъ, сынъ Митридата скачетъ на огненномъ жеребцѣ. И конь, и всадникъ покрыты чешуйчатой броней. Золотой вѣнецъ горитъ на челѣ. Звѣзда украшаетъ грудь. Знамя съ грознымъ дракономъ везетъ за повелителемъ. Городъ уже въ пламени, и нѣтъ ничему пощады. Завтра, среднеазиатское солнце

спокойно можетъ плыть по раскаленному небосклону. Греки уничтожены *). Туземцы умолили божественное свѣтило избавить край отъ пришельцевъ. Для него начнется иная эра. Жизнь вступаетъ въ новое русло.

16 *) Парфияне, когда могли, уничтожали сосѣднихъ имъ грековъ (за Каспiемъ).

XV.

ИЗЪ ЖИЗНИ МАРГІАНЫ.

Быть можетъ страннымъ кажется, отчего я такъ много вниманія посвящаю старому Мерву. Время его славы прошло, Богъ вѣсть—когда воротится, едва-ли многихъ интересуесть. Чего же ради, спрашивается, такъ долго говорить о немъ, возстановлять воображаемое прошедшее; задумываться надъ тѣмъ, что было и чему, вѣроятно, уже не быть? Отвѣтъ очень простъ. О нашей Средней Азіи—а теперь въ особенности о Закаспійской желѣзной дорогѣ—писалась необозримая масса замѣтокъ, очерковъ и цѣлыхъ книгъ. Добавить къ нимъ нѣчто вѣское (съ внѣшней, повѣствовательной стороны) почти невозможно. Повторять сказанное сто разъ предоставляю слѣдующимъ туристамъ. Обстоятельно вникать въ туземный строй—требуется большая подготовка и продолжительный опытъ. Ясно, почему всякій,

кто имѣеть нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ странахъ, но оставался здѣсь лишь ограниченное число недѣль, и себѣ и другимъ долженъ все рисовать въ слегка фантастическомъ освѣщеніи. Иначе изложеніе неминуемо будетъ страдать отъ сухости и безсодержательности. Такими свойствами нерѣдко и отличался обширный матеріаль, касающійся русскихъ владѣній за Каспійскимъ моремъ. Если же принять въ расчетъ, до какой степени мы еще мало избалованы литературно-обработанными данными о нихъ, до чего смутно знаемъ ихъ прежнюю жизнь,—невольно возникаетъ желаніе хоть слабо пополнить такой пробѣлъ.

Для характеристики края, на основаніи историческихъ фактовъ, можно, конечно, выбрать любой издревле важный культурный пунктъ. Но я здѣсь съ умысломъ выбралъ не Бухару и не Самаркандъ, вѣчно возрождавшіеся изъ развалинъ, вѣчно шумные и оживленные,—а именно совершенно павшій Мервъ, съ его величественно-загадочной судьбой. Гдѣ кругомъ люди, тамъ не такъ рѣзко бросается въ глаза противоположность настоящаго дня и отошедшаго въ область забвенія. Образы старины не просвѣчиваютъ повсюду съ удивительной яркостью, не пламенѣютъ вездѣ—какъ тутъ, въ этой уединенной мѣст-

ности, у станціи Байрамъ-Али. Намъ нельзя игнорировать того, о чемъ я веду рѣчь. Слишкомъ многому учать угасшіе вѣка, чтобы обходить молчаніемъ явленія, вродѣ указанныхъ мною. Наконецъ, чисто поэтический интересъ, представляемый ими, также заслуживаетъ извѣстной оцѣнки. Вѣдь не признавать лишь рядомъ пустыхъ случайностей, что все наиболѣе замѣчательное въ исторіи Востока затрогивало мервскій оазисъ (Маргіану)? А тогда само собою разумѣется, какое значеніе ему вообще необходимо придавать.

Итакъ, буду продолжать прерванный рассказъ, гдѣ главную роль занимаютъ *тѣни минувшаго*.

Когда арабы, ставши мусульманами, побѣдносно двинулись покорять ближайшія государства, глава ново-персидскаго царства Сассанидовъ Эзеджирдъ, бѣжалъ въ Мервъ, увозя съ собою священнѣйшій и древнѣйшій огонь, какой только чтился послѣдователями Зороастра. Тамъ для этого пламени воздвигся особый храмъ и вокругъ него раскинулся цвѣтущій тѣнистый садъ. Туда, по мнѣнію царя, завоеватели не рѣшились бы проникнуть на далекую окраину. Но судьба назначила иное. Безстрашные сторонники «пророка» устремились къ рубежамъ Ирана и Ту-

рана, гдѣ фанатикамъ хотѣлось искоренить яркое по обрядности и учености, глубоко ненавистное язычество, а именно: религію Ормузда, прививающійся буддизмъ,—наконецъ довольно уже утвердившееся несторіанство. Судя по тому, какъ много умозрѣній здѣсь сталкивалось, духовная жизнь была необычайно интересна. Цѣлый міръ сокровеннѣйшихъ думъ таился въ нѣдрахъ нынѣ уничтоженнаго Мерва. Всюду болѣе или менѣе явно звучали слова совершенно другъ другу противоположныхъ проповѣдей, призывалось заступничество Сына Божія, или предвѣчнаго свѣтлаго начала, или сравнивавшегося съ богами величайшаго индійскаго мудреца. Трудно себѣ даже представить вполнѣ, сколько своеобразныхъ идей вмѣщаль нѣкогда славный городъ.

Обѣзжая пространство, на которомъ видны его останки, такъ и чувствуешь дивное вѣяніе чего-то давно погибшаго, но не отлетающаго прочь отъ дорогой для него мѣстности. Путешественникъ, останавливающійся въ этой скорбной пустынѣ, точно подпадаетъ подъ силу невѣдомыхъ чаръ. Онѣ его притягиваютъ съ неотразимою властью, рисуютъ прошедшее, не даютъ вспомнить, что теперь уже XIX в. на исходѣ, что тутъ по степи проносятся поѣзда...

...Вотъ Эзеджирдъ стоитъ на верхней пло-

щадѣ обширнаго дворца. Золотые браслеты горятъ на рукахъ и ногахъ царя. Усталыя черныя очи все всматриваются въ прозрачную вечернюю даль. Только что пришли вѣсти о наступленіи враговъ. Онъ тщетно искалъ утѣшенія въ бесѣдѣ съ угрюмыми христіанскими монахами, онъ напрасно входилъ въ капище съ чужеземными идолами. Мысли и настроеніе первыхъ, среди общаго смятенія, слишкомъ дышали спокойствіемъ. Невозмутимые буддійскіе кумиры прозрачно высились во мглѣ куреній, съ застывшими лицами, въ позѣ блаженнаго созерцанія, отрѣшенные отъ земли. Эздеджирду же нужна вѣра во внезапную сверхъестественную помощь. Кто снизойдетъ къ нему, озаренный могуществомъ, что заставитъ арабовъ повернуть? Очевидно, одно лишь заступничество туземныхъ родныхъ божествъ...

Смеркается. Силы мрака обступаютъ широко раскинувшійся Мервъ. Молитвенное настроеніе охватываетъ томящихся жителей. Въ празднично-убранныхъ домахъ живые чествуютъ усопшихъ, вѣря въ ихъ незримое приближеніе и присутствіе. Для нихъ разставлены кушанья и вина, рассыпаны цвѣты. Домашніе и храмовые огни благоговѣйно поддерживаются. Да пламенѣютъ они на страхъ и гибель невѣрнымъ! Пусть вспыхнутъ

ночью въ бою—какъ это уже нѣкогда случилось—
странные огоньки на гривахъ персидскихъ коней!
Непріятель съ ужасомъ обратится въ бѣгство.
Огоньки же эти станутъ освѣщать картину по-
раженія...

Если надеждамъ не суждено сбыться,—царь
по радугѣ взойдетъ на небо. Богиня Ардвисура
Анахита *) замкнетъ свои подземныя водохрани-
лища. Мстительныя тѣни иранцевъ будутъ сле-
тать въ ея заколдованный дворецъ. Тамъ, среди
зеленаго зыбучаго моря, искрятся разноцвѣтные
столбы подъ массивною крышей. Съ нихъ стру-
ятся источники. Но, когда пробьетъ послѣдній
часъ Ирана, они изсякнутъ. Пришельцы умрутъ
отъ жажды...

Такъ и случилось. Каждый разъ, что торже-
ствовали здѣсь туранскіе элементы (какого бы
то ни было вѣроисповѣданія), пустыня грозно
наклонялась надъ всѣмъ живымъ. Стоило имъ
хоть сколько-нибудь проникнуться духомъ глубо-
чайшей туземной старины,—и снова являлись
признаки земледѣльческой культуры. Со времени
злополучной кончины Эздеджирда Мервъ испы-

17 *) Она иногда въ «Авестѣ» отождествляется съ Аму-Дарьей.
Воображеніе иранцевъ ее рисуешь красавицей, въ златотканной
одеждѣ, въ діадемѣ изъ звѣздъ, въ мантии изъ неподобныхъ боб-
ровыхъ мѣховъ.

талъ нѣсколько тяжкихъ погромовъ и всегда понемногу оправлялся, если только не разрывалъ общенія съ Персією, гдѣ, не смотря на исламъ, народное міросозерцаніе сохранило немало чисто иранскихъ религіозныхъ чертъ. Окончательно городъ палъ лѣтъ сто назадъ изъ-за слѣпаго фанатизма бухарцевъ, которые уничтожили его шиитское населеніе. Съ тѣхъ поръ тутъ все пусто и тихо. Богиня Ардвисура Анахита совсѣмъ ушла въ свои чертоги. Теперь ужъ это дѣло русскихъ инженеровъ вернуть краю его бывшее благополучіе.

Кто только затѣмъ ни овладѣвалъ Мервомъ, —недолговременно наслаждался его обладаніемъ, точно чье-то проклятіе тяготѣло надъ нимъ. Реби-ибнъ-уль-Харизъ, первый изъ вошедшихъ въ него арабскихъ полководцевъ, вскорѣ умеръ. Сынъ его, Обейдулахъ-бинъ-Зіадъ, мужественно распространившій отсюда обаяніе халифской власти до Ташкента, тѣмъ не менѣе былъ смѣщенъ. Преемникъ Саидъ-бинъ-Османъ зарѣзанъ плѣнными бухарцами. Наконецъ знаменитый въ исторіи воинствующаго ислама Кутейба-бинъ-Муслимъ, здѣсь именно, проповѣдями и чтеніемъ Корана, фанатизировалъ свою рать, прямо съ кафедры садился на боеваго коня, потоками крови обгагралъ Среднюю Азію, возсталъ противъ своего верховнаго

повелителя и убѣдился въ вѣроломствѣ обогащенной походами арміи. Въ рядахъ открылся и разросся заговоръ. Жилище полководца подожгли, его самого изрубили на куски.

Мервъ мало-по-малу возвысился до того, что сдѣлался столицей Хорасана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и центромъ, откуда управлялись Самаркандъ, Бухара, Фергана. Исламъ проникъ до Тянь-Шаня. Намѣстники халифа въ этомъ главномъ пунктѣ стремились собирать непомѣрные сокровища, преимущественно для подкупа при дворѣ мусульманскаго владыки. Немудрено, если на такомъ шаткомъ основаніи трудно было долго удерживаться.

Послѣ Кутейбы правилъ Езидъ-бинъ-Мохаллабъ: сверженъ и казненъ. Перечислять дальнѣйшихъ, испытавшихъ одинаковую участь, представляется утомительнымъ. Покоренное иранское населеніе постепенно подымало голову, когда арабы расширяли кругъ своихъ туркестанскихъ завоеваній; старыя умозрѣнія воскресали; степные элементы, сродные пришлымъ съ юга властителямъ, оттѣснялись на задній планъ. Мервскій оазисъ начиналъ опять процвѣтать.

Въ это время тутъ появился свирѣпый Абу-Муслимъ, олицетвореніе всего, что враждебно Ирану. Имя его не даромъ до сихъ поръ мило

туркменамъ, узбегамъ. Онъ сзывалъ ихъ подъ свое черное знамя. Барабаны, по его приказанію дѣлались изъ собачьихъ кожъ. Зловѣщіе звуки раздавались, благодаря этому, въ его лагерь. Какъ разъ тогда рѣшался кровавый споръ между династіей Омейядовъ и Аббасидовъ. Последніе одолевали, и тѣмъ самымъ уничтожалась нарождавшаяся въ исламѣ духовная жизнь высшаго порядка. Свободные мыслители, вполне искренніе мистики, должны были потерпѣть гоненіе. Туранъ (въ худшемъ смыслѣ слова) торжествовалъ. Реакція на окраинѣ становилась необходимостью,— и вотъ, въ отпоръ аббасидскому усиливающемуся вліянію въ Мервѣ, заговорилъ и воспламенилъ слушающихъ нѣкій туземецъ Гашимъ, бывшій сначала приближеннымъ Абу-Муслима, много видѣвшій въ Западной Азіи, долго вникавшій въ магію. Новый учитель объявилъ себя пророкомъ, а затѣмъ уже прямо божествомъ, неоднократно раньше воплощавшимся во образѣ Адама, Ноя, Авраама, Моисея, и т. д. Народъ считъ его существомъ таинственнымъ, лучезарнымъ. Подобно зятю основателя ислама—Али, Гашимъ скрылъ свое лицо подъ зеленымъ покрываломъ, за что и получилъ названіе *Моканна* («занавѣшанный»). Онъ это мотивировалъ тѣмъ, будто отъ него исходитъ слишкомъ ослѣпительный свѣтъ, могу-

щій убивать людей. Глубокая ненависть противъ мусульманъ, питавшаяся кореннымъ населеніемъ (особенно земледѣльческими классами), живо проснулась. Толпы фанатиковъ сплотились вокругъ Моканны, что доказываетъ, каково было настроеніе мервцевъ, въ какомъ угнетенномъ и бѣдственномъ состояніи находились тѣ простолюдины, которые, во имя вѣчной религіозной борьбы съ Ариманомъ, неутомимо заботились объ орошеніи и культурѣ, не встрѣчая отъ властей ни защиты, ни поощренія.

Многіе ли у насъ подозрѣваютъ, что въ англійской литературѣ есть поэтическое произведеніе, посвященное этому моменту въ исторіи Мерва? Оно принадлежитъ перу извѣстнаго писателя (начала нынѣшняго столѣтія)—Томасу Муру и озаглавлено: «The veiled prophet of Khorassan», составляя часть прелестнаго цѣлаго Лалла Рукхъ. Насколько оно соотвѣтствуетъ восточнымъ вкусамъ, видно изъ того, что поэму вскорѣ послѣ изданія перевели на персидскій языкъ и она понравилась современнымъ иранцамъ.

Въ стихахъ Мура, конечно, попадаются неточности, объясняемыя плохимъ знакомствомъ его эпохи со всѣмъ, касающимся Средней Азіи, но само избраніе темы служить признакомъ того, какъ чутко и любовно англичане издавна отно-

сились къ завоевываемому ими Востоку, — даже къ такимъ отдаленнымъ мѣстностямъ, какъ, напри-
мѣръ, тѣ, что прорѣзываетъ мервская рѣка Мургабъ.

Муръ описываетъ ихъ подобными раю.

And, fairest of all streams, the Murga roves
Among Merou's bright palaces and groves.

Чертогъ Моканны сказочно изображенъ. Кра-
ски необыкновенно ярки.

Когда-то наши поэты возмуться за аналогич-
ныя, богатые содержаніемъ темы! Вѣдь мы же
вдохнули трепетъ и блескъ поэзіи въ кавказскую
жизнь, вѣдь мы же этимъ приблизили ее къ
себѣ, сроднились, такъ сказать, съ нею! Неужели
съ среднеазіатскими разнообразными владѣніями
не повторится то же самое? Неужели мы окон-
чательно оскудѣли талантами или потеряли инте-
ресъ ко всему отдаленному, неизвѣданному,
чарующему? Богъ дастъ, будущее докажетъ
иное.

Довольно смутныя преданія о лжепророкѣ пред-
ставляютъ любопытный матеріалъ для воссозда-
нія того времени (конца VIII вѣка). Развѣ не
приковываетъ вниманія хотя бы сцена вродѣ
слѣдующей: приверженцы умоляютъ Моканну,
побѣжденнаго и опоясаннаго вражескими вой-
сками, явить своимъ защитникамъ свой пресвѣт-

лый ликъ. «Вы не вынесете сіянія». — «Все равно: пусть придетъ смерть, лишь бы намъ узрѣть тебя»!

Къ вечеру они ссылаются. Толпы вооруженныхъ людей «въ бѣломъ» ждутъ, затаивъ дыханіе у входа въ укрѣпленный дворецъ лжепророка. Онъ же разставляетъ за стѣнами своихъ многочисленныхъ женъ съ зеркалами въ рукахъ. Заходящее солнце отражается на нихъ. Блескъ становится невыносимо яркимъ. «Откройте ворота, покажите меня моему народу!» слышится приказаніе. И пораженные видѣніемъ, въ полнѣйшемъ благоговѣніи, ряды воиновъ падаютъ ницъ: «Довольно! Пощади! Скройся! Мы вѣримъ!»

XVI.

ВЪ БАЙРАМЪ-АЛИ.

Когда я въ послѣдній разъ былъ въ старомъ Мервѣ, наступала настоящая зима: ночью злилась вьюга, снѣжные сугробы наметались здѣсь и тамъ. Безжизненное пространство вокругъ казалось еще мертвѣе. Обозрѣвать при этомъ пустынные развалины положительно становилось невыносимымъ,—до того онѣ наводили уныніе. ✓

Цѣлью моей поѣздки, между прочимъ, являлась такъ называемая гробница Санджара или, какъ вѣрнѣе произносить, Синджара. Она одиноко высится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ остатковъ древности и недавнихъ вѣковъ. Мѣстность неровная, иногда холмистая... Приближаешься къ величественному сооруженію и сперва даже не отдаешь себѣ отчета въ его истинныхъ размѣрахъ. Оно стоитъ на пригоркѣ и представляется меньше, чѣмъ есть въ дѣй-

ствительности (до девятнадцати саженой отъ основанія до крыши, на поверхности въ сорокъ или пятьдесятъ квадратныхъ саженой). Глядя на отчасти уцѣлѣвшіе своды, куполь, колонны, богатые изразцы,—дивисься и не вѣришь, что все существуетъ со временъ втораго крестоваго похода, т. е. болѣе семисотъ лѣтъ. Если подъѣхать ко входу, внизу замѣтно нѣкоторое углубленіе и надъ чьей-то могилой воткнуть бунчукъ, висятъ тряпочки, положены маральи рога, т. е. вообще видны эмблемы мусульманской туземной святыни. Туркмены ее чтутъ, думаютъ, что она есть прахъ нѣкогда славнаго султана, но врядъ ли это такъ. Синджаръ былъ погребенъ, вѣроятно, гораздо сокровеннѣе и богаче, а въ такомъ случаѣ—весьма правдоподобно — гробницу его давно отыскиали войска, не разъ затѣмъ громившія Мервъ, давно ее разграбили, обратили въ ничто. Здѣсь же лежить, должно быть, тѣло какого нибудь благочестиваго магометанина позднѣйшей эпохи. Имя его забыто, біографія—тѣмъ паче. Средневѣковой необвалившійся еще мавзолей заставляетъ отождествить неизвѣстнаго покойника съ знаменитымъ, слить ихъ во-едино, оказывать поклоненіе третьему таинственному и фиктивному лицу. Въ сущности не все ли равно? Оставалась бы память о мѣстѣ, не теряло бы

смысла названіе, не воцарялось бы полное, без-
пощадное забвеніе!

Окрестности, по мнѣнію туземцевъ, имѣютъ
отношеніе къ Синджару. Невдалекѣ навалены
кучи кирпичей. Это, какъ мервцы *) объясняли
англійскому путешественнику О'Доновану, — мо-
гилы враговъ султана. Суевѣрные степняки чу-
раются ихъ, бросаютъ каменья по направленію
къ этимъ грудамъ.

Значительно южнѣе вдоль р. Мургаба нахо-
дится одинъ пунктъ (Таль-Лхананъ-Баба), гдѣ
надпись свидѣтельствуетъ о погребеніи здѣсь
Синджаровыхъ дѣтей.

Что же за обаяніе, присуще этому правителю?
Почему онъ пережилъ въ устахъ народа-при-
шельца (текинцевъ) многихъ другихъ историче-
скихъ дѣятелей съ неменѣе громкимъ прошлымъ?
Неужели все зависитъ исключительно отъ при-
хотей судьбы?

Съ величественнымъ сооруженіемъ связаны
воспоминанія неизгладимо-важныя для края, го-
ворящія туземному населенію тюркскаго проис-
хожденія о владычествѣ сельджукскихъ князей,
колебавшихъ Византію, заставлявшихъ дрожать

*) До нашего прихода.

самого халифа, сталкивавшихся съ франкскими и нормандскими витязями, проникавшихъ въ Египетъ, Добруджу и Крымъ. Тогда мервскій оазисъ понемногу начиналъ играть прежнюю роль вліятельнаго центра, утраченную, пока ирано-саманидская династія въ Бухарѣ (IX и X в.) правила Среднею Азіею (отъ Тянь-Шаня до Каспія, и на югъ до индійской границы и Персидскаго залива). Наконецъ, изъ Газны явился опасный врагъ султанъ Махмудъ и *подъ Мервомъ* уничтожилъ могущественную рать бухарскаго владыки. Воспользоваться результатами побѣды довелось сельджукидамъ, кочевникамъ, двигавшимся на западъ. Они, повидимому, слегка тяготѣли къ несторіанству, которое распространялось въ тѣхъ мѣстностяхъ, носили чуть ли не библейскія имена, рѣшились стать твердою ногою въ древнемъ Хороссанѣ. Одинъ изъ нихъ, Израиль, поѣхалъ къ газневидскому султану для переговоровъ о союзѣ. — «Сколько васъ, готовыхъ къ бою?» — Сельджукидъ взялъ колчанъ и вынулъ стрѣлу: «Пошли ее моимъ соплеменникамъ, и прибудетъ десять тысячъ всадниковъ». — А если потребуется больше?» — «Отправь вторую стрѣлу, и наберется пятьдесятъ тысячъ». — «А въ случаѣ и этого мало?» — «Доставь въ степи мой лукъ: съѣдется двѣсти тысячъ человѣкъ».

Въ половинѣ одиннадцатаго столѣтія они прочно овладѣли вышеописанной мною Нисой и цвѣтущей Маргіаной. Тогриль и Чакыръ-беги, Алъ-Арсланъ, Меликшахъ — такіе могущественные воители, что туркамъ немудрено было подъ ихъ предводительствомъ временно основать обширное царство между Средиземнымъ моремъ и Бухарой. Тамъ покровительствовали и наукамъ, и поэзіи, и промышленности, и архитектурѣ Ирана.

Яркимъ сельджукскимъ властителемъ въ Закаспійскомъ краѣ является Синджаръ, родственникъ сильнаго самаркандскаго правителя Арсланъ-хана (родомъ югура, изъ инородцевъ Небесной имперіи), который даже умеръ и схороненъ въ 1130 году въ Мервѣ. Этотъ послѣдній былъ заразъ и просвѣщеннымъ княземъ, въ теченіе сорока лѣтъ заботившимся о благоденствіи подданныхъ, и воинственнымъ монархомъ, прославляемымъ льстецами, словно второй Александръ Македонскій. При немъ возрождался мягкій иранскій языкъ, усугублялась земледѣльческая культура, на радость вѣрующимъ близъ Балха открывалась мнимая гробница Магометова зятя — Али.

Гаммеръ Пургшталъ въ исторіи персидскаго краснорѣчія рассказываетъ, что среди синджаровыхъ царедворцевъ высокимъ почетомъ

пользовался, въ числѣ другихъ, поэтъ Рэшъ-эд-динъ-Ватватъ («Ласточка»), который однажды прогнѣвилъ султана насмѣшливымъ стихотвореніемъ, и за это чуть не заплатился жизнью. Сельджукидъ приговорилъ его къ разсѣченію на семь частей. Остроумный секретарь Синджара, Мунтагабъ-эдъ-динъ, замѣтилъ, что столь маленькую пѣвчую птичку нельзя разсѣчь болѣе какъ пополамъ. Правитель улыбнулся и простилъ.

Онъ умѣлъ внушать любовь и преданность. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательны случаи съ подвластнымъ ему харезмійскимъ (хивинскимъ) княземъ Ацизомъ, увидавшимъ во снѣ, что противъ султана составился заговоръ. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Вѣрно-подданный садится на коня, безъ усталости мчится вдаль къ Синджару и во-время пріѣзжаетъ, чтобы спасти его. Впослѣдствіи тѣмъ не менѣе отношенія испортились.

Постепенно счастье начало измѣнять сельджукиду. Безчисленные кашгарскіе кочевники *), за Аму-Дарьей, въ 1141 г. на голову разбили его стотысячное войско, вынудили Синджара, бро-

*) Подъ предводительствомъ гурхана, изъ рода нѣкогда могущественныхъ въ Китаѣ киданей.

сивъ обозъ и гаремъ, бѣжать всего съ тремястами спутниковъ, изъ коихъ домой дотащились пятнадцать. Затѣмъ гузы (родственные нынѣшнимъ туркменамъ) въ 1053 г. полонили султана и, грабя его владѣнія, три года продержали въ позорномъ плѣну. Ацизъ сдѣлался непримиримымъ врагомъ. Измученный сельджукидъ не выдержалъ ударовъ рока, сошелъ съ ума и умеръ въ 1157 г., 72 лѣтъ отъ роду.

Гробница его—говорять—по формѣ напоминаетъ сооруженную въ г. Тусѣ надъ прахомъ дивнаго иранскаго поэта Фирдуси. Известный арабскій писатель Обейдалла Якутъ жилъ въ Мервѣ черезъ полвѣка послѣ Синджаровой кончины. Могила этого сельджукида имъ описана, какъ очевидцемъ. Памятникъ будто бы воздвигнуть какимъ-то приближеннымъ, который даже завѣщалъ имущество на содержаніе при ней чтецовъ корана и служителей.

Туземныя преданія называютъ строительницей вдову султана. Хороня мужа, она, въ порывѣ отчаянія, распуская волосы, сняла съ головы гребень и приказала вдѣлать его въ самый центръ купола. Дальнозоркіе посѣтителы руины увѣряютъ, что тамъ, наверху, дѣйствительно, виднѣется темное пятно.

Слѣды города вокругъ именуются Синджаръ-

Кала. Историкъ Царнке предполагаетъ въ султанѣ противника полумиѳическому царю-патріарху Средней Азіи «Prêtre Jean», о которомъ тогда доходили смутныя свѣдѣнія въ Европу.

Главная заслуга сельджукида передъ мервскимъ оазисомъ заключалась въ устройствѣ превосходной каменной плотины (донынѣ, хотя испорченной бухарцами, но сохранившей названіе *Султанбэндъ*), для отклоненія стекающихъ съ Паратамиза мургабскихъ свѣтло-зеленыхъ водъ на пространство, занимаемое старыми Мервами. Онѣ вливались въ судоходный каналъ Султанъ-Ябъ, на правомъ берегу рѣки (съ тремя саженьми глубины, девятью саж., ширины и сто двадцатью верстами длины), откуда драгоцѣнная влага распространялась, отводилась въ поля и сады.

Теперь здѣсь по близости создается большое Государево имѣніе, съ намѣреніемъ утилизировать Мургабъ при помощи прежней возстановляемой плотины, осушать значительныя мѣстныя болота, мало по малу обращать снова страну въ цвѣтущее состояніе.

Половодье, начинаясь съ конца марта, достигаетъ максимума въ половинѣ мая; затѣмъ вода идетъ на убыль и осенью ея сравнительно немного. Въ 1886 г. генераль М. Н. Анненковъ обратилъ на это вниманіе и поручилъ сдѣлать

изысканія, почему, когда рѣка какъ бы самою природою намѣчена содѣйствовать орошенію, смотря по времени года и потребностямъ земледѣльческаго населенія, тѣмъ не менѣ этими обстоятельствами почти не пользуются. За обработку полей туземцы берутся именно весною, т. е. при увеличивающемся количествѣ воды, годной для поливки посѣвовъ. Лѣтомъ влага нужна лишь искусственнымъ лугамъ, бахчамъ, фруктовымъ деревьямъ: оттого ея и требуется гораздо меньше и т. д.

Туркмены неумѣло пытались создать оросительную вѣтвь по мервскому оазису: то воды совсемъ нѣтъ, то происходятъ страшныя наводненія и благодаря тому, расширяются, зловредныя болота. И это въ одной изъ наиболѣе когда-то плодородныхъ мѣстностей земнаго шара!

Средневѣковая культура тутъ славилась высокимъ развитіемъ. По словамъ Хэзера въ его «Lehrbuch der Geschichte der Medizin», пока въ Европѣ врачебное искусство стояло на степени знахарства, когда тамъ (за исключеніемъ Византіи) еще и не думали о больницахъ,—онѣ уже съ IX-го вѣка въ образцовомъ видѣ существовали въ Мервѣ. Здѣсь же обрѣтались богатыя книгохранилища. «Въ нихъ, пишетъ Якутъ, я провелъ около трехъ лѣтъ, забывъ въ наслажде-

ніяхъ чтенія и отечество (Западъ), и семью, набирая матеріалы почти для всѣхъ моихъ сочиненій». Гостепріимство жителей, обиліе духовныхъ интересовъ, переполненіе школъ выдающимися наставниками—все услаждало пребываніе въ городѣ, издревле служившемъ очагомъ цивилизаціи на порогѣ Турана. Единственное, на что можно было жаловаться, это на лихорадки, на нездоровый климатъ.

По мнѣнію Якута, мервскія книжныя сокровища смѣло могли поспорить своимъ значеніемъ съ любымъ центромъ ислама, стоили громаднѣйшихъ денегъ. Важное мѣсто занимали коллекціи рукописей нѣкоего Атика-бенъ-Абу-Бекра, который началъ съ роли мелкаго торговца на рынкѣ, а сдѣлался однимъ изъ вельможъ Синджара.

Насколько населенъ бытъ Мервъ той эпохи, показываетъ число убитыхъ тутъ при нашествіи монголовъ: по свидѣтельству восточныхъ историковъ, жертвъ насчитывалось *до милліона трехсотъ тысячъ!* *). Пощадили всего 400 лучшихъ ремесленниковъ и художниковъ, отослан-

20 *) Вѣроятно, цифра сильно преувеличена. Впрочемъ, погромъ былъ необычайно жестокъ. Когда жалкіе остатки жителей разбѣжались изъ Мерва, безбожные завоеватели спрятались и велили скликать въ мечети на молитву. Несчастные стали возвращаться и погибали.

ныхъ въ Чингизову монгольскую столицу Каракорумъ (вѣроятно, близъ китайскаго рубежа Иркутской губерніи или Забайкальской области).

Не взирая на неслыханныя бѣдствія, городъ, въ силу своего географическаго положенія, всегда опять вставалъ изъ развалинъ, но померкнувшій блескъ уже труднѣе бывало вернуть, а пожалуй что и вовсе не удавалось.

Мервъ дѣлается лакомымъ кускомъ для Бухары, Хивы *) и Персіи. Чаше имъ овладѣвала послѣдняя, однако борьба эта лишила его жизни. Скоро ли узнается въ подробностяхъ прошлое оазиса? Вѣдь, кромѣ археологій, есть еще надежда и на литературу въ сосѣднихъ странахъ, оспаривавшихъ его другъ у друга. Она навѣрно заключаетъ массу малоизвѣстныхъ любопытнѣйшихъ данныхъ...

Послѣ осмотра гробницы Синджара, между обломками старины мало видишь достопримѣчательнаго. Остаются еще двѣ удивительно красивыя стѣны (въ нихъ вдѣланы арки, покрытыя изразцами) и подлѣ нихъ двѣ синегато-сѣраго цвѣта могилы, съ сохранившимися арабесками и надписями. Обѣ хорошо уцѣлѣли, именуются ту-

21 *) Правители послѣдней особенно долго имъ владѣли послѣ паденія сельджукскаго могущества.

земцами «сахабабуридалъ» («обезглавленные»), т. е. подразумѣвается, что тутъ покоются мусульманскіе «святые», пострадавшіе за вѣру. Но когда? по какому поводу? Это все пока ждетъ выясненія.

Среди безлюдья, вдалекѣ отъ желѣзнодорожной станціи, выдѣляется жильѣ, нѣчто вродѣ караванъ-сарая, мѣста отдохновенія для путешественниковъ. Сумрачная постройка, съ огородомъ вблизи, дворикомъ и чѣмъ-то отдаленно напоминающимъ комнаты, затѣмъ нѣсколько грязно одѣтыхъ необщительныхъ туземцевъ—вотъ онъ, пунктъ, издавна будто бы привлекающій сюда богомольцевъ. Говорятъ, въ XVI вѣкѣ его посѣщали великій правитель Бухары—Абдулла и хивинскій ханъ.

На небольшемъ возвышеніи, подъ крышей, подпираемый столбами, стоитъ гробъ, завернутый въ коверъ. Здѣсь лежитъ знаменитый нѣкогда врачъ ходжа Юсуфъ Хамадани; здѣсь же богатый ревнитель Мехметъ Хуссейнъ Херати устроилъ мечеть.

Возвращаешься на линію, къ ожидаемому поѣзду,—и невеселыя мысли роятся въ головѣ. Успѣетъ ли европейское знаніе во-время, пока не поздно, освѣтить касающееся мервскихъ городовъ? Дѣло разрушенія идетъ впередъ весьма быстрыми шагами. То ищутъ кладовъ, то сно-

сятъ старыя сооруженія ради матеріала для новыхъ.

Кое-гдѣ выдѣляются одинокія безвѣстныя могилы какихъ-то до нынѣ чтимыхъ народомъ лицъ. Увѣряють, будто приношенія имъ, въ видѣ кусочковъ мрамора или горстей земли, иногда доставляются изъ Мекки. Отчего бы и нѣтъ? Развѣ разстояніе что нибудь значитъ на «медленномъ» востокѣ?

Немного лѣтъ назадъ, когда О'Донованъ, бравируя смерть, пробрался въ Мервъ, тутъ въ развалинахъ главная опасность угрожала отъ разбойниковъ-туркменъ племени Эрзари. Въ данную минуту отсутствуетъ даже и такая поэтическая подробность. Довольствоваться надо воспоминаніями о томъ, стараться себя увѣрить въ благотворномъ вліяніи будущаго.

Оборачиваешься послѣдній разъ на неоглядный хаосъ башенъ, рвовъ, стѣнъ, куполовъ и тому подобнаго: зимній день тускло глядитъ на жалкую, хотя и величественную картину. Она же слабо бѣлѣетъ въ его прокрадывающихся лучахъ — и мнится, что все окутано снѣгомъ, какъ пеленою забвенія.

XVII.

ВЪ ЧАРДЖУЪ.

Собственно два города, около р. Аму-Дарьи, носятъ это названіе. Одинъ, туземный, существуетъ съ весьма давнихъ поръ, второй—русскій, только что возникъ, въ шести-семи верстахъ отъ перваго, быстро растетъ, общаетъ стать важнымъ пунктомъ. Здѣсь — центръ желѣзнодорожной жизни, мѣстопробываніе управляющаго дорогою генерала Анненкова. *). Соотвѣтственно съ этимъ главный образованный элементъ общества — инженеры, нѣкоторые офицеры, служащіе на новой линіи, наиболѣе вліятельныя лица изъ состава мѣстной администраціи. Какъ и вездѣ, на окраинѣ, когда сходятся въ сравнительно маленькомъ кружкѣ люди, сформировавшіеся въ столицахъ или, вообще, подъ вліяніемъ чего-то высшаго, цивилизующаго, они сплочиваются тѣснѣе, по пальцамъ могутъ пересчитать, кто при-

22 *) Такъ было въ 1889 г. Теперь все сосредоточено въ Асхабадѣ.

надлежитъ къ ихъ числу и кто нѣтъ. Пока второй Чарджуй еще только крѣпнетъ, странно было-бы ожидать, что въ немъ найдется столько развитыхъ, сознательныхъ дѣятелей, какъ встрѣчаешь *de facto*. Тутъ, безъ сомнѣнія, прямо или косвенно, сказывается присутствіе и вліяніе строителя дороги, умѣвшаго, мало по малу привлекать въ край и группировать вокругъ себя нѣкоторыхъ почтенныхъ пионеровъ мирнаго русскаго дѣла въ Средней Азіи. Тѣ, кого я подразумеваю, работаютъ упорно, безшумно; но и ихъ часъ придетъ, и ихъ со временемъ помянутъ въ исторіи нашего воздѣйствія на природу, промышленность и торговлю закаспійскаго востока.

Молодому городу всего три года отъ роду, а онъ смѣло можетъ поспорить, по господствующему въ немъ оживленію и по своему объему, со многими старыми городами. Широкія улицы тянутся правильными линіями. Строенія имѣютъ вполне приличный видъ. Движеніе поѣздовъ, присутствіе парныхъ извозчичьихъ колясокъ, дополняетъ картину внѣшняго благоустройства.

Только позднею осенью, когда наступятъ дожди, образуется страшная грязь. Въ темнотѣ, при плохомъ состояніи мѣстнаго освѣщенія, пѣшкомъ просто вязнешь. Тогда какъ нельзя болѣе кстати —недорогіе наемные экипажи.

Средоточіемъ общественной жизни на досугѣ является съ одной стороны маленькій, незатѣйливо обставленный клубъ, гдѣ иногда собираются обѣдать, пѣть, танцовать, — съ другой стороны вокзалъ съ его порядочнымъ буфетомъ, суетсяй толпой прѣзжающихъ и отѣзжающихъ, свѣжими новостями, злобой дня.

Теперь далеко не рѣдкость постоянно встрѣтить между путешественниками иностранца. На Западѣ мода посѣщать нашу Среднюю Азію. Железная дорога дѣлаетъ подобную экскурсію и быстрой, и поучительной, и пріятной. Не мѣшало-бы и самимъ русскимъ ближе и значительно основательнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, знакомиться съ этой необыкновенно важной окраиной.

Когда о ней печатно судятъ побывшіе здѣсь французы, надо съ извѣстною долей осторожности относиться къ ихъ восторженнымъ похваламъ, въ которыхъ безспорно звучитъ временное увлеченіе, ненадежная симпатія. Если нѣмцы отвлеченно говорятъ о славянскомъ призваніи углубляться на Востокъ и на словахъ это поощряютъ, то зачастую нельзя не заподозрить задней мысли: пусть, дескать, опасный сосѣдъ политически тамъ запутывается и хоть немного, но вѣрно ослабляетъ себя. У англійскихъ пишу-

щихъ туристовъ нѣтъ ни того, ни другаго свойства. Они вынуждены, ради блага своей родины, ради ея интересовъ въ Индіи, высказывать лишь то, что ихъ соотечественникамъ полезно принимать къ свѣдѣнію и взвѣшивать. Поэтому очень и очень желательно и намъ зорко, и съ пониманіемъ дѣла слѣдить, какъ развивается у нихъ литература о русской Средней Азійи. Эта отрасль литературы вообще начинаетъ вездѣ принимать внушительные размѣры. Цѣнныя замѣтки, брошюры, книги насчитываются уже сотнями. Ощущается положительная потребность разобраться въ указываемомъ матеріалѣ, не довольствоваться работами исключительно библіографическаго характера, тщательно оформить ихъ критическимъ путемъ.

Сознаюсь, что, по моему, — какъ ни печально это допустить, — добрая половина всего лучшаго, напечатаннаго о нашихъ новыхъ окраинахъ, принадлежитъ перу иностранцевъ, которые глубже насъ интересовались наиболѣе существенными вопросами: какова туземная культура, что такое исламъ въ тамошнихъ краяхъ, чѣмъ особенно замѣчателенъ духовный строй мѣстной жизни. Именно на это мы пока еще слишкомъ мало обращаемъ вниманіе. А безъ такого знанія, что же можно прочно создать, измѣняя старое, на

что же можно твердо уповать въ настоящемъ и будущемъ?...

Въ Чарджуѣ мнѣ довелось встрѣтиться и провести нѣсколько дней съ путешествующимъ англичаниномъ, военнымъ инженеромъ маіоромъ Уэльсомъ, тогда занимавшимъ въ Тегеранѣ постъ начальника англо-индійской телеграфной линіи. Раньше въ Узунъ-Ада я мелькомъ видѣлъ Кэрдзона, члена парламента, вторично пріѣзжавшаго на закаспійскую линію. Оба они — люди съ большимъ тактомъ, съ опредѣленными взглядами, съ несомнѣннымъ желаніемъ вынести изъ посѣщенія Средней Азіи что-нибудь цѣльное.

Для каждаго такого туриста слова «путешествовать здѣсь» равносильны обязанности наблюдать за всѣмъ, по мѣрѣ возможности, дѣлать сравненія съ другими частями Востока, осторожно обобщать, что имѣетъ вѣское значеніе во взаимодѣйствіи англо-русскаго вліянія на вещи.

Наши политическіе соперники въ этой сферѣ давно знакомы съ Туркестаномъ, давно стремились завязать съ нимъ торговое значеніе, настроить туземцевъ противъ Россіи. Десятки лѣтъ до покоренія нами страны, лондонское библейское общество распространяло между ними Священное Писаніе. Изслѣдователей не пугала смерть, грозившая среди фанатиковъ-мусульманъ. Мужество

пускавшихся въ путь, съ цѣлью послужить роднымъ интересамъ, поистинѣ удивительно. Уже по одной традиціи, нынѣ сюда наѣзжающіе англичане стараются быть столь же подготовленными для бѣглаго осмотра нашихъ владѣній, какъ предшественники оказывались неустрашмыми.

При этомъ невольно зарождается вопросъ, отчего нѣтъ такихъ-же русскихъ путешественниковъ по Индіи. Будь они, навѣрно бы у насъ не писалось о ней такъ много вздора, не лелѣялась бы, при всякомъ удобномъ случаѣ, мечта побѣдоносно идти на нее.

Впрочемъ, откуда имъ и явиться, думающимъ русскимъ туристамъ по англо-индійской имперіи, когда мы себя дома недостаточно изучаемъ? Чѣмъ тамъ можетъ увлечься россиянинъ, помимо пляски баядерокъ, фокуса факировъ, охоты на звѣрей?

Глубоко отлично воодушевленіе сыновъ Альбіона. Въ ихъ міровоззрѣніи все, подмѣчаемое у насъ, получаетъ особый смыслъ, наводитъ на неожиданныя мысли. Въ головѣ путешествующаго образованнаго англичанина неотъемлемо живетъ ясное представленіе о величіи его націи, объ ея почти повсемѣстномъ могуществѣ, гдѣ бы она ни пускала корни. Каждый много видѣлъ, много

объѣздить, много знаетъ, раньше, чѣмъ направляется въ Россію. Ни Кэрдзонъ, ни Уэльсъ не подозрѣвали, столкнувшись со мною, что меня практически интересуетъ соціально-политическая роль ламаизма въ Тибетѣ, Монголіи, бурятскихъ степяхъ. Но они оба заговорили объ этомъ, между прочимъ, какъ-то само собою, какъ о вопросѣ на очереди, какъ о такомъ предметѣ, о которомъ странно не имѣть понятія. А, спрашивается, сколько лицъ, даже въ нашихъ правящихъ сферахъ, не упоминая объ «интеллигенціи», хоть что-нибудь могутъ изрѣчь на эту весьма любопытную и важную тему?

Во время бесѣды съ упомянутыми англичанами, я убѣдился, что они вполне рисуютъ себѣ русское положеніе въ Центральной Азіи. Съ другой стороны передо мною возникала картина великобританскаго наступленія туда же, во всеоружіи долголѣтняго опыта, подчиненія ея себѣ экономически, воздѣйствія на Китай, чтобы сплотиться противъ общаго врага. Что противопоставится нами подобной молчаливой коалиціи?

Меня занимала мысль, видя, какъ мы встрѣчаемъ иностранцевъ у себя здѣсь, насколько разнился бы пріемъ ими насъ въ Индіи, если бы кто рѣшился туда ѣхать отчасти съ научными, отчасти съ публицистическими цѣлями. Навѣрно

за такимъ субъектомъ учредился бы самый тщательный надзоръ. Съ точки зрѣнія вѣжливости и доступности власти, конечно, держали бы себя безукоризненно, но дальше... Это, повторяю, еще вопросъ. Мы дѣйствуемъ наоборотъ. Прежде всего въѣздъ въ наши средне-азиатскія владѣнія для англичанина затрудненъ. Надо хлопотать въ Петербургѣ. Но разъ, что онъ очутится на мѣстѣ, разумнаго контроля нѣтъ. Оговариваюсь, на примѣрѣ: майоръ Уэльсъ, въ высшей степени обаятельный и умный человѣкъ, по специальности военный инженеръ, знатокъ Востока, владѣющій персидскимъ языкомъ *), вездѣ и въ Самаркандѣ, и въ Бухарѣ свободно гулялъ по базарамъ, входилъ въ общеніе съ туземцами, толковалъ съ ними, за всѣмъ могъ безпрепятственно наблюдать, даже чисто случайно узнавать многое, что намъ и принципиально, и ради стратегическихъ соображеній надлежало бы держать въ тайнѣ. Нормально ли подобное отношеніе? Къ чему этотъ *secret de polichinelle*?

Послѣ прибытія Уэльса въ Чарджуй, одинъ небольшой кружокъ пригласилъ его на *вечеръ съ*

*) Изъясняясь на немъ, можно толковать съ сартами, т. е. коренное населеніе Туркестана по крови и рѣчи иранскаго происхожденія.

цыганскимъ пѣніемъ. Дѣло въ томъ, что сюда прибыла партія какихъ-то страннаго типа людей, по ремеслу лудильщиковъ, выдававшихъ себя за сербовъ. Въ концѣ концовъ они оказались цыганами, да еще имѣющими родство на Черной рѣчкѣ.

Среди двора зажгли костеръ. «Смѣсь одеждъ и лицъ» ярко выдѣлялась при багряномъ освѣщеніи. Били въ бубень, хлопали въ ладоши. Сладостно-заунывные звуки дрожали и замирали въ ночномъ воздухѣ. У одной цыганки ребенокъ спалъ на рукахъ. Толстый, сумрачный Zigeunerbaron съ платьемъ, увѣшаннымъ серебряными украшениями, облокотясь на посохъ, стоялъ возлѣ живописной группы поющихъ. Сынъ нашего знаменитаго виртуоза и композитора Р. мастерски владѣлъ гитарою. \ Что-то чарующее оставалось въ сердцѣ послѣ каждаго напѣва. Стаканы съ виномъ ходили кругомъ. Англичанинъ былъ въ восторгѣ отъ вечеринки.

XVIII.

ПЕРЕДЪ СМЕРТНЫМЪ ПРИГОВОРОМЪ.

Сегодня памятный для меня день. Въ теченіе шести часовъ въ Чарджуѣ разбиралось военнымъ судомъ дѣло объ одномъ убійствѣ. Въ результатѣ ожидалась казнь черезъ повѣшеніе. Впечатлѣніе, оставшееся отъ зрѣлища—какъ доискивались истины, надолго неизгладимо.

Еще съ утра любопытные стали собираться къ дому, гдѣ должны были засѣдать судьи (у церковной площади, между желѣзной дорогой и базаромъ). Священнодѣйствовать готовились въ небольшой сравнительно залѣ или, точнѣе сказать, неотдѣланной комнатѣ съ нѣсколькими столами, скамьями и стульями. Обвиняемыми являлись лезгины, будто бы прикончившіе ночью еврея-приказчика въ одной лавкѣ, гдѣ продавались часы, золотыя и серебряныя вещи. Тутъ, въ новомъ краѣ, на разбой приходилось смотрѣть

съ крайнею строгостью, пытаясь обуздывать страшными мѣрами дурныя наклонности нахлынувшей сюда разношерстной толпы. Искатели приключеній, всякаго вида и оттѣнковъ, пришли и приходятъ въ Закаспійскую область, а затѣмъ и дальше, съ цѣлями наживы. Большинство имѣетъ самое туманное прошлое. Много такихъ элементовъ поставляетъ Кавказъ, при чемъ особенно нежелательнымъ элементомъ представляются армяне. Но они, кажется, рѣдко попадаютъ въ чемъ нибудь важномъ, рѣдко платятся за тяжкіе проступки.

На этотъ разъ судятся мусульмане, народъ еще не старый, крѣпкій, съ выразительно-дикими лицами. Дѣло, въ сущности, темное, запутанное. Кто убилъ? Кто укрывалъ и сбывалъ съ рукъ украденное? Вопросы, пожалуй, до сихъ поръ открыты, хотя и произнесенъ окончательный приговоръ.

Преступленіе совершено незамѣтнымъ образомъ. Криковъ жертвы не слышали. Въ борьбѣ съ нею видимо принимало участіе не меньше двухъ человѣкъ. Присутствіе ихъ въ лавкѣ не удостовѣрено, однако, ничѣмъ яснымъ показаніемъ. Неизвѣстно, когда и какъ злоумышленники могли туда проникнуть. Подозрѣнія, кромѣ лезгинъ, одно время падали на слѣдующихъ

лицъ: ночныхъ базарныхъ караульщиковъ, вольно-наемныхъ бухарцевъ, и армянъ, помѣщавшихся рядомъ съ убитымъ. Первые скрылись и не найдены до сихъ поръ. Эти же сказали, что кутили всю ночь, ничего не слышали, ничего не знаютъ. Затѣмъ и они покинули Чарджуй.

Конечно, нѣтъ основанія утверждать, будто именно кто-нибудь изъ нихъ виновенъ, но достоянъ вниманія фактъ, что ихъ не видно на судѣ. Дѣло слишкомъ важно, чтобы не взвѣсить каждую относящуюся къ нему подробность. Развѣ мыслимо признать исключительно трехъ лезгинъ центральными фигурами загадочнаго процесса?

Свидѣтелей—цѣлая длинная вереница. Чѣмъ больше говорится о преступленіи, тѣмъ нагляднѣе трудность опредѣленія, кто его совершилъ. Или надо сознаться, что человѣческое правосудіе безсильно здѣсь въ увѣренности карать, или приговаривать не подымавшаго, быть можетъ, руку на умерщвленнаго еврея. Главная и, тѣмъ не менѣе, весьма сомнительная улика—слова нѣкоторыхъ присутствующихъ кавказцевъ, будто подсудимый Махрамъ-Али проболтался самъ кому-то (но кому?) о своей прикосновенности къ злодѣянію. Показанія отбираются переводчикомъ и, Богъ вѣсть, какъ передаются.

Обвиняемые тоже безсловесны, тоже объясняются через третье лицо,—особенно заподозрѣнный лезгинъ, двадцатипятилѣтній, крайне типичный бородачъ, бродяга, бѣглый. Невольно является вопросъ: не выдаютъ ли его намъ соотечественники, чтобы самимъ выпутаться? Дескать, все равно, онъ отчасти — внѣ закона: пусть лучше пострадаетъ одинъ, почти безправный человѣкъ, нежели люди, рассчитывающіе на что-либо въ будущемъ. Мнѣ лично такъ и сдается, будто настоящіе убійцы—или въ числѣ свидѣтелей, или стоятъ въ наполняющей комнату толпѣ.

Рѣчь прокурора безцвѣтна и безсодержательна. Защитникъ, въ свою очередь, говоритъ безъ того одушевленія, которое можетъ коснуться сердца имѣющихъ произнести приговоръ. Хотя судъ и военный, но обильныя словоизліянія слишкомъ отзываются гражданскимъ духомъ, не гармонируютъ съ характеромъ его обычныхъ суровыхъ рѣшеній. Общія фразы о томъ и семъ какъ-то не вяжутся съ рѣчами, гдѣ ставится вопросъ о жизни или смерти. Къ счастью, отсутствуетъ стадо барановъ, именуемыхъ присяжными. Иначе это-бы просто обращалось въ комедію.

Зрителей собирается черезчуръ ужъ значи-

тельное количество. Женскій элементъ, съ его тупымъ любопытствомъ, просто отвратителенъ. Жара, тѣснота, томленіе, нетерпѣливое позвякиваніе арестантскихъ цѣпей. Я сижу непосредственно за спиной обвиняемыхъ. У двоихъ апатичное выраженіе. Ихъ, впрочемъ, судятъ лишь за укрывательство похищенныхъ въ лавкѣ вещей. Махрамъ-Али страшно волнуется. Черты поражаютъ судорожной подвижностью. Онъ точно видитъ приближеніе «непрошенной гостии», которую заклинаетъ поэтъ:

«Я жить хочу! Оставь мнѣ здѣшній свѣтъ»!

Трудно себѣ представить больше страданія и отчаянія на лицѣ, чѣмъ у этого несчастнаго лезгина. Наконецъ судъ удаляется въ особую комнату для совѣщанія. Наступаетъ долгое, ужасное ожиданіе. Въ толпѣ говоръ, и смѣхъ, и равнодушіе. Въ груди троихъ измученныхъ мусульманъ—глубоко потрясающая драма.

Писатели, возмущавшіеся картиною смертной казни, по-моему, напрасно выбирали тѣмой негодованія—именно этотъ моментъ. Есть другой, неизмѣримо худшій: минута передъ приговоромъ. Когда все безповоротно рѣшено, о чемъ тутъ философствовать, о чемъ скорбѣть? Возникаютъ мысли болѣе печальныя, если призадуматься надъ чувствами тѣхъ, кто ждетъ приговора и кто его

подписываетъ. Тутъ съ обѣихъ сторонъ—что-то звѣрское, что-то невыразимо жестокое. Ненависть и безпощадность словно сливаются воедино. Настроеніе передается зрителямъ. Опасающійся нервного разстройства едва-ли пойдетъ смотрѣть во второй разъ на подобную картину. Это ужъ дѣло дамъ. Потомъ, въ день смерти Махрамъ-Али, онѣ сбѣжались полюбоваться содроганіями висѣльника. Хорошо еще, что тактичный воинскій начальникъ Чарджуя распорядился удалить ихъ своевременно.

Въ сущности, я сильно сомнѣваюсь въ полезности такого рода казней, здѣсь, на окраинѣ, гдѣ ни туземцевъ, ни кавказцевъ—ничѣмъ не удивишь. Ссылка имъ куда страшнѣе. Спрашивается, зачѣмъ христіанской державѣ карать такимъ путемъ, *на глазахъ у иновѣрцевъ*, которые въ этомъ усматриваютъ лишь отраженіе безчеловѣчной дѣятельности собственныхъ эмировъ? Даже бухарца нанимаютъ *за палача*.

Параллельно съ тѣмъ, мы иногда оказываемся милосердными. Тогда-же въ Асхабадѣ случилось возмутительное происшествіе, довольно благополучно окончившееся для виновныхъ. Имъ грозила суровая и быстрая расправа; однако, гуманность одержала верхъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ главномъ городѣ Закаспійской области теперь масса

персіанъ. Они свободно и важно разгуливаютъ между туркменами, точно забывъ, что ихъ пу-скали сюда недавно не иначе, какъ съ верев-ками на шеѣ, въ качествѣ рабовъ. Къ числу льготъ, данныхъ властями, относится позволеніе всенародно предаваться неистовствамъ въ память мученической кончины Гассана и Гуссейна, сы-новей Али, зятя Магомета, святыни шіитовъ. Это напрасно разрѣшено, потому, во-первыхъ, что нѣтъ надобности обращать вниманіе новаго рус-скаго города на далеко не привлекательныя сцены шіитскаго бѣснованья (пусть дѣлаютъ, что хотятъ, у себя дома, за оградами!); а во-вторыхъ, нельзя этимъ смущать и раздражать туземцевъ-сунни-товъ на ихъ-же родной территоріи. И то, и другое не-осторожно. Впрочемъ, сама дѣйствительность сви-дѣтельствуешь о томъ-же. Въ прошломъ году, когда шіиты двигались по Асхабаду, вопя и нанося себѣ раны во имя своихъ духовныхъ вождей,— на дорогѣ попался персіанинъ, приверженецъ секты Баба, гонимой правительствомъ шаха за протестъ противъ господствующаго правовѣрнаго ученія. Нѣсколько такихъ безобидныхъ бабидовъ, по убѣжденіямъ близкихъ къ христіанству, посе-лилось въ нашихъ предѣлахъ.

Изувѣры замѣтили сектанта, тутъ-же изру-били и затѣмъ, ликуя, облизивая кинжалы, съ

которыхъ капала «нечестивая» кровь, отправились въ полицію сказать о случившемся.

На судѣ убійцы съ гордостью говорили о своемъ подвигѣ, прибавляя, что подобная участь ожидаетъ всякаго, кто не раздѣляетъ ихъ взглядовъ, будь это даже отецъ, мать... Фанатиковъ сначала приговорили къ смерти, потомъ къ ссылкѣ въ Сибирь. Могутъ-ли бабиды безъ опасенія приходить въ Асхабадъ? Не вздумаютъ-ли шиты тронуть другой разъ русскаго или туркмена? Вѣдь тутъ не знаешь, гдѣ грань религіозной вражды...

Такъ какъ уже рѣчь зашла о казняхъ, о смерти вообще и въ частности, не могу не припомнить одного факта, врѣзавшагося мнѣ въ память на пути отъ Узунъ-Ада въ Самаркандъ. Ъхала громадная толпа богомольцевъ изъ Мекки. Одинъ бѣднякъ, видимо совсѣмъ ослабѣвшій, благодаря дурному питанію и болѣзненности, замѣтилъ, что у него начинаютъ чернѣть ноги. Товарищи преспокойно рѣшили бросить несчастнаго, хотя ему, вѣроятно оставалось всего дня два-три до дому.

Покинутый хаджи сѣлъ около желѣзнодорожной станціи, на припекѣ, окруженный любопытными ребятишками. Обнаженная до колѣна оконечность представляла приманку для множества

мухъ. Онъ изрѣдка сгонялъ ихъ, медленно и почти нехотя. Призванный къ нему врачъ нашелъ, что противодѣйствовать гангренѣ поздно. Оставалось послать за носилками и снести больного въ баракъ. Выраженіе лица у злополучнаго богомольца нисколько не выдавало, что происходило въ душѣ при разставаніи съ тѣломъ. Мнѣ доводилось видѣть умирающихъ въ менѣе тяжелой обстановкѣ, но такого невозмутимаго состоянія духа я еще до сихъ поръ никогда и ничего не встрѣчалъ.

Когда онъ устремлялъ впередъ потускнѣлый взоръ, такъ и хотѣлось спросить: что онъ видитъ въ предсмертной агоніи, что ему рисуется въ невѣдомой и непонятной для насъ дали? Не Медина-ли вставала передъ нимъ?.. Цѣпь горъ. Великолѣпные сады. Громадный шаръ и полумѣсяцъ изъ золота горять надъ свинцовымъ куполомъ. Подъ нимъ покоится «пророкъ». Рядомъ лежатъ два первые халифа. огато. задрапированные катафалки едва видны въ комнатѣ, обитой чернымъ. Вокругъ—мечеть. Роскошные ковры тянутся по мраморному полу. Надписи по сторонамъ. Пестрые столбы (иные съ изображеніемъ деревьевъ и цвѣтовъ). Тайнственный свѣтъ, струящійся отъ лампадъ... Вотъ — дворъ центральнаго мекканскаго святилища, съ

красивыми вратами, сотнями порфирныхъ и гранитныхъ колоннъ, множествомъ маленькихъ куполовъ, съ минаретами. Пѣвучіе голоса муэдзиновъ призываютъ къ поздней молитвѣ. Нигдѣ не услышишь такихъ сладостныхъ звуковъ. Какъ они однако отличны отъ того, чему приходится внимать у подножія сосѣдней съ городомъ священной горы Арафатъ! Всѣ хаджи, затаивъ дыханіе, ожидаютъ, что скажетъ проповѣдникъ. На бѣлой, разукрашенной верблюдицѣ, съ вершины холма, неподвижный старецъ подъ свѣтлымъ покрываломъ, съ длинной палкой въ десницѣ, выдѣляется между неисчислимыми толпами вѣрующихъ. Около негры держатъ сребротканые зеленые знамена старшаго изъ мѣстныхъ потомковъ Магомета. При каждомъ словѣ люди бьютъ себя въ грудь, громко плачутъ, падаютъ ницъ, все болѣе и болѣе погружаются въ напряженно-восторженное состояніе... Умиравшій въ Закаспійскомъ краѣ хаджи чувствуетъ свою связь съ ними.

ХІХ.

НА ГРАНИ БУХАРСКИХЪ ВЛАДѢНІЙ.

Кромѣ представленій заѣзжаго цирка и странствующей драматической труппы, кромѣ собраній въ клубѣ, чарджуйская жизнь ничѣмъ не возбуждается къ веселью. Оживленія здѣсь вообще мало. Изрѣдка бухарскія власти смежнаго одноименнаго города устраиваютъ для народа любимую туземную потѣху, такъ называемую «байгу». Слово это у кочевниковъ (въ киргизскихъ степяхъ), собственно, значитъ—«скачка на призь»; устраивается она, чаще всего, при состязаніяхъ на поминкахъ или на свадьбахъ и т. п. Тамъ на лучшихъ лошадей садятъ мальчугановъ, и кони съ поражающей быстротой пробѣгаютъ отъ тридцати до сорока верстъ. Иной разъ просто красивая дѣвушка скачетъ впереди молодежи. Каждый изъ тѣхъ, кто гонится, старается настичь наѣздницу ради поцѣлуя. Она жестоко отбивается

плетью. Въ томъ и другомъ случаѣ есть что-то поэтическос, требуется извѣстнаго рода выносливость, удалъ. Здѣсь, въ осѣдлыхъ частяхъ Средней Азіи, ничего подобнаго нѣтъ. Последнее явленіе даже безусловно невысказуемо, въ виду замкнутого положенія, въ которое поставлена мусульманская женщина. Мѣстная байга, если присмотрѣться и вдуматься, не только не можетъ тѣшить, но должна въ концѣ концовъ производить отвратительное впечатлѣніе. Вотъ въ чемъ она заключается.

Передъ большою палаткой, на какомъ-нибудь маленькомъ пригоркѣ, среди равнины, днемъ, при ясной погодѣ, съѣзжаются: чарджуйскій бекъ (губернаторъ съ обширными полномочіями), его свита и нашъ военно-чиновный міръ. Мундиры, сюртуки, пестроцвѣтные халаты скучиваются, смѣшиваются. Поодаль видны экипажи, казаки, солдаты, рабочій и торговый людъ.

Громадная конная толпа туземцевъ, въ самой разнообразной и пестрой одеждѣ, нетерпѣливо топчется предъ очами своего начальства, ожидая, когда начнетъ забава. Наконецъ она начинается. Подъ ноги тѣсно съѣхавшимся лошадямъ бросается только-что зарѣзанный молодой козель чернаго цвѣта. Рѣзкіе крики глухо вырываются изъ груди всадниковъ. Содроганье пробѣгаетъ

между ними. Всѣ стараются надвинуться на мѣсто, гдѣ упало животное, пригибаются къ землѣ, понукають коней, какъ бы для оказанія помощи хозяевамъ. Упорная борьба длится иногда нѣсколько томительныхъ минутъ. Собственно, ничего не видишь, ничего не понимаешь въ этомъ медленно развертывающемся смятеніи. Но вдругъ картина мѣняется. Кто-нибудь ловко и сильно схватилъ добычу, пробиваетъ себѣ дорогу между наѣздниками и, если лошадь его понятлива, рѣзва, то далеко выносится за черту предъидущаго состязанія. Противники гонятся, отстають, наступаютъ, широкою лентою тянутся то здѣсь, то тамъ позади счастливца. Козелъ часто переходитъ изъ рукъ въ руки. Вѣнецъ искусства заключается въ томъ, чтобы стремительно кидаться по сторонамъ, такъ сказать, перелетая съ мѣста на мѣсто, измучить соперниковъ и сбить ихъ съ толку, первому прискакать къ бековскому шатру и швырнуть къ его подножію мертвое животное. Добычѣ случается быть истерзанной на куски. Кому достается нога, кому голова. За однимъ «козлодраніемъ» слѣдуетъ второе, третье и т. д. Любители-туземцы ожесточаются, забываютъ, гдѣ они и что они, ежеминутно грозятъ повалить палатку съ начальствомъ. Но она бдительно охраняется ярко разодрѣтыми бухарцами (изъ свиты

губернатора), которые большими, увѣсистыми палками отсыпаятъ удары, по чему попало, направо и налево, по людямъ и конямъ. Зрителямъ положительно должно надоѣдать нелѣпое времяпровожденіе туземцевъ. На потѣху можно смотрѣть съ любопытствомъ при ея началѣ, но они, видимо, мѣры не знаютъ. «Лошадей калѣчатъ, больше ничего», выражается про нихъ одинъ здѣшній полковникъ—киргизскій султанъ Букеевской орды. Лучшее изображеніе «байги» я встрѣтилъ въ красивомъ изданіи Мозера—«*A travers l'Asie centrale*».

Желая имѣть нѣкоторое представленіе о старомъ Чарджуѣ, я отправился туда. Онъ расположенъ верстахъ въ десяти отъ новаго, на лѣвомъ же берегу Аму-Дарьи, хотя слегка въ сторонѣ отъ нея—изъ опасенія наводненій—а также южнѣ желѣзной дороги, пересекающей оазисъ. И то ужъ вся мѣстная жизнь, съ внѣшней точки зрѣнія, слишкомъ быстро теряетъ свой среднеазиатскій отпечатокъ былаго обособленія, замкнутости! Русскій городъ въ теченіе цѣлаго дня полонъ туземцевъ, да и мы свободно гуляемъ по бухарскому.

Какова его древность? чѣмъ онъ замѣчателенъ? Пока я располагаю скудными свѣдѣніями. Въ этой полосѣ съ очень давнихъ поръ извѣстенъ

центръ, не лишенный какъ торговаго, такъ и стратегическаго значенія. Въ давнія времена онъ именовался Амуїэ, или Амуліэ, Амоль, отчего, будто бы, произошло названіе протекающей около рѣки. Въ X столѣтіи нашей эры, когда въ Бухарѣ правилъ могущественный Исмаиль (изъ иранскаго дома Саманидовъ), въ числѣ владѣній его упоминается вышеозначенный городъ. У послѣдняго еще передъ тѣмъ появлялся знаменитый арабскій полководецъ Кутейба, затѣмъ проходили въ XIII вѣкѣ монгольскіе воители. Позже начинается слышаться теперешнее наименованіе. Послѣ укорененія узбековъ въ Западномъ Туркестанѣ и при стремленіяхъ съ ихъ стороны досадить ненавистнымъ иранцамъ-иновѣрцамъ, Чарджуй всегда оказывается на пути слѣдованія войскъ, нападавшихъ на Персію. Не даромъ Надиръ-Шахъ, усилившись, нашелъ затѣмъ нужнымъ временно отнять у Бухарцевъ, въ 1740 г., этотъ пунктъ, гдѣ, благодаря слегка ослабленному теченію и меньшему разливу, издревле существовала сравнительно хорошая переправа черезъ Аму-Дарью. Утверждалось, что именно тутъ переправлялся Александръ Македонскій. По крайней мѣрѣ, на это какъ бы указываетъ присутствіе остроконечныхъ холмовъ, которыхъ въ другомъ мѣстѣ нѣтъ у рѣки, а по словамъ исторіи,

великій завоеватель, прибывъ къ ней, именно на такихъ-то возвышенностяхъ гелѣлъ разводить костры, чтобы растянувшееся по пескамъ истомленное войско шло на огни, догоняло полководца.

Съ конца прошлаго столѣтія, когда погибъ послѣдній персидскій городъ Мервъ и пустыня шире прежняго раздвинула свои жадные предѣлы между культурными центрами, это отразилось и на Чарджуѣ. Онъ сталъ передовымъ укрѣпленіемъ, куда посылались чѣмъ-нибудь провинившіеся подданные эмира, съ цѣлью слѣдить за разбойниками-туркменами и, по возможности, отражать набѣги. Такъ оно простояло до пятидесятихъ годовъ, послѣ чего мѣстечко начало снова развиваться. Владыка края, Модзаффаръ-эддинъ, сталъ заботиться объ ирригаціи. Но окрестности вовсе не представлялись безопасными. (Хищники иногда даже грабили на базарѣ). Еще сравнительно недавно бухарскія власти не рѣшались отпускать дальше въ степь иностранныхъ путешественниковъ, проникавшихъ сюда черезъ Ташкентъ и Самаркандъ, и вдругъ, теперь, изъ мертвыхъ и страшныхъ пустырей преблагополучно выходитъ съ громомъ и свистомъ чортова повозка «шайтанъ-арба», пожирающая пространство, гдѣ недавно прекращалась куль-

турная жизнь. Есть о чемъ призадуматься, чему подивиться!

Итакъ, я ѣду въ туземный Чарджуй. Говорятъ, что если его увидишь, прочіе города ханства, въ общемъ, уже ничуть не покажутся оригинальными, достойными осмотра. Правда, тамъ за то вездѣ древностей много,—мусульманскихъ святынь, вѣковыхъ замѣчательныхъ сооружений. Однако внѣшность улицъ и базаровъ, видъ толпы—до нельзя одинаковы и скоро перестаютъ привлекать вниманіе. Впрочемъ, Востокъ, должно быть, обладаетъ повсемѣстно такими свойствами. Ждешь чего-то особеннаго, вглядываешься и разочаровываешься. Оболочка слишкомъ монотонна, пожалуй, даже безцвѣтна. Все сосредоточено во внутреннемъ, весьма сложномъ мірѣ религіозно-философскихъ помысловъ и соотвѣтствующихъ чувствъ и грезъ. Пока не войдешь въ него, не коснешься самой сущности обступающихъ явленій,—они какъ бы лишены интереса, утомляютъ, надоѣдаютъ, почти-что внушаютъ отвращеніе. Я это испытывалъ неоднократно.

Напримѣръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ я ѣздилъ по бурятскимъ кочевьямъ и дацанамъ (буддійскимъ религіознымъ центрамъ), побывалъ въ духовно съ ними однородной Монголіи и въ Китаѣ. Лишь только доводилось очутиться среди

чуждой обстановки, дѣйствительность представлялась до нельзя жалкой, несимпатичной, тягостной. И подобное настроеніе продолжалось до ближайшаго ознакомленія съ ея психическими особенностями, съ тѣмъ, что ее животворило, съ принципами этой жизни. Тогда взглядъ на все кругомъ радикально измѣнялся, свѣтлѣлъ, роднилъ съ послѣднею. Подъ грубыми формами степного быта чуюлось окрыляющее вѣянiе чего-то высшаго, возносящаго надъ землей. Глубокое человѣколюбіе, вообще любовь ко всякаго рода тварямъ, стремленіе у врачевывать недуги ума и сердца, порывъ въ небеса,—все это наблюдалось въ восточно-сибирской и еще болѣе отдаленной глуши —и въ дымныхъ грязныхъ юртахъ, и около таинственныхъ кумирень. Завѣты Будды видимо пустили корни въ населеніи. Но для того, чтобы это видѣть, требовалось безпристрастное отношеніе къ иновѣрцамъ-полудикарямъ, требовалось желаніе читать ихъ въ душѣ.

Когда я, за городомъ Калганомъ, на пути отъ Кяхты въ Пекинъ; миновалъ поразительно красивыя дикія ущелья, гдѣ сѣрѣютъ грандіозныя очертанія великой китайской стѣны,—странное, радостное сознаніе, что я, наконецъ, вѣхалъ въ самобытнѣйшее изъ государствъ, довольно скоро

смѣнилось инымъ: какою-то вялостью, усталостью мысли, пресыщеніемъ, безгливостью.

Изнѣ вся эта китайщина стала сразу до такой степени знакома и противна, что и выразить трудно. Теперь же я искренно и твердо убѣжденъ въ важности разносторонняго изученія той почти незыблемой культуры, которая выработана Небесною имперіей и отъ которой народамъ запада не мѣшало бы очень многое разумно позаимствовать. Ея строй во всякомъ случаѣ не ниже нашего полного неустроя.

Бухарскій Чарджуй имѣетъ характерную вышность. Узкія улицы извиваются между невзрачными сѣрыми одноэтажными постройками, лишенными оконъ снаружи. Полутемные, крытые (отъ солнца и непогоды) базары, доступные не только людямъ, но и выючнымъ животнымъ (до верблюдовъ включительно); пестрый, убогій съ виду товаръ, безъ подбора наваленный на полу и на полкахъ; апатичные продавцы, или сидящіе, поджавъ ноги, у своего имущества, или же что-нибудь выдѣлывающіе, смотря по ремеслу, коимъ каждый занимается; суетливая толпа, верхомъ и пѣшкомъдвигающаяся по рядамъ лавокъ,—это быстро можетъ примелькаться, почудиться давно извѣстнымъ.

Повременамъ, заупрямившійся осликъ, на ко-

торомъ, къ слову сказать, путешествуетъ заразъ челоуѣка по два,—загородить дорогу, мѣшаетъ въюкамъ проталкиваться дальше среди многолюдья, никакими побоями не побуждается къ уступчивости. Тогда все вокругъ скучивается, кричить. Въ Бухарѣ, гдѣ скопляется гораздо больше базарныхъ посѣтителей, подобная задержка является еще сложнѣе и хуже, пока длинноухаго бунтовщика не схватятъ наконецъ за хвостъ и одну изъ заднихъ ногъ, не оттащатъ насильно въ сторону. И вотъ опять кровообращеніе возстановляется.

Чарджуйскій кремль (аркъ, урда) высится на пригоркѣ, съ довольно крутымъ подъемомъ; онъ удачно изображенъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ о нашей Средней Азіи и дѣйствительно красивъ. Передъ тѣмъ, какъ идти наверхъ въ ворота, съ двумя башнями по бокамъ (за стѣны крѣпости, въ жилище бека), озираешься и видишь себя среди сравнительно просторнаго двора, гдѣ стоитъ горсть бухарскихъ солдатъ. Еще недавно, въ моментъ пріѣзда чужестранцевъ съ визитомъ къ губернатору, представители мѣстнаго войска собирались на показъ въ значительномъ количествѣ. Теперь такой парадъ, справедливо, почитается излишнимъ. Прежде гостей встрѣчали заботливо и торжественно, богато дарили,

угощали, мучили туземнымъ этикетомъ. Въ наши дни это отходить въ область книжныхъ описаній. Бека предупреждаютъ, правда, заранѣе, кто его намѣревается посѣтить, но посѣщеніе не сопряжено съ особыми церемоніями, не требуетъ подарковъ, вообще—крайне просто.

Въ упомянутомъ дворѣ, бывшій здѣсь недавно французскій офицеръ, графъ Шолэ, осматривалъ подъ навѣсомъ бухарскія пушки и насмѣшливо опредѣлилъ, будто онѣ совершенно похожи на тѣ, изъ которыхъ стрѣляли англичане въ битвѣ при Креси, т. е. въ 1346 г. Если бы эмиръ о томъ зналъ, онъ едва ли нашелъ бы лестнымъ подобное сравненіе.

Гостей бека ожидаетъ у входа въ аркъ бухарскій *чиновникъ съ посохомъ* *) жметъ имъ руки и ведетъ къ правителю. Группы служащихъ стоятъ вдоль дороги, пока туда избираться, во внутреннія ограды главнаго дома. Туземный губернаторъ принимаетъ въ незатѣйливой полувосточной обстановкѣ, съ обыкновенными, недорогими коврами, немногими креслами и стульями, въ двухъ комнатахъ, изъ ко-

*) Подобно этому выходилъ уже на встрѣчу иноземнымъ посламъ канцлеръ древне-персидскаго царя (какъ это изображено на камнѣ въ Персеполисѣ).

торыхъ въ одной здороваются съ прїѣзжими; въ другой накрытъ достарханъ (собственно «скатерть» или, по здѣшнему, «угощеніе», притомъ далеко не отличающееся изысканностью и обиліемъ яствъ и лакомствъ). Тутъ, за столомъ у чарджуйскаго бека (сюда же назначаются лица весьма знатныя или съ большими связями: въ былое время сынъ самого эмира, потомъ внуки важнѣйшаго сановника), подается лишь малая доля всей той снѣди, о которой недавно еще говорилось путешествовавшими по Бухарѣ. Имъ предлагались обсахаренные орѣхи, фисташки, миндаль, изюмъ, сладкое тѣсто, сбитыя сливки съ яичными бѣлками, лимонное варенье, русскія конфекты, виноградъ, дыни, арбузы; затѣмъ,— такъ сказать, на обѣдъ — приносилась масса блюдъ: жаренныя куры съ лукомъ, пельмени, шурпа (супъ изъ рису и моркови), ширъ-брюнчъ (густая молочная каша), на всякіе лады приготовленныя баранина, куропатки, фазаны, куры, чай, и т. д. и т. д. Хотя, конечно, немислимо попробовать даже половины подобнаго угощенія, да оно и врядъ-ли бываетъ аппетитно подано; но для знакомства съ нѣкоторыми чертами туземнаго быта, это представляетъ безпорный интересъ.

Нынѣшній правитель (полосы лѣваго берега

Аму-Дары) — высокій юноша съ блѣдной, красивой, слегка измозженной фізіономіей, съ ничего невыражающими глазами. Его дѣдъ — родомъ персіянинъ, рабъ—по освобожденіи добился первенствующаго положенія въ ханствѣ и столь же высоко вознесъ свое потомство. Описываемый бекъ, повидимому, ничѣмъ не замѣчателенъ. Рѣчи его безсодержательны. Онъ, кажется, тяготится присутствіемъ чужеземныхъ посѣтителей. Между тѣмъ, именно здѣсь, въ Чарджуѣ, пора къ нимъ вполнѣ попривыкнуть, умѣть съ ними побесѣдовать, извлечь изъ радушнаго общенія съ ними что нибудь полезное и для себя, и для своей страны.

XX.

АМУ - ДАРЬЯ.

Великая рѣка! Съ какими странными чувствами приближаешься къ твоимъ далеко не живописнымъ берегамъ! Съ древнѣйшихъ временъ ты привлекала взоры историковъ, географовъ, завоевателей, купцовъ. Что-то таинственное, исполненное обаянія, связано было съ твоими названіями для воображенія европейца. И вдругъ, та почти недоступная даль, въ которой катились твои волны, становится легко достижимой, оглашается свистками паровозовъ и пароходовъ, скоро, пожалуй, сдѣлается цѣлью увеселительныхъ прогулокъ, вродѣ Рейна, Дуная, Волги. «Одно изъ чудесъ цивилизаціи XIX вѣка!» — скажутъ его поклонники. Я думаю, что явленіе это имѣетъ и другой, болѣе сокровенный смыслъ: тѣснѣе закрѣпляются связи Россіи со Средней Азіей, стоившей намъ столькихъ денегъ и крови.

Если бы мы не стали твердой ногой тутъ, на старозавѣтномъ естественномъ рубежѣ Ирана и Турана, наше положеніе могло бы еще считаться шаткимъ, неопредѣленнымъ. Теперь же, вмѣстѣ съ подчиненіемъ себѣ широко раскинувшейся рѣки, мы сразу доказали свое умѣніе пользоваться благами новѣйшей культуры во имя высшихъ идей, въ качествѣ аріійцевъ идти къ осуществленію задачъ будущаго, проявлять творческія способности тамъ, гдѣ до того замѣчался застой, преждевременное одряхлѣніе, первобытный порядокъ вещей. Въ отношеніи Запада, вообще русскіе во многомъ отстали, медлительнѣе развиваютъ свои силы, не всегда стоятъ на высотѣ вѣкового историческаго призванія. Здѣсь, на закаспійскомъ востокѣ, нынѣ наблюдается обратное явленіе: гордыя мечты соотвѣтствуютъ переживаемой дѣйствительностью. Англичане, французы, нѣмцы и т. д. удивляются нашей разумной и упорной энергіи. Литература о ново-созданной желѣзной дорогѣ растетъ съ каждымъ днемъ. Нечего и говорить, что смѣлый строитель положительно является центральной фигурой яркой картины, занимающей европейцевъ.

Если только немного удалиться отъ его скромнаго уютнаго жилища въ русскомъ Чарджуѣ, подходишь къ мосту (*длиннѣйшему въ мѣрѣ*),

перекинутому через рукава Аму-Дарьи. Вотъ ея пологіе берега, отвѣсно срѣзанныя быстрымъ теченіемъ. Вода мутная, коричнево-шоколаднаго цвѣта, благодаря обильной примѣси минеральныхъ частицъ и органическихъ веществъ. Оттого-то орошаемая ею земли искони славятся необычайнымъ плодородіемъ. Оно обусловлено плодоносными остатками (лѣссомъ, жёлтоземомъ) приносимымъ рѣкою (а, впрочемъ, также и знойными вихрями) со склоновъ самыхъ исполинскихъ горъ нашей планеты, по составу однороднымъ съ тѣмъ, что изслѣдовался въ Китаѣ знаменитымъ фонъ-Рихтхофеномъ. Тамъ, именно въ виду этой особенности, мыслима интенсивная земледѣльческая культура, почти безпримѣрная населенность.

Нашъ среднеазиатскій Нилъ (если позволительно такъ, выражаться объ Аму, не слишкомъ буквально примѣняя образъ благословеннаго кормильца страны фараоновъ) издревле почитался туземцами за нѣчто выдающееся по значенію. Она, будто бы, струится изъ рая. На ней, по преданію, встрѣтились послѣ грѣхопаденія и разлуки Адамъ и Ева. Тутъ, можетъ стать, зародились нѣкоторыя основы осѣдлой жизни. Наши доисторическія предки-арійцы въ своихъ гимнахъ называли эту рѣку (такъ же, какъ и

Сырѣ-Дарью) Раза, или Арангъ, Аргъ, Арвандъ («быстрый»), или Вакшу, Ямбунади *), Вэхрудъ, иногда же Икшу («сахарный тростникъ»), за сладкій вкусъ воды. Не Аму-ли подразумѣвалъ Геродотъ подъ своимъ Араксомъ? Въ эллинскую эпоху опредѣлилось слово Оксось. На извѣстной каталанской картѣ 1375 г., сдѣланной для Карла V Французскаго, отмѣченъ исполинскій Огусъ, на португальской 1501—1504 года—Оксія. Теперешнее наименованіе довольно темнаго происхожденія (отъ слова дарья—рѣка и Аму, такъ будто-бы величался важный средневѣковый городъ, на мѣстѣ Чарджуя). Очевидно, послѣднее предположеніе еще спорно. Мусульманскіе писатели называли Оксусъ Джэйхуномъ, испанскій посолъ къ Тамерлану — Клавиho, непонятно почему, прилагаетъ къ рѣкѣ названіе Віадмэ.

Англичане давно уже интересовались ею. Поэтъ Муръ говоритъ о ней въ «Лалла Рукхъ». Въ царствованіе Іоанна Грознаго, черезъ западную Дарью переправлялся Дженкинсонъ, ѣдучи изъ московскаго государства въ Бухару, чтобы способствовать возобновленію торговыхъ сноше-

25 *) Впрочемъ нельзя не сказать, что имена эти по временамъ ими давались тоже Инду и Тигру. Въ результатъ, конечно, получается страшнѣйшая путаница, при стараніи разъяснить географію древней Азіи.

ній Европы съ крайнимъ востокомъ сквозь Среднюю Азію. Морякъ Вудъ, въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, занялся истоками Аму. Съ тѣхъ поръ, особенно благодаря нашимъ успѣхамъ въ Туркестанѣ, — рѣка достаточно хорошо извѣстна, начиная отъ низовьевъ. Сравнительно недавно еще выражались сомнѣнія относительно судоходности на очень значительномъ протяженіи. Необычайно скоро образующіяся и снова исчезающія отмели могли, будто бы, затруднять всякое правильное движеніе по своевольной, стремительной Аму. Между тѣмъ, по Страбону, она вполне служила для сплава индійскихъ товаровъ въ Каспійское море, такъ какъ (если довѣрять туманнымъ показаніямъ древнихъ) вливалась туда. Нашъ почтенный ученый *Ханыковъ* въ «Описаніи Бухарскаго ханства», изданномъ въ 1843 г., прозорливо высказалъ: «Рѣка судоходна болѣе чѣмъ на 1100 верстъ, представляетъ важную коммерческую дорогу, нерѣдко протекая обработанными и заселенными мѣстностями, соединяясь черезъ Араль и Сыръ-Дарью съ туркестанскими базарами. Удобства эти остаются безъ пользы, — вѣроятно дотолѣ, пока какая-нибудь европейская держава не привѣетъ силой туземцамъ побольше дѣятельности и догадливости». Предсказаніе исполняется. Въ концѣ іюня

1890 года *отъ Чарджуя* пошелъ въ *Каза-
линскъ* пассажирскій пароходъ. Это — фактъ въ
высшей степени знаменательный, но пропущен-
ный печатью безъ вниманія. Онъ гораздо осяза-
тельнѣе гадательныхъ выгодъ, которыя бы могли
получиться отъ искусственнаго поворота Аму въ
Каспійское море. Теперь, — когда оттуда проло-
жена вглубь страны желѣзная дорога, — проектъ
является уже мало своевременнымъ. Стоитъ ли
затрачивать десятки миллионовъ на дѣло, которое,
пожалуй, не дастъ и половины ожидаемыхъ по-
ложительныхъ результатовъ? Мѣстный инженеръ
Н. И. Толпыго, въ одной статьѣ о нашихъ эконо-
мическихъ задачахъ, напечатанной въ «Рус-
скомъ Вѣстникѣ» 1888 г., затронувъ этотъ воп-
росъ, разумно замѣчаетъ: «Для чего непременно
плавать по водѣ тамъ, гдѣ ея нѣтъ, когда съ
неменьшимъ удобствомъ можно ѣздить по сушѣ?»
Дальше онъ шагъ за шагомъ разбиваетъ чрез-
чуръ пылкіе доводы тѣхъ лицъ, которыя хотятъ,
во что-бы то ни стало, доказать, будто Аму
прежде неоднократно впадала въ Каспій, слѣ-
довательно способна пробиться туда и теперь,
если ей окажетъ помощь человѣческое искусство.

Въ первыхъ, едва ли легко съ незыблемой
увѣренностью предположить: да, великая рѣка
когда-то протекала далеко на западъ. Во-вто-

рыхъ, допустивъ даже это, невольно спрашиваешь: развѣ тогда яснѣе становится возможность возсоздать утраченную связь между двумя столь отдаленными водными путями? Конечно, нѣтъ. До сихъ поръ еще очень и очень спорно, какимъ успѣхомъ сопровождались-бы дорогія и опасныя (для благополучія Хивы) попытки перемѣнить теченіе ея кормильца.

Недавно газеты опять заговорили объ этомъ проектѣ, въ виду гипотезы полковника П. Ф. Семенова, воспользоваться, съ указанной цѣлью, такъ называемымъ чарджуйскимъ сухимъ русломъ, вполне почти изслѣдованнымъ (на протяженіи болѣе 400 верстъ). Оно состоитъ изъ ряда шоръ (озероподобныхъ, глубокихъ и продолговатыхъ впадинъ), которыя ограждены съ сѣверной стороны длинной вереницей крутыхъ обрывовъ, а съ южной—песками. Берегъ Аму, гдѣ ее пересѣкаетъ желѣзная дорога, на 107 саж. выше уровня Каспійскаго моря. Если-бы рѣка къ нему снова устремилась, то при значительномъ уклонѣ могла-бы расчислить себѣ ложе. Во всякомъ случаѣ, тутъ рѣчь идетъ о томъ, на что рѣшаться въ неблизкомъ будущемъ. Пока довольно работы предстоитъ Анненковскому сооруженію. Оно оправдываетъ возлагаемыя на него надежды, — и за то надо благодарить Бога,

ибо сравнительно немного лѣтъ назадъ считалось безуміемъ помышлять здѣсь о рельсовомъ пути.

Не мѣшаетъ, впрочемъ, добавить, что вдоль предполагаемаго древняго русла встрѣчается прѣсная вода въ колодцахъ, на днѣ тянущихся цѣлью разнообразныхъ по величинѣ котловинъ стелется шелковистый песокъ (вродѣ аму-дарыинскаго), онѣ же окаймлены зарослями, растущими только у рѣкъ или несоленыхъ водоемовъ.

Туземцы сами хорошо не знаютъ, каково было направленіе могучей рѣки встарь. Пожалуй, она дѣйствительно однимъ лѣвымъ рукавомъ струилась черезъ Туркменію, а другимъ поила Араль. Но вѣдь надо еще выяснить, когда именно онѣ образовался въ отдѣльное море.

По новѣйшей теоріи санскритолога Брунхофера (на основаніи Ригъ-Веды), нынѣшняя Закаспійская область была населена арійскими и скинскими племенами, двинувшимися затѣмъ на Индію. По Аму производилась обширная торговля востока съ западомъ, начинала развиваться браминская культура, раскидывались роскошныя пастбища, не ощущалось недостатка въ водѣ. Если такое положеніе вещей продолжилось и послѣ,—то край навѣрное пестрѣлъ народами, изо-

биловалъ осѣдлыми пунктами. Понемногу должно выясниться археологами, насколько такое предположеніе вѣроятно. Пока же остается утѣшать себя мыслью, что онъ въ древности являлся однимъ изъ важнѣйшихъ на всемъ земномъ шарѣ, — и это Россія, а не какая-нибудь иная держава, призвана воззвать его къ новой свѣтозарной жизни. Аму-дарьинскій мостъ образно можетъ пониматься какъ сооруженіе, долженствующее служить звеномъ между пройденной нами съ величайшими затрудненіями пустыней и сравнительно благодатной полосой Туркестана.

Итакъ, вотъ онъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня—этотъ исполинъ, соединяющій далеко расходящіяся побережья. Переѣздъ черезъ него тихимъ ходомъ, въ виду предосторожности, занимаетъ около получаса, что уже даетъ достаточное представленіе о длинѣ, равняющейся почти двумъ съ половиной верстамъ надъ водой, не считая протяженія по островамъ. Нельзя не сказать подробнѣе о возникновеніи этой замѣчательной части рельсоваго пути.

Когда, въ концѣ ноября 1886 г., послѣдній дошелъ до Чарджуя, надо было заботиться о переправѣ привозимаго съ моря матеріала для самаркандскаго участка. Предлагалось съ этой

цѣлью пользоваться паровымъ паромомъ, или построить фундаментальный мостъ (желѣзный, на каменныхъ сваяхъ), стоимостью во много миллионовъ. Вамбери, удивленно слѣдившій за нашими успѣхами въ Средней Азїи, въ февральской книжкѣ «Fortnightly Review» 1887 г., выразилъ сомнѣніе въ томъ, чтобы на это пожертвовалась масса денегъ и времени. Генераль Анненковъ посмотрѣлъ иначе. Несмотря на малую сумму (около 300,000 руб. *), ассигнованную на перевозку матеріала черезъ рѣку, строитель, удовольствовавшись ею, велѣлъ приступить къ сооруженію деревяннаго моста на тысячахъ свай, съ пролетами **). Отдѣльныя его части связаны земляными дамбами (такъ какъ онъ перекинутъ черезъ главный рукавъ и еще побочные, омывающіе острова). Работа эта кипѣла съ лихорадочной быстротою. Общій подъемъ духа былъ чрезвычайно силенъ, о чемъ свидѣлствуютъ показанія иностранныхъ туристовъ. Англо-индійскій военный инженеръ, полковникъ Ле-Мессюръ, посѣтилъ тогда Чарджуй и, въ качествѣ знатока дѣла, усомнился, чтобы мостъ достроили къ на-

26 *) Одинъ наивный французъ-туристъ написалъ даже въ своей книгѣ: «Un raid en Asie», что на это ассигновали всего 35,000.

25 **) Число доходить теперь до двухсотъ сорока.

значенному сроку, и вдругъ, что же? Желѣзнодорожную переправу установили еще гораздо раньше, чѣмъ ожидать могли сами строящіе. Когда о томъ дошли вѣсти за Гималаи, оттуда на закашійскую линію немедленно полетѣла лаконически-краснорѣчивая телеграмма генералу Анненкову: «Splendid. Le Messurier». Одно такое слово, полученное изъ-за тысячъ верстъ, достаточно ярко говоритъ о значеніи сооруженія, которымъ русскіе вправѣ справедливо гордиться. Аму-Дарья—едва-ли не единственная въ мірѣ рѣка, по своимъ страннымъ качествамъ. Во время половодья, она быстрѣе царственной Невы и, къ тому же, обладаетъ удивительнымъ непостоянствомъ русла: сегодня здѣсь двѣ сажени глубины, завтра одинъ аршинъ, послѣ-завтра мель, немного спустя опять глубоко. Острова и берега то спѣшно растутъ, то съ грохотомъ и плескомъ (точно при ружейной пальбѣ) размываются. Мостъ на столь капризной рѣкѣ подверженъ ряду случайностей, причемъ самая роковая была бы та: прочное многомилліонное сооруженіе готово, Аму же внезапно мѣняетъ русло, уклоняется въ сторону, и мостъ бесполезно стоитъ на сушѣ... Ужъ если рисковать, такъ, по крайней мѣрѣ, недогимъ, деревяннымъ,—тѣмъ болѣе, что расходы на него почти сразу окупились (благодаря пере-

возкѣ матеріала для Самаркандскаго участка). Противъ наводненій ведется борьба. Слѣдятъ за безопасностью отъ огня. Ремонтъ довольно дешевъ. Даже при разрывѣ, правильное обычное движеніе, передача грузовъ въ вагонахъ на баржѣ, буксируемой пароходомъ, не прекращается. Блестящій примѣръ былъ въ прошломъ году. Все это уже прямо относится къ числу заслугъ строителя: сложные вопросы имъ просто, легко и скоро рѣшаются. Но зато каково же и было ликование въ праздникъ Крещенія Господня 1888 г., когда на мосту показался первый локомотивъ, изукрашенный лентами и цвѣтами!

Надъ водой виднѣется тысячный верстовой столбъ отъ Каспійскаго моря. Кто оцѣнитъ вполне, сколько энергіи затрачено на прохожденіе пути въ 999 в. къ твердо намѣченной цѣли? Я смотрю на эти безпокойно катящіяся волны, направляющія свой бѣгъ въ океанъ пустыни, вслушиваюсь въ ихъ голосъ, но что-то невнятное, загадочное таится въ немолчномъ ропотѣ громадной рѣки. Она словно грезитъ давно прошедшими временами. Иранскій богатырь Рустемъ и владыко Турана Афросіабъ сходятся у нея, сговариваются считать ее гранью двухъ враждебныхъ міровъ. И затѣмъ снова кровь, кровь,—столько крови, что ею бы можно было наполнить русло второй Аму-

Дарьи. То и дѣло черезъ рѣку переплавляются
войска, неся впередъ ужасы рѣзни и опустошенія.
Наконецъ-то благодатный покой нисходитъ на
берега древняго Окса.

XXI.

БУХАРА.

Поѣздъ давно уже отошелъ отъ праваго берега Аму-Дарьи, давно движется по зарѣчнымъ владѣніямъ эмира, а между тѣмъ, мѣстность вокругъ такая угрюмая, пустынная,—точно въ Закаспійской области, тамъ, гдѣ желтѣютъ безводные пески. Вечерѣетъ. Проѣзжаешь станцію за станціей, не встрѣчая ничего интереснаго. Когда-то наконецъ мы доберемся до предмѣстій знаменитаго города! Желѣзнодорожный пунктъ съ тѣмъ-же названіемъ лежитъ отъ него на разстояніи приблизительно двѣнадцати верстъ. Тутъ расположенъ нашъ не особенно многолюдный поселокъ, пока еще не развивающійся, занятый почти исключительно служащими. Построенный тутъ эмиромъ дворъ—пустъ. Наняты лишь двѣ-три лавки. Въ убогихъ шалашахъ при «русской Бухарѣ» живетъ до трехсотъ черно-

рабочихъ-персіанъ, нагружающихъ и разгружающихъ вагоны. Вотъ и все, что составляетъ пока новый центръ, долженствующій разростись въ послѣдствіе во что-нибудь значительное, съ перенесеніемъ сюда политическаго агенства изъ туземнаго города къ станціи *), куда затѣмъ, вѣроятно, двинутся многіе наши коммерсанты, теперь находящіеся въ столицѣ эмира, среди грязныхъ караванъ-сараевъ, въ самыхъ антигигіеническихъ условіяхъ. Тогда, между обоими важными въ торговомъ отношеніи пунктами, хорошо было-бы устроить конножелѣзную дорогу въ два пути, ибо сношенія были и будутъ чрезвычайно тѣсны, особенно съ тѣхъ поръ, какъ станція сама начала принимать грузы для отправки на всѣ наши русскія желѣзныя дороги. Это мѣропріятіе заставляеть мѣстныхъ купцовъ очень часто являться въ нашу Бухару.

Итакъ поѣздъ, какъ уже сказано, спѣшитъ къ ней отъ береговъ Аму-Дарьи. Темнѣетъ. Мало-по-малу ничего не различаешь вокругъ. Въ вагонѣ зажигаютъ свѣчи. Въ виду холоднаго ве-

22 *) Въ 1890 г. состоялись торги на постройку здѣсь группы зданій для г. Лессара (нашего уполномоченнаго) и его помощника г. Клема съ семействомъ, для ихъ канцеляріи и казачковъ агенства. Эмиръ ассигновалъ на это болѣе ста тысячъ рублей.

чера, сильно топятъ. Секретарь нашей миссіи при эмирскомъ дворѣ, восточникъ, любящій свою спеціальность (что у насъ, надо признаться, рѣдко встрѣчается) рассказываетъ мнѣ о своихъ планахъ—приступить къ раскопкамъ у древняго Бейкенда или Байканда, иначе Пяйкенда («княжого города»), близъ котораго мы проѣзжаемъ въ данную минуту. Безлунная ночь окутываетъ и поглощаетъ предметы извнѣ. Они словно потеряны въ обступающемъ мракѣ. Остатки старины, конечно, незримы, но чѣмъ пристальнѣе я всматриваюсь въ даль, черезъ потускнѣвшее стекло,—тѣмъ ярче разгораются въ воображеніи картины исчезнувшихъ временъ.

Еще нѣтъ и самой Бухары. На мѣстѣ, гдѣ она теперь высится, тянется низменность, покрытая озерами и болотами, тростникомъ и лѣсомъ. Ее наводняютъ рѣки и рѣчки, обильно питаемыя снѣгами горной цѣпи, къ востоку отъ нынѣшняго Самарканда. Страна, непригодная для земледѣлія, привлекаетъ однихъ охотниковъ и рыболововъ. Изъ отдаленнѣйшихъ частей Туркестана и доисторическаго Ирана сюда стекаются поселенцы. Создается Бейкендъ. Населеніе спланивается подъ властью имѣ-же избраннаго князя, по имени Абарци. Онъ оказывается жестокимъ и невыносимымъ. Кто понезависимѣ—

бѣжить, остальные горожане сносятся, моля о помощи, съ ближайшими туранскими элементами. Послѣдніе не заставляютъ себя долго ждать, берутъ городъ, захватываютъ правителя. Ему придумывается такая казнь, что волосы дыбомъ встаютъ на головѣ, если о томъ помыслить. Злополучнаго злодѣя сажаютъ въ мѣшокъ, наполненный гвоздями, и катаютъ по землѣ, пока замѣтны малѣйшіе признаки жизни.

Край понемногу дѣлается культурнымъ, — благодаря колонизаціи изъ Ирана, — застраивается. Древнѣйшій городъ заводитъ обширнѣйшія торговыя связи по всеѣмъ направленіямъ. Это, вѣроятно, Трибактра греческихъ писателей. Бейкендцы становятся своего рода финикіанами Средней Азіи. Отъ Китая до Каспія (черезъ Амуль и Мервъ) они возятъ груды товаровъ, непомѣрно богатѣютъ, заводятъ войска для городской обороны, держатъ дома семьи, воздвигаютъ пышныя капища (по Фирдуси, здѣсь былъ храмъ огня съ Авестой, начертанной золотыми письменами), сами же находятся въ постоянныхъ разбѣздахъ. Въ первыя столѣтія послѣ Р. Хр., закаспійскій востокъ былъ въ цвѣтущемъ состояніи, благодаря прочности здѣсь иранскаго духовнаго вліянія. Дальній Востокъ (т. е., какъ Индія, такъ и Небесная Имперія) могли входить

въ общеніе съ Европой, при посредничествѣ средне-азіатскихъ купцовъ. Но вотъ являются арабы и устремляютъ сначала всю свою хищную энергію на лучший изъ тогдашнихъ городовъ между Аму и Сыръ-Дарьей. Обейдаллабень-Абу-Бакара первый вторгается въ эту область. Славный полководецъ Кутэйба руководитъ дальнѣйшими движеніями завоевателей. Онъ всюду побѣждаетъ туземцевъ, наступаетъ на Бейкендъ. Тамъ созрѣла твердая рѣшимость защищаться, хотя нападающіе собрались въ числѣ свыше сорока тысячъ человѣкъ. Пятнадцать дней всѣ приступы тщетны. Наконецъ пробита стѣна, и мусульманскій вождь не скупится на обѣщанія тому, кто покажетъ примѣръ мужества и ворвется въ городъ. Въ случаѣ смерти героя, Кутэйба ручается, что награда достанется наследникамъ. Еще одна смѣлая атака,—и твердыня взята. Полководецъ оставляетъ здѣсь гарнизонъ и удаляется. Но слѣдомъ летитъ вѣсть: позади вспыхнуло возстаніе, почти всѣ арабы перебиты, Винавать начальникъ оставшихся въ Бейкендѣ, потому что насильственнымъ образомъ похитилъ двухъ красивыхъ дѣвушекъ. Отецъ ихъ изъ мести убилъ обидчика. Народъ довершилъ саморасправу.

Магометане поспѣшно возвращаются, грабятъ,

опустошаютъ, рѣжутъ буквально всѣхъ, кто способенъ носить оружіе. Туземные отсутствующіе богачи потомъ дорогою цѣною выкупаютъ женъ и дѣтей у суровыхъ пришельцевъ, пытаются возсоздать родной городъ, дѣйствительно поднимаютъ его изъ развалинъ; но бывшее значеніе мало-по-малу утрачено, политическія условія не благоприятствуютъ развитію, вродѣ прежняго. Историческій Бейкендъ мало-по-малу совершенно тонетъ во мглѣ забвенія. Надо надѣяться, что проектируемая г. Клемомъ роскоши обратятъ вниманіе ученаго міра на этотъ крайне любопытный пунктъ, который положительно того стоитъ, — особенно когда ожидаешь, что прольется свѣтъ на раннее китайское вліяніе въ западномъ Туркестанѣ. Должна же земля, усѣянная руинами, заговорить! Въ Америкѣ теперь найдены очень древнія монеты Небесной имперіи. Если ужъ тамъ многовѣковая тайна обнаружилась, — какъ ей не открыться здѣсь, среди развалинъ, нѣкогда исполненныхъ величія? Не можетъ быть, чтобы въ столь характерной мѣстности не оставалось тщательно зарытыхъ кладовъ, вообще какихъ-либо слѣдовъ старины. Меня лично наиболѣе интересуетъ, не разъяснится ли хоть что нибудь подробнѣе о религіи бейкендцевъ? Извѣстно, что побѣдители въ числѣ несмѣтной добычи за-

хватали огромныхъ буддійскихъ идоловъ изъ чистаго золота. У одного глазами служили двѣ великолѣпныхъ жемчужины, величиною съ голубиное яйцо. На вопросъ: откуда онѣ?—туземцы отвѣчали: принесены издалека невѣдомыми птицами. Фанатики-арабы низвергли кумировъ, ослѣпили наилучшаго, послали драгоцѣнныя очи «золотого бога» повелителю правовѣрныхъ. Халифъ письменно благодарилъ, выражалъ свое удивленіе. Сколько во всемъ этомъ матеріала, достойнаго поэтической отдѣлки! Но надо вникать въ него, работать на поприщѣ изученія Азіи, не пренебрегать подобными источниками для вдохновенія. А кто изъ нашихъ современныхъ писателей на это способенъ?

Вотъ мы, наконецъ, на станціи Бухара. Г. Клема встрѣчаютъ бухарцы, казаки. Лошади ждутъ у довольно красиваго вокзала. Онѣ не только повезутъ экипажъ, но и всадниковъ. На козлы здѣсь не принято садиться, когда ѣдетъ лицо съ извѣстнымъ положеніемъ, — чтобы не быть выше его. Дорога темная, неровная, утомительная. Кажется, ничего нѣтъ легче—незамѣтно оставить за собой какія-нибудь двѣнадцать верстъ; между тѣмъ, въ темнотѣ, среди незнакомыхъ мѣстъ, послѣ быстрыхъ желѣзнодорожныхъ переходовъ, путь представляется не-

имовѣрно длиннымъ, почти мучительнымъ. Мнѣ случалось дѣлать сотни верстъ въ Сибири и въ Монголіи, но, помнится, подъ-часъ цѣлый день ѣзды однообразными пустырями и степью проходилъ положительно веселѣе и скорѣе осторожнаго нашего странствованія отъ станціи къ столицѣ эмира. Правда, что царствовалъ почти абсолютный мракъ, и съ трудомъ приходилось двигаться впередъ. То лошади упрямылись, то мостъ черезъ канаву казался до того узкимъ и ненадежнымъ, что благоразумнѣе было пройти его пѣшкомъ, съ опасеніемъ глядя на оставшіяся въ экипажѣ багажъ, какъ-бы ему не искупаться въ грязной водѣ. Терпѣніе возвратилось, лишь когда сбоку затемнѣли какія-то высокія стѣны (вродѣ вала) и мнѣ объяснили, что это загородное мѣстопробываніе здѣшняго владыки, откуда уже недалеко до Бухары. Дѣйствительно, почуя близость дома, животныя прибодрились, дорога стала ровнѣе, ожиданіе рисовало заманчивыми красками прибытіе на ночлегъ. Неясными силуэтами выдѣлялись по сторонамъ конные безмолвные казаки съ ружьями за спиною. Нѣкоторая фантастичность обстановки начинала нравиться.

Востокъ всюду живетъ нормальнѣе Европы. Тамъ не понимаютъ, что можно обращать ночь

въ день, и на оборотъ. Послѣ заката солнца — оживленіе, суета стихаютъ. Въ такую пору надо отдыхать, сосредоточиваться до утра. Кому придетъ въ голову тревожить чужой и свой покой въ часы, предназначенные для него самой судьбою? Кто хочетъ попасть въ городъ или выѣхать изъ него, пусть дожидается разсвѣта. Въ Китаѣ, между Калганомъ и Пекиномъ, мнѣ разъ пришлось, благодаря такой задержкѣ, заночевать передъ однимъ городомъ.

Тутъ насъ не смѣютъ остановить. Ворота настежь. Стража бормочетъ привѣтствія. Вотъ мы катимся по пустыннымъ улицамъ съ тѣсно сдвинувшимися домами. Огоньки ручныхъ фонарей (вѣроятно, для освѣщенія намъ дороги) мелькаютъ здѣсь и тамъ. Какъ, однако, все стало легко доступно въ нашъ вѣкъ! Недавно еще грозная почти-что недосыгаемая Бухара ночью съ почетомъ встрѣчаетъ гостей «невѣрныхъ», внимаетъ топоту казачьихъ коней, быстрой экипажной ѣздѣ по своимъ улицамъ, гдѣ вообще, даже днемъ, не принято двигаться съ поспѣшностью. Случись это засвѣтло, на глазахъ многолюдной, волнующейся толпы, вступленіе въ «священный» мусульманскій городъ не казалось бы столь страннымъ, не наводило бы такъ сильно на раздумье.

Послѣ безконечнаго числа поворотовъ—желанная остановка. Мы въ подворьи, отведенномъ нашей дипломатической миссіи. Когда-то оно принадлежало знатному бухарцу Барать-беку. Онъ провинился передъ прежнимъ эмиромъ, и за это его приказано было живьемъ замуровать въ его собственномъ жилищѣ, а имущество конфисковать. Никто съ точностью не знаетъ, гдѣ погибъ несчастный. Говорятъ, трупъ потомъ вынули и отдали родственникамъ для погребенія. Тѣмъ не менѣе, казнь совершилась именно здѣсь; духъ скончавшагося въ мукахъ владѣльца именно тутъ долго не находилъ успокоенія. Входишь въ помѣщеніе, предназначенное для ночлега, и въ полутьмѣ высокой комнаты невольно представляешь себѣ печальную тѣнь, расплывающуюся, когда къ ней приблизишься. Еще одно усиліе воображенія, и видишь отверстіе въ стѣнѣ, высоко надъ поломъ: оттуда выглядываетъ искаженное ужасомъ бородатое лицо. Тамъ, позади, вѣетъ холодъ смерти, муки голода цѣпляются за свою безпомощную жертву. Она хочетъ вырваться на свѣтъ—и не можетъ...

Два бухарца чинно вносятъ мой багажъ, накрываютъ столъ, готовятъ чай и поѣсть. Какой, однако, контрастъ съ тѣмъ, что мнѣ чудится отъ усталости и нервнаго разстройства!

Узорныя двери то и дѣло растворяются. По двору снуютъ люди. Жизнь идетъ обычною чередою. Только больная греза прїѣзжаго европейца ищетъ чудеснаго, гдѣ нечего искать, гдѣ случай съ Барать-бекомъ—добродушная шутка правителя, сравнительно съ прочими злодѣяніями, которыми онъ себя запятналъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Главы.	Стр.
I. На дорогѣ въ Среднюю Азію	1
II. На среднеазиатскомъ рубежѣ.	10
III. Калмыцкая степь	18
IV. По Каспійскому морю	27
V. Узунъ-Ада.	28
VI. Въ пескахъ.	43
VII. Немаловажный вопросъ	49
VIII. По Закаспійской области.	61
IX. Въ окрестностяхъ Асхабада.	77
X. У Персидской границы.	82
XI. Этнографическое значеніе Средней Азіи.	89
XII. Тѣни минувшаго	99
XIII. Въ древнемъ Мервѣ	110
XIV. Среди развалинъ	119
XV. Изъ жизни Маргіаны	131
XVI. Въ Байрамъ-Али	143
XVII. Въ Чарджуѣ	156
XVIII. Передъ смертнымъ приговоромъ	165
XIX. На грани Бухарскихъ владѣній	175
XX. Аму-Дарья	188
XXI. Въ Бухарѣ	201